

SocioTime

Социальное время

3(23)

2020

Научный журнал

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426.

Тел. 8(8362)686040, 8(8362)686800. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки РФ от 23.03.2018) по следующим направлениям: 07.00.00 — исторические науки и археология; 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки

Редактор русского текста *А. И. Богданов*
Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*

Подписано в печать 12.01.2021. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,12. Тираж 500 экз. Заказ № 1145.
Дата выхода в свет: 18.03.2021. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет. 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3
Отпечатано в ООО «Вертола». 424004, Йошкар-Ола, ул. Льва Толстого, 45

Перепечатка или воспроизведение материалов номера
допускается только с письменного разрешения редколлегии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) — главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Кутырев Владимир Александрович, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) — секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России:

Аришинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмерикович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Дадаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Еришов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Макимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шалаева Светлана Леонидовна, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Н. Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом:

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Илиева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левицка Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филол. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тараров Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

3(23)

2020

Scientific journal

Founded in 2015
Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square, room 426.
Tel. 8(8362)686040, 8(8362)686800. E-mail: sociotime@volgotech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 07.00.00 — historical sciences and archeology; 22.00.00 — sociological sciences; 09.00.00 — philosophical sciences.

Editor A. I. Bogdanov
Computer imposition V. V. Khrenkov

Signed in 12.01.2021. The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 1145.
Release date: 18.03.2021. Open price.

Volga State University of Technology. 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square
Printed in "Vertola" LLC. 424004, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lev Tolstoy street, 45.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted
only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2021

EDITORIAL BOARD

Shalaev V. P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) — Editor-in-Chief
Dakhin A. V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V. I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Kutyrev V. A., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Lepsky V. E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S. V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A. A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V. V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) — Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• **Members of the editorial board in the regions of Russia:**

Arshinov V. I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafeva O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A. M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V. A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V. E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Dadaeva T. M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dunets A. N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A. N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A. V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K. I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Maksimova S. G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G. G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Nabiyev R. A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A. N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O. V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V. V., Doctor of Philosophy (St. Petersburg)
Sergeyev S. A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Spirova E. M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M. G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I. V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shalaeva S. L., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Shashkova Y. Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M. D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G. S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• **Members of the editorial board of the journal and representatives abroad:**

Babosov E. M., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P. A., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Zelenko A. I., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)
Muza D. E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Perinçek M. B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoev Y. V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Слово главного редактора.....	7
-------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

Кудинов А. С.

Коллективная рациональность в дискурсе: к вопросу о несоизмеримых формах рациональности	9
---	---

Малинин М. В., Бекарев А. М.

Футурологический прогноз появления тоталитаризма в глобальном пространстве.....	18
---	----

Хвастунова Ю. В.

Проекты религии будущего в трансгуманизме	25
---	----

Щетинина О. В.

Философия и практика «активного поворота» для социального государства в России	36
--	----

СОЦИОЛОГИЯ

Багирова М. И.

Проблемы расселения и регулирования демографического развития в Ленкорань-Астаринском экономическом районе.....	44
---	----

Ильин В. И.

Коронакризис современной цивилизации: реконфигурация пространства... 57

Кранзеева Е. А.

Эволюция участия российских женщин в общественных организациях и объединениях	70
---	----

Олешкова А. М.

Институциональные основания гендерного режима и гендерного порядка: обзор подходов	81
--	----

Хураמיшина А. З., Аглямов И. И., Винокуров Д. А.

Институционализация студенческого спорта в России: нормативные правовые основы организации студенческого спортивного клуба	94
--	----

ИСТОРИЯ

Киндинов М. А., Чедурова Е. М.

Россия и Джунгария при Галдане-Цэрэне: русско-джунгарские отношения во второй четверти XVIII в	102
--	-----

Набиев Р. А., Фатхуллин Р. А.

Особенности мобилизации религиозного сознания мусульман в ходе Великой Отечественной войны.....	118
---	-----

Павлова А. Н.

Древнемарийские браслеты с «головками»: происхождение и семантика. 129	
Подготовка и порядок приёма рукописей.....	137

CO NT ENT S

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

Kudinov A. S.

Collective rationality in discourse: on the issue of incommensurability of instrumental and communicative rationality	9
---	---

M. V. Malinin, A. M. Bekarev

Futurological forecast of totalitarianism in the global space	18
---	----

Khvastunova Yu. V.

The projects of the on-coming religions in transhumanism	25
--	----

Shchetinina O. V.

Philosophy and practice of the “active turn” for Russia social state.....	36
---	----

SOCIOLOGY

Baghirova M. I.

Settlement problems and regulation of demographic development in Lankaran-Astara economic region	44
--	----

Ilyin V. I.

Coronaries modern civilization: reconfiguration of space	57
--	----

Kranzeeva E. A.

The evolution of the participation of Russian women in public organizations and associations	70
--	----

Oleshkova A. M.

Gender regime and gender order institutionalized: a review of paradigms	81
---	----

Khuramshina A. Z., Aglyamov I. I., Vinokurov D. A.

Institutionalization of student sports in Russia: regulatory legal basis of the organization of student sports club	94
---	----

HISTORY

Kindinov M. A., Chedurova E. M.

Russia and Dzungaria under Goldan-Tseren: Russian-Dzungarian relations in the second quarter of the XVIII century	102
---	-----

Nabiev R. A., Fatkhullin R. A.

Features of the mobilization of religious consciousness of Muslims during the Great Patriotic War.....	118
--	-----

Pavlova A. N.

Ancient Mari bracelets with “heads”: origin and semantics	129
---	-----

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	137
---	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В двадцать третьем номере журнала **SocioTime / Социальное время** (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК рецензируемых журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учёными и исследователями из России и Азербайджана. Материалы посвящены актуальным вопросам философского, социологического и исторического знания. В фокусе статей журнала — современные и исторические процессы развития человека и общества. Журнал **SocioTime** позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Широкий круг редколлегии и международного редакционного совета журнала, представлен исследователями из университетов и академических институтов, в том числе Российской академии наук из Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, Барнаула, а также университетских центров зарубежных стран: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана.

География участников журнала традиционно широка. В 23 номере научного журнала «**SocioTime / Социальное время**» представлено 12 статей авторов из вузовских и научных центров России и Азербайджана. Три главных раздела журнала охватывают работы исследователей из Йошкар-Олы, Казани, Н. Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Кемерово, Горно-Алтайска, Нижнего Тагила и Баку (Азербайджан).

В раздел «Философия», включено 4 научных работ. Открывает его статья А. С. Кудинова (Российский государственный гуманитарный университет, Москва), в центре внимания которой *анализ проблемы коллективной рациональности в дискурсе*. Нижегородские авторы — М. В. Малинин и А. М. Бекарев (Научно-исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Н. Новгород), посвятили своё исследование *футурологическому прогнозу появления тоталитаризма в глобальном пространстве*. Автор из Сибири Ю. В. Хвастунова (Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск), провела критический анализ *проектов религии будущего в трансгуманизме*. Нижегородский автор О. В. Щетинина (Нижегородский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород) исследует *философию и практику «активного поворота» для социального государства в России*.

В разделе «Социология» представлено 5 статей. Автор из Баку М. И. Багирова (Национальная академия наук Азербайджана Институт географии имени академика Гасан Алиева, Баку, Азербайджан) исследует в своей статье *проблемы расселения и регулирования демографического развития в Ленкоран-Астаринском экономическом районе*. Санкт-Петербургский исследователь В. И. Ильин (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-

Петербург) в центр внимания своей статьи поместил *реконфигурацию пространства коронакризиса современной цивилизации*. Автор Е. А. Кранзеева (Кемеровский государственный университет, Кемерово) исследует в своей статье *эволюцию участия российских женщин в общественных организациях и объединениях*. В статье А. М. Олешковой (Филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил) анализируются подходы *институциональных оснований гендерного режима и гендерного порядка*. Авторский коллектив из Казани — А. З. Хурамшина, И. И. Аглямов, Д. А. Винокуров (Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, Казань) исследуют в своей работе *процессы институализации студенческого спорта в России, через призму нормативных правовых основ организации студенческого спортивного клуба*.

Номер продолжает раздел «История», включающий в себя 3 научные работы. Открывает раздел совместная статья М. А. Киндинова (Майминская СОШ № 1, Манжерок, Республика Алтай) и Е. М. Чедуровой (Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Республика Алтай), в которой проведён *скрупулёзный анализ русско-джунгарских отношений во второй четверти XVIII в., при Галдане-Цэрэне*. Авторы из Казани — Р. А. Набиев (Казанский [Приволжский] федеральный университет, Казань) и Р. А. Фатхуллин (Казанский [Приволжский] федеральный университет, Казань, Болгарская исламская академия, Болгар, Россия), в центр внимания своей статьи поместили *анализ особенностей мобилизации религиозного сознания мусульман в ходе Великой Отечественной войны*. В статье А. Н. Павловой (Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола) проведено *исследование происхождения и семантики древнемарийских брашлетов с «головками»*.

Редколлегия «SocioTime / Социальное время» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвящённые творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, особое внимание мы уделяем поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы современной науки, культуры, мировоззрения и общества.

Уважаемые коллеги, мы ждём ваши работы и открыты для обсуждения и дискуссий. Журнал «SocioTime / Социальное время» — это, несомненно, ваше социальное время, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб. 426, 430а. E-mail: sociotime@volgatch.net, ksnt@volgatch.net. Тел. редакции: 8-8362-686800.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте журнала (<https://www.volgatch.net/sociotime/>) и в системе Elibrary.

УДК 101; 316.32

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.9

КОЛЛЕКТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ДИСКУРСЕ: К ВОПРОСУ О НЕСОИЗМЕРИМЫХ ФОРМАХ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А. С. Кудинов

Российский государственный гуманитарный университет, Москва (Россия)

Введение. В статье обсуждаются часто употребляемые понятия «коллективное мышление», «коммуникативная рациональность» и «коллективная рациональность», которые описывают процесс коммуникации как форму рационального взаимодействия людей. При этом нередко последнее трактуется по-разному. В связи с этой проблемой рассматриваются отдельные аспекты этих понятий, даётся их критический анализ, а также проводится их сравнение. Поднимается вопрос о существовании универсального дискурса способного охватить различные сферы социального бытия.

Методы. В исследовании применяются методы сравнения понятий, используемых в различных формах дискурса.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Разные формы дискурсов применяют различные схемы и понятия для достижения консенсуса, что зачастую приводит к неоднозначному использованию понятий «коллективное мышление», «коллективная рациональность», «коммуникативная рациональность». В результате исследования показывается различие и противоречия этих понятий, а также рассматривается возможность их упорядочивания на основе принципов, применяемых в новой институционально политике.

Заключение. Понятия «коллективное мышление», «коллективная рациональность», «коммуникативная рациональность» могут быть упорядочены в рамках универсального института в виде «матрёшки». Что позволяет выработать более оптимальные схемы и принципы достижения консенсуса в дискурсе.

Ключевые слова: индивидуальная и коллективная рациональность, дискурс, новая институциональная политика, коммуникативная рациональность.

Введение. Наблюдение за людьми, ведущими дискурс, весьма интересно. Они, как живой организм, реализуют на основе своих мнений, знаний и эмоций что-то новое, приходя к соглашению, которое будет жить своей жизнью и влиять на их последующее сосуществование. В процессе подобного дискурса можно увидеть различные проявления человеческого поведения. Среди участников есть те, кто стремится во что бы то ни стало отстоять свою точку зрения, не учитывая мнения других, что редуцирует дискурс к монологу. Может случиться, что ответ на поставленный вопрос обсуждения уже существует у одного из участников в виде эвристического решения, но он/она не могут противостоять ораторским речам «политиков», которые профессионально занимаются публичными выступлениями. В результате решение поставленной проблемы будет носить не оптимальный и не

коллективный характер. Несомненно, можно утверждать и о наличии «безбилетников» в дискурсе — тех, кто не стремится вкладывать свой труд и усилия в достижение согласия, занимая пассивную позицию и ожидая краткосрочной выгоды в виде «коллективного блага», полученного от соглашения.

В коллективной работе «Совещательная демократия» (1998) Дж. Эльстер и другие, по данному вопросу, рассматривают различные примеры и сложности политического дискурса, поднимая вопрос о его различии с другими областями человеческой деятельности. Академический дискурс и дискурс политиков — это два совершенно разных дискурса, существующих по своим правилам [10, p. 165]. Следовательно, подходы по построению данных дискурсов должны кардинально различаться, а это, в свою очередь, приводит к формированию терминов и понятий, которые описывают коллективное обсуждение по-разному. К ним можно отнести такие понятия как «коллективное мышление», «коммуникативная рациональность» и «коллективная рациональность», часто встречающиеся в отечественных и зарубежных публикациях [12, С. 189]. Все они описывают процесс коллективного достижения соглашений в контексте таких дисциплин, как экономическая теория, политология и социология, стремясь прийти к универсальному дискурсу, способному уравновесить противоречия отдельных участников обсуждения. Может ли в принципе существовать подобный дискурс? Постараемся ответить на этот вопрос, выявив отдельные аспекты описанных выше понятий.

Методы. В исследовании применяются методы сравнения понятий, используемых в различных формах дискурса.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Коллективное мышление. Рассмотрение термина «коллективное мышление» можно начать с психологических вопросов, так, например, этот феномен разбирается в работе И. Джейниса «Жертвы группового мышления: психологическое исследование внешнеполитических решений и фиаско» [9]. В ней автор показывает психологические особенности группы, приводящие её к неверному принятию решений вследствие отхода от рационального мышления и пренебрежения законами логики. Феномен ошибок группового мышления вызывается тремя факторами. К первому можно отнести преувеличение полномочий и уровня морали группы. Этот фактор зачастую приводит к ощущению безнаказанности и принятию неоправданного риска. Ко второму фактору относится закрытость группы, которая приводит к неправильному анализу внешней среды и негативному отношению к внешним оппонентам и критике. К этим факторам можно добавить фактор единогласия, когда за действиями отдельных членов обсуждения стоит мнение диктатора, остальные же участники проявляют пассивную солидарность. Подлинное коллективное мышление, в отличие от подобного группового, стремится к рациональному и критическому обсуждению вопросов.

Не стоит ассоциировать коллективное мышление с другой хорошо известной формой коллективного решения задач — «мозговым штурмом» [2, С. 39]. Появившись в 30-х годах XX века в Америке, данное понятие закрепило за собой представление о способности группы эффективно решать сложные технические задачи, с которыми индивид не может физически справиться из-за ограниченной

природы своего мышления. Именно поэтому ему на помощь приходят процедуры, способные расширить горизонт возможных решений и тем самым выбрать из них более подходящее и не замеченное ранее. Мозговой штурм или *Brainstorming* разделяется на два этапа: на первом участники генерируют идеи, которые не подвергаются критике и рациональной аргументации, а на втором — проводится их экспертная оценка. Итоговым результатом становится набор решений, которые в последующем передаются иной инстанции для окончательного выбора и принятия решения. Данный подход сегодня часто подвергается критике из-за отсутствия критериев оценки выдвигаемых идей, а также из-за неконтролируемого движения к более «сильному» решению. В итоге этот подход в различных странах мира показал низкую эффективность — процент успешного решения проблем в таких мозговых штурмах не превышает 1—2 %.

Понятие «коллективное мышление» нужно соотносить с процедурами и схемами принятия коллективных решений, которые подвергаются открытому и публичному обсуждению. Принято считать, что единственный способ реализовать подобные схемы обсуждения возможен только в совещательной демократии. Так как именно она позволяет реализовать рациональную схему принятия коллективных идей и решений, а также аргументов отдельных участников дискурса. При этом не стоит забывать, что при рационально выстроенном дискурсе любая группа сталкивается с тремя крупными проблемами, порождаемыми действием двух несоизмеримых форм рациональности: инструментальной (индивидуальной) и коллективной рациональности. К этим проблемам можно отнести проблему агрегирования индивидуальных предпочтений, проблему достижения коллективного решения (её можно интерпретировать как проблему «дилеммы заключённого») и уже упоминаемую выше проблему «безбилетников».

В этих условиях исследователи дискурса предлагают различные подходы и схемы, которые должны оградить группу от допущения подобных проблем. Автор фундаментальной работы «Коллективная рациональность и коллективное мышление» К. Мак-Магон видит решение в последовательном рассмотрении повестки дня в малых группах, в которых каждый участник вносит свой вклад в достижение соглашения. Предлагаемые им схемы должны мотивировать отдельных участников отойти от принципов индивидуальной рациональности и прийти к принципам коллективной рациональности [11, С. 21]. В основу достижения соглашения закладываются не только экономические критерии коллективной деятельности, но и более фундаментальные принципы присущие человеку, а именно честность, доверие, моральные принципы, которые позволяют участникам обсуждения активно присоединяться к обсуждению и, выбрав нужную схему дискурса, избежать ошибок группового мышления. Мак-Магон относит к таким проблемным ситуациям случаи, когда набор тем для обсуждения спускается от большей группы к меньшей, что приводит к появлению небольших сходно-мыслящих групп (*like-minded groups*). Решение подобных проблем, согласно его идее, может быть найдено в спикерах — людях, способных отстаивать мнение малых групп перед лицом общества в лице «промежуточных ассоциаций и бюрократических контор» [11, С. 201].

Не стоит недооценивать экономические условия и необходимые ресурсы для принятия участия в подобного рода дискуссиях. Мы зачастую слышим, как судьбоносные решения по строительству высокоскоростных магистралей или заводов выносятся келейно, без обсуждения с людьми, живущими рядом с такими объектами. К таким примерам можно отнести строительство предприятий недалеко от озера Байкал или магистрали М11 «Москва — Санкт-Петербург», которая проходит теперь через лесную зону некогда бывшей частью заповедника. Подобные проблемы дискурса и коллективного обсуждения затрагивает А. Сен [11], говоря о необходимости иметь не только формальное равенство участников, но и равенство по существу. Иначе подобное неравенство приведёт к политическому унижению группы, что позволит доминирующей стороне манипулировать голосами большинства, которое, в свою очередь, будет вести себя как «безбилетники». Поэтому эффективность коллективных решений зачастую сводится не только к отдельным схемам и принципам обсуждения, но и затрагивает политические условия, в которых находятся участники обсуждения. Тем самым подразумевается наличие институциональных механизмов, способных формировать рациональное общественное мнение в рамках демократического строя.

Понятие «коллективное мышление» многогранно, но его главной особенностью является то, что оно не нацелено на конечный результат как самоцель. Очень часто случается так, что обсуждение проблемы приводит к появлению иного общественного мнения или его полного видоизменения. Коллективное мышление не формирует абсолютное решение, но стремится найти многомерный баланс между участниками дискурса и подготовить почву к пересмотру проблемы в будущем. Такой подход является важнейшим отличием данного понятия от понятия «коллективная рациональность». Как отмечает Б. Таунлей в работе «Пренебрежение разумом. Рациональность и организация», «коллективное мышление однозначно отвергает коллективную рациональность как процесс оптимизации независимого индивидуального принятия решений или агрегирования предпочтений» [12, С. 194]. Это делает его не целью, а способом достижения цели. Но такой подход к коллективному мышлению может быть подвергнут критике. Д. Эстлунд задаётся вопросом о достаточности процедур для получения разумного и приемлемого результата. По его мнению, процедурализм должен соотноситься с независимыми стандартами оценки конечных решений [7, С. 178].

Коммуникативная рациональность. Иную теоретическую концепцию, применяемую в дискурсе, обосновал Ю. Хабермас в работе «Моральное сознание и коммуникативное действие» (1987). Эта концепция получила название «коммуникативная рациональность». Предыстория её возникновения уходит в 30-е годы XX века, когда Т. Парсонс пытался создать единую социальную теорию, объединяя идеи Э. Дюркгейма, В. Парето, М. Вебера и А. Маршалла. Он указывал на наличие конвергенции в трудах классиков социальных наук, показывая их стремление к отходу от одностороннего использования методологического индивидуализма и холизма в сторону единого подхода, объясняющего социальную реальность [4, С. 70]. Попытка реализации этого подхода предпринимается им в работе 1937 г. «Структура социального действия». Цель, которую поставил перед собой Парсонс,

была довольно амбициозна. Он стремился объяснить существование социального порядка, встроив в него индивидуальные действия отдельных агентов. Тем самым Парсонс устранял дихотомию «действие — структура». Несмотря на фундаментальный вклад в развитие теоретической социологии, такой подход оказался не вполне удачным, породив широкую критику в 70-х годах XX века со стороны неопутилитаристов и заставив научное сообщество вновь пересмотреть подходы к построению единой модели общества. Именно Хабермас предпринимает вторую попытку по объединению различных точек зрения на описание социальной реальности. Он пытался ограничить негативное воздействие инструментальной рациональности, заставляющей человека относиться к другому человеку как к средству для достижения собственной цели. На этих основаниях он приходит к идее возникновения иной формы рациональности — коммуникативной, которая возникает во взаимодействиях, не затронутых насилием. Под насилием подразумевается действие различных властных структур и соответствующих им различного рода институтов. Также Хабермас предлагает обратиться к концепции «жизненного мира» Э. Гуссерля [1, С. 479] и тем самым отойти от идеализированного мира к миру, данному нам непосредственно с полной очевидностью.

Коммуникативная рациональность возникает в этом мире очевидности, как средство достижения согласия посредством лучшего аргумента без воздействия любых форм насилия в виде инструментальной рациональности. Рассматривая данный феномен, Хабермас приходит к набору моральных принципов, которые позволяют людям договориться и тем самым повысить эффективность дискурса. К ним можно отнести такие моральные принципы, как общность участников обсуждения по проблеме или вопросу; наличие равных возможностей для обсуждения проблемы; готовность «вчувствоваться» в позицию другого; отсутствие властных структур и прозрачность целей [3, С. 199]. Несмотря на высокую теоретическую полезность данной работы, она в итоге не нашла отклика у сторонников совещательной демократии из-за своей утопичности и оторванности от реального жизненного опыта, в котором всегда существуют властные структуры.

Здесь видны различия между понятиями «коллективное мышление» и «коммуникативная рациональность». Как уже отмечалось, академический дискурс отличается от политического набором инструментов, используемых участниками обсуждения. Очень часто политики не занимаются поиском истины, как это делается в академической среде. Они лишь стремятся воздействовать на оппонента для того, чтобы показать неуместность его слов или идей, надавить на его личные и профессиональные навыки, оставляя в стороне реальные проблемы обсуждения. Более того, институты власти, сформированные на основе насилия, по идее Хабермаса, занимаются в обществе поиском равновесия, способного посадить за стол переговоров разные слои населения. К ним можно отнести институты суда, законодателей и исполнительную власть. Эти институты пытаются найти баланс в обществе в реальных условиях, зачастую отличающихся от теоретических конструкций. Обладая легитимной властью, они встают в противовес с другими властными структурами, к примеру бизнесом.

Коллективная рациональность. Дискуссия об институциональных принципах приводит рассмотрение проблемы дискурса к одному из неоднозначных теоретических концептов — «коллективной рациональности». История его возникновения в том виде, в котором он применяется здесь, уходит в середину XX в., когда экономист К. Эрроу публикует работу «Коллективный выбор и индивидуальные ценности». Этот труд становится темой для широкого обсуждения в научном сообществе, поскольку в нём априорным путём показана невозможность соединения индивидуальных предпочтений отдельных индивидов в единое коллективное благо, не разрушающего фундаментальные принципы демократического строя. Описать данную проблему можно следующим выражением: для того, чтобы прийти к коллективной выгоде на рациональных началах, агрегировав при этом индивидуальные предпочтения его участников, необходимо участие диктатора. В иных случаях достигнуть консенсуса на рациональных началах невозможно.

В таком виде «теорема о невозможности» Эрроу породило череду обсуждений, в которых возник термин «коллективная рациональность», как форма рациональности, выражающая коллективное благо. Если же перенести теорему о невозможности в область дискурса, то коллективное благо его участников — это «общее суждение с другими» [8, С. 226]. Поэтому напрашивается вывод, что прийти к коллективному соглашению в дискурсе без лица, принимающего финальное решение, то есть диктатора, нельзя. А это, в свою очередь, влечёт к краху любые попытки построить эффективные процедуры коллективного мышления, рассмотренные нами ранее. В результате мы, казалось бы, оказались в замкнутом кругу. Начав обсуждение с совещательной демократии в форме коллективного мышления и рассмотрев способы достижения соглашения, мы видим преграду. Коллективная рациональность в рассмотренном понимании как бы должна существовать, но в то же время оказывается невозможной. Не тратим ли мы зря время на построение сложных конструкций или процедур взамен более важного — воспитания будущих рациональных «диктаторов», которые могли бы думать не только о своём, но и об общем благе?

Конечно, это не единственный выход из ситуации. Проблема соотнесения рассмотренных понятий скорее всего связана с их узким рассмотрением в рамках одной теории или подхода. Так, работе Эрроу о невозможности можно противопоставить работу Дж. Нэша о равновесии, которая говорит о том, что независимые участники дискурса смогут договориться, если у них будет представление о возможных способах взаимного обмана. Если такие способы есть, то согласия не достичь, если же их нет, то договор будет достигнут. Не значит ли это, что проблема дискурса сводится к вопросам информированности его участников? Они должны обладать большим объёмом данных о прошлом, настоящем и различных аспектах человеческого поведения, что должно позволить им прийти к более универсальному соглашению.

Универсальный дискурс. Действительно, вся сложность достижения общего договора зачастую сводится к человеческому несовершенству, неспособности обрабатывать большие объёмы информации и подавлять личные эмоции и чувства. Но то, что не по силам сделать отдельным индивидам, возможно в рамках органи-

зованной и систематической деятельности людей в рамках институтов. Именно последние становятся тем вершителем судеб и третейским судьёй, к которому мы обращаемся за справедливостью. Интересно, что аналогичный подход к роли институтов встречается у ведущих представителей австрийской школы экономики К. Менгера и Ф. Хайека. Они описывают институт как равновесие между людьми, и на той же самой позиции основана новая институциональная политика [6, С. 582]. Нельзя ли предположить, что коллективная рациональность подразумевает под собой не простое агрегирование индивидуальных предпочтений, но идеальный институт, в котором выявляются возможные схемы обмана, конфликтов и решаются задачи достижения согласия? Если так, то само понятие «коллективная рациональность» однозначно определяет своё место в череде рассмотренных ранее понятий и проблем. Оно становится универсальной формой института, в котором осуществляется деятельность на основе «коллективного мышления», а моральные принципы достижения согласия лежат в рамках «коммуникативной рациональности». Коллективная рациональность является тем образцом, к которому нужно стремиться. Следовательно, если мы зададимся вопросом существования универсального дискурса, то сначала мы должны задаться вопросом существования универсального института, способного эффективно решать коллективные проблемы индивидов, которые обладают индивидуальной рациональностью. Именно в контексте такого универсального института может быть реализован универсальный дискурс.

Заключение. Понятия «коллективное мышление», «коммуникативная рациональность», «коллективная рациональность» несут на себе отпечаток тех областей и форм применения, в которых они возникли и с которыми связаны. Решение этих нестыковок нужно искать в универсальных коллективных формах человеческой деятельности, таких как институт, который соединяет в себе аспекты политики, социологии, экономической теории. Рассмотренные нами примеры наталкивают на мысль, что между ними существует внутренняя взаимосвязь, которая реализуется в рамках универсального института. Эти понятия, представляют из себя «матрёшку», внешней формой которой является «коллективная рациональность», внутренней — «коммуникативная рациональность», а «коллективное мышление» обеспечивает их взаимосвязь. Любые же формы инструментальной рациональности существуют внутри этой «матрёшки» и стремятся вырваться из неё.

Список литературы

1. Гайденок П. П. Научная рациональность и философский разум, М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 528 с.
2. Меерович М. И., Шрагина Л. И. Теории решения изобретательских задач. Минск: Харвест, 2003. — 428 с.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие, НАУКА, Санкт-Петербург, 2001.
4. Йоас Х., Кнёбл В. Социальная теория. Двадцать вводных лекций, СПб.: Алетей, 2011. — 840 с.
5. Chambers, S. (1996). Reasonable Democracy: Jürgen Habermas and the Politics of Discourse. Ithaca, NY: Cornell University Press.
6. Crawford S. E. S.; Ostrom E., A Grammar of Institutions, The American Political Science Review, Vol. 89, No. 3. (Sep., 1995), pp. 582—600.

7. Estlund, D. (1997). 'Beyond Fairness of Deliberation', in J. Bowham and W. Rehg (eds.), *Deliberative Democracy*. Cambridge, Mass: MIT Press, pp. 173—204.
8. Gaus, G. (1997). 'Reason, Justification, and Consensus: Why Democracy Can't Have it All', in J. Bohman and W. Rehg (eds.), *Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics*. Cambridge, Mass: MIT Press, pp. 205—42.
9. Janis I. *Victims of group-think*. — Houghton Mifflin, 1972.
10. Johnson, J. (1998). 'Arguing for Deliberation', in J. Elster (ed.), *Deliberate Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. McMahon C. *Collective Rationality and Collective Reasoning*. Cambridge University Press. 2001.
12. Sen, A. 'Economic Behaviour and Moral Sentiments', in A. Sen (ed.), *On Ethics and Economics*. Oxford: Blackwell. 1987.
13. Townley B., *Reason's Neglect Rationality and Organizing*, Oxford University Press 2008.

Авторская справка

КУДИНОВ Александр С., соискатель на получение научной степени кандидата философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия. E-mail: kudinovasrus@yandex.ru.

UDC 101; 316.32

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.9

***COLLECTIVE RATIONALITY IN DISCOURSE: ON THE ISSUE
OF INCOMMENSURABILITY OF INSTRUMENTAL
AND COMMUNICATIVE RATIONALITY***

A. S. Kudinov

Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia)

Introduction. The article discusses the frequently used concepts of «collective reasoning», «communicative rationality» and «collective rationality», which describe the process of communication as a form of rational action between people, while often they interpret this action differently. In connection with this problem, certain aspects of these concepts are considered, their critical analysis is given, as well as their comparison is carried out. The question about the existence of a universal discourse that can cover all spheres of social existence is raised.

Methods. The research uses methods for comparing concepts used in various forms of discourse.

Results. Different forms of discourse use different schemes and concepts to achieve consensus, which often leads to ambiguous use of the concepts of «collective thinking», «collective rationality», and «communicative rationality». The research shows the differences and contradictions between these concepts, as well as the possibility of their ordering based on the principles applied in the new institutional policy.

Conclusion. The concepts of «collective thinking», «collective rationality», and "communicative rationality" «can be ordered within the framework of a universal institution in the form of a «matryoshka». This allows us to develop more optimal schemes and principles for achieving consensus in the discourse.

Keywords: individual and collective rationality, discourse, new institutional policy, communicative rationality.

References

1. Gajdenko P. P. *Nauchnajaracional'nost' ifilosofskijrazum* [Scientific rationality and philosophical reason]. Moscow: *Progress-Tradition*, 2003. — 528 p. (In Russian)

2. Meerovich M. I., Shragina L. I. *Teoriresheniyaizobretatel'skikhzadach* [Theories for solving inventive problems]. Minsk: *Harvest*, 2003. — 428 p. (In Russian)
3. Habermas Ju. Moral consciousness and communicative action, *NAUKA*, Sankt-Peterburg, 2001. (In Russian)
4. Joas X., Knjobl' V. Social theory. Twenty introductory lectures, SPb.: *Aletejja*, 2011. — 840 p. (in Russian)
5. Chambers, S. (1996). Reasonable Democracy: Jurgen Habermas and the Politics of Discourse. Ithaca, NY: Cornell University Press.
6. Crawford S. E. S.; Ostrom E., A Grammar of Institutions, *The American Political Science Review*, Vol. 89, No. 3. (Sep., 1995), pp. 582—600.
7. Estlund, D. (1997). 'Beyond Fairness of Deliberation', in J. Bowham and W. Rehg (eds.), *Deliberative Democracy*. Cambridge, Mass: MIT Press, pp. 173—204.
8. Gaus, G. (1997). 'Reason, Justification, and Consensus: Why Democracy Can't Have it All', in J. Bohman and W. Rehg (eds.), *Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics*. Cambridge, Mass: MIT Press, pp. 205—42.
9. Janis I. *Victims of group-think*. — Houghton Mifflin, 1972.
10. Johnson, J. 'Arguing for Deliberation', in J. Elster (ed.), *Deliberate Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press. 1998.
11. McMahon C. *Collective Rationality and Collective Reasoning*. Cambridge University Press 2001.
12. Sen, A. (1987). 'Economic Behaviour and Moral Sentiments', in A. Sen (ed.), *On Ethics and Economics*. Oxford: Blackwell.
13. Townley B., *Reason's Neglect Rationality and Organizing*, Oxford University Press 2008.

Author's Bio

KUDINOV Alexander S., applicant for a Ph.D. in Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. E-mail: kudinovasrus@yandex.ru.

Библиографическая ссылка

Кудинов А. С. Коллективная рациональность в дискурсе: к вопросу о несоизмеримых формах рациональности // *SocioTime / Социальное время*. — 2020. — № 3 (23). — С. 9-17. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.9

УДК 316

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.18

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ ПОЯВЛЕНИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА В ГЛОБАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

М. В. Малинин, А. М. Бекарев

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород (Россия)*

Введение. Целью данной статьи является собственно футурологический прогноз формирования тоталитарного режима в условиях глобализации и цифровизации общества. Критическая масса населения к этому готова ввиду иждивенческих настроений и отсутствия мотивации к труду. К этому готовы и технические возможности современности. Не последнюю роль играет и глобализация, которая проявляется в появлении огромной массы нищих людей за счёт стран третьего мира и в ужасающей поляризации общества.

Методы. Исторический метод, метод экстраполяции трендов, понимающая социология.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Исходная предпосылка — массовое недовольство людей существующими порядками. При этом, сами люди люмпенизированы и полны иждивенческих настроений. Находятся ниже черты бедности (по собственным представлениям). Выдвигается несколько версий появления «господина» или спасителя. Одна из версий, разработанная С. Жижекком, является персонифицированной. Но не все версии поддаются персонификации, как примитивному способу нахождения спасителя, мессии, героя. Вниманию читателя предлагается ещё три версии к портрету «героя», которые не связаны с именами, будь то Данко или Иисус Христос. Первая версия: человек божественный. Достаточно среднестатистического индивида напичкать искусственными органами и всемогуществом, наделить долголетием, чтобы он претендовал на статус Бога. Будет требуемая пассионарность. Найдётся и сын божий: для жертвы. Герой положительный, но готовый спасти овец заблудших. Герой положительный, но чем-то всегда жертвующий. Вторая версия: герой сугубо отрицательный. Был выбран крошка Цахес из сказки Э. Гофмана. Удобство «героя» состоит в том, что он возвеличивается без видимых причин, и на него можно свалить все свои прегрешения. Третья версия: искусственный интеллект. Искусственный интеллект, хотя и «свой», но потусторонний, как Бог. С ним трудно договориться, если он вполне эпидемический объект, то есть способен самообучаться. С другой стороны, искусственный интеллект может всё время возобновляться, а потому претендовать на бессмертие. Его свита — креаторы. Они не дадут интеллекту умереть. Но главное, люди учатся передавать функцию принятия решений машине. И это решение, каким бы оно ни было, принимает Другой — не совсем чужой, но всё-таки Чужой. Он из другого мира.

Заключение. Тоталитаризм в своём многообразии точек зрения имеет дискуссионный характер. Развитие технологий искусственного интеллекта провоцирует его использование разными политическими силами для установления в мире тотального порядка. Необходимо переосмысление идеи тоталитаризма российскими и зарубежными политологами и политическими философами в русле виртуальной реальности.

Ключевые слова: герой, недовольство, критическая масса, тоталитаризм, трансформация, общество, феномен, политический режим, цифровое общество, виртуальное общество.

Введение. *О недовольных и их массе.* Целью данной статьи является собственно футурологический прогноз формирования тоталитарного режима в условиях глобализации и цифровизации общества. Критическая масса населения к этому готова ввиду иждивенческих настроений и отсутствия мотивации к труду. К этому готовы и технические возможности современности. Не последнюю роль играет и

глобализация, которая проявляется в появлении огромной массы нищих людей за счёт стран третьего мира и в ужасающей поляризации общества.

Глобализация привела к тому, что количество недовольных индивидов на планете резко возросло из-за их вовлечения в экономическую жизнь общества. Речь идёт о беднейших странах и обществах. Однако бедные в открытом обществе, глядя на богатых, добрее не становятся. Скорее, они становятся жестокими, словно дети. Полагаем, что уровень *некрофилии становится потрясающе высоким и едва ли он подлежит регуляции*. Удивительно то, что чувство недовольства испытывает подавляющее большинство людей, но оно не описано ни в одном справочнике и словаре. Оно не определено ни как сложное чувство, ни как распространённая эмоция. О недовольстве в теоретическом плане писали очень немногие: например, З. Фрейд («Недовольство культурой» [13]) или один из авторов этих строк [2, С. 151 — 157]. Писали и ошибались, поскольку исходной предпосылкой служил *изолированный индивид*. Словно атомисты, они не подозревали о «роевой силе масс».

Но, как показал анализ революций, войн и репрессий во многих регионах мира, недовольные вполне способны объединяться и образовывать такую «боевую силу», которая способна сметать всё на своём пути. Причём, сила союзов зависит не столько от «критической массы» недовольных, степени их недовольства, сколько от характера самого чувства (или эмоции). Ибо недовольство может выражаться не только в деструктивных, но и в конструктивных действиях.

Методы. В статье использованы исторический метод, метод экстраполяции трендов, понимающая социология.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. *Тоталитаризм и его лики...* В настоящее время проблема появления феномена тоталитаризма в современном мире становится угрожающей. Особый интерес представляет собой трансформация тоталитаризма в контексте ближайшего будущего. Одна из задач нашей статьи — обзор и анализ современных тенденций в политической философии по проблеме угрозы тоталитаризма. За последнее полвека в научном сообществе накопилось достаточно исследований по проблеме тоталитарного общества в целом. Большой юридический словарь даёт нам следующую трактовку термина «тоталитаризм»: «от латинского „totalis“ — весь, целый, полный, один из видов политического режима, характеризующийся полным (тотальным) контролем государства над всеми сферами жизни общества, фактической ликвидацией конституции, прав и свобод» [3].

Генезис оформления авторитарных и тоталитарных государств в мире происходит с 20-х годов XX века. Такая тенденция связана с итогами Первой Мировой войны (1914 — 1918 гг.) и государствами, выбравшими иную политическую доктрину. Базисный концепт этой теории формировался в 30—50-е гг. XX века западными теоретиками: М. Истменом, Х. Арндт, Р. Ароном и другими исследователями [3]. В общественном знании термин «тоталитаризм» впервые появился в 20-х годах XX века. По мнению А. П. Бутенко, природа этого термина была связана с обозначением итальянскими политиками Д. Амэндола и П. Габетти антидемократических черт фашистского политического режима, утверждённого Б. Муссолини в Италии [4]. В дальнейшем это понятие стало употребляться и в отношении нацистского

режима, установленного А. Гитлером в Германии в 1933 году. Совершенно противоположное значение занимает СССР периода И. В. Сталина. Большинство исследователей полагают, что в период правления И. В. Сталина (1928—1953 гг.) был установлен тоталитарный режим в своём апогее. В свою очередь, в 30-е годы XX века в СССР в коммунистическом лагере присутствовали идеологические разногласия и критика существующего политического режима. Анархисты Армандо Борги и Всеволод Волин заметили, что между коммунизмом и фашизмом имеется ряд сходных черт, в данном случае был применён термин «тоталитаризм» [4].

И холодная война... В 1956 году американскими политологами Згибневым Бжезинским и Карлом Фридрихом и различными западными политическими школами было разработано идеологическое оружие, которое активно использовалось в годы холодной войны странами Запада против СССР, где произошло отождествление политического режима в СССР с идеями европейского фашизма и нацизма в Германии в 1933 — 1945 гг. [8]. С распадом Советского Союза в 1991 году происходит крушение политического режима, большинство стран Восточной Европы принимает демократические идеалы и ценности, выбирая собственный политический путь. В настоящее время остаются государства, такие как Китай, КНДР, в которых преобладает социалистическая идея, трансформированная под условия мирового рынка. Тоталитаризм в своём многообразии вызывает полярные суждения научного сообщества [5; 7; 8; 10].

Накануне господина... Словенский философ Славој Жижек в трактате «Накануне Господина» формирует образ «лидера с жёсткой рукой». Он приводит убедительный пример государства Венесуэла со своим президентом — Уго Чавесом. Судя по его описанию, этот человек описывается прежде всего как «господин», способный подчинить окружающих своей психологической составляющей, а именно своей доминирующей позицией в социальной иерархии. Жижек уверен в приходе такого управленца, однако, это возможно в таких государствах, где основа общества сосредоточена на левых идеях [6]. К. Поппер в эпохальном труде «Открытое общество и его враги» критикует философскую систему Гегеля и марксизм, основанные на позиции абсолютной идеи [11]. Это стало поводом и для критики теоретико-концептуальной модели социалистического пути, сформулированной Марксом и Энгельсом в работах «Манифест Коммунистической партии» и в «Капитале», ставших точкой опоры для развития этой идеи в западном обществе, а позднее и в восточном мире. По мнению Поппера, афинская демократия является прообразом «открытого общества», в котором народ является главным игроком в политическом пространстве. Именно эти черты были позднее доработаны философами Нового времени (Т. Гоббс, Д. Локк, Ш. Монтескьё). Исследователь противопоставляет тоталитарное общество и либеральную демократию [11].

К портрету героя. Ясно, что к деспоту должна быть приложена «мёртвая масса рабов» (слова Вл. Соловьёва из «Трёх сил»). Ясно, что рабы должны быть иждивенцами. И они должны быть недовольны. Иначе герой не потребуется. Больше от «рабов» ничего не нужно. Что касается героя, то здесь возможны варианты. Без сомнения, он должен обладать пассионарностью. Энергия должна бить через край. Второй признак — жертвенность. Осирис или Христос тому примеры.

Данко — очень красноречивый литературный образ, выпестованный М. Горьким. Но у нас есть три версии героя, которые вполне вероятны, хотя и далеко не персонафицированы. Не В. И. Ленин и не Уго Чавес.

Версия 1. Номо Deus. Это образ, который отобразил Ю. Харари в своей книге о будущем [14]. Достаточно среднестатистического индивида напичкать искусственными органами и всемогуществом, наделить долголетием, чтобы он претендовал на статус Бога. Будет требуемая пассионарность. Найдётся и сын божий: для жертвы. Герой положительный, но готовый спасти овец заблудших.

Версия 2. Крошка Цахес. Это герой сказки Э. Гофмана «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер». Герой весьма отрицательный. Это удобно, чтобы толпа могла свалить на него все свои грехи. Здесь может пригодиться волшебница — фея, что помогала крошке.

Версия 3. Искусственный интеллект. Феномен уберизации хорошо описан [13, С. 80—88]. Он является убедительным аргументом в пользу пришествия такого рода «господина». Искусственный интеллект, хотя и «свой», но потусторонний, как Бог. С ним трудно договориться, если он вполне эпидемический объект, то есть способен самообучаться. С другой стороны, искусственный интеллект может всё время возобновляться, а потому претендовать на бессмертие. Его свита — креаторы. Они не дадут интеллекту умереть. Но главное, люди учатся передавать функцию принятия решений машине. И это решение, каким бы оно ни было, принимает Другой — не совсем чужой, но всё-таки Чужой. Он из другого мира, звучит разными голосами — от Сири до Алисы. Но вполне может сыграть и мужскую роль с трубным мужским голосом. Думаем, что деспот в виде думающего искусственного интеллекта — самая подходящая фигура «господина» в цифровом обществе.

Тоталитаризм в виртуальном пространстве. С наступлением эры постиндустриализма в мире происходит всеобщая компьютеризация и активное внедрение сети Интернет. В связи с этим возникает крупная угроза появления «тоталитаризма» в условиях виртуального пространства. Некоторые учёные и философы склонны полагать, что это и есть некая трансформация, обозначая её как важную проблему современности. По мнению А. В. Фененко, политические режимы первой половины XX века — традиционно тоталитарное общество, которое является «историческим черновиком». Исследователь не исключает тот факт, что в эпоху цифровизации будут возможны эксперименты над созданием совершенно новых государственных образований или трансформированием настоящего [12]. Информационное общество стирает у человека интимное пространство, как важнейшее условие перехода к тоталитаризму. Ключев Ю. В. выделяет две трансформации тоталитаризма: информационную и бюрократическую. При нём в личности подавляется внутренняя свобода. Однако сохраняется свободное развитие идей творчества и межличностного пространства. Им присущ марионеточный характер электронных, сетевых коммуникаций, осуществляемых через интернет [7, С. 60].

Заключение. Таким образом, тоталитаризм в своём многообразии точек зрения имеет дискуссионный характер в политической философии. Поскольку массы готовы к встрече с «героем», мы рискуем построить прогноз о его явлении. Но так

ли оно будет на самом деле, не знаем. И дай бог, явление «господина» останется опасением. Однако развитие цифровых технологий провоцирует их использование для установления во всём мире тотального порядка. Эта тяга неукротима со стороны правящих элит, которые пытаются установить тотальный контроль над индивидами. Впрочем, и массам иногда требуется своего рода «господин» с жёсткой рукой. Ибо для индивида необходим внешний авторитет, который поможет ему стать ближе к телу такого субъекта, который снимает противоречия всеобщего и индивидуального [10]. Таким авторитетом был И. Сталин, которого Н. Бухарин называл «гениальной посредственностью». Главное, чтобы он был «как все» и для всех был нужен. Другими словами, необходимо переосмысление идеи тоталитаризма российскими и зарубежными политологами и политическими философами в русле виртуальной реальности. Особый контекст здесь, несомненно, связан с проблемой стандартизации человека господствующими системами мировоззрения и идеологии [16].

Список литературы

1. Бекарев А. М. Социология недовольства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. Вып. 1 (4). — 2005.
2. Бекарев А. М., Пак Г. С. Революция — дело недовольных // Личность. Культура. Общество. Вып. № 3—4, 2017. Т. 20, № 3—4., С. 102—109.
3. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. — М.: ИНФРА-М, 2007. — VI, 858 с.
4. Бутенко А. П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма. Социологические исследования, 1998, № 6, С. 26—37.
5. Дамье В. В. Леворадикальная критика тоталитаризма // Изучение диктатур. Опыт России и Германии / Отв. ред. М. Б. Корчагина. — М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 67—75.
6. Жижек С. Накануне Господина: Сотрясаю рамки. — М.: Издательство «Европа», 2014.— 280 с
7. Клюев Ю. В. Элита и большинство: эскапизм как реакция на информационный и бюрократический тоталитаризм. В сборнике: Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения. Сборник материалов Международного научного форума. В 2-х томах. Ответственный редактор В. В. Васильева. 2019. С. 60—62.
8. Кричевский А. В. Учение Гегеля об абсолютном духе как спекулятивная теология // Вопросы философии. — 1993. — № 5. — С. 161—172.
9. Кобылин И. И. Феномен тоталитаризма в контексте европейской культуры: ДИССЕРТАЦИЯ на соискание учёной степени кандидата философских наук: 09.00.13 — религиоведение, философская антропология, философия культуры. - Нижний Новгород, 2002.— 212 С.
10. Malinin M. V., Rodionov A. V., Khitryuk O. A., Krasilnikov I. A. «MISTER» AS A TOTAL FIGURE OF OUR TIME. Modern Science. 2018. № 1—1. С. 122—123.
11. Поппер К. Открытое общество и его враги [В 2 т.] — М., 1992. 324 с.
12. РСМД: Информационный тоталитаризм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnyu-totalitarizm/> (Дата обращения 04.11.2019)
13. Сизова И. Л., Хусяинов Т. М. Уберизация и формирование сетевой структуры занятости // Известия Тульского государственного университета. 2018, № 1 С. 80—88.
14. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. / Юваль Ной Харари: (пер. с англ. А. Андреева). — М.: Синдбад, 2019. — 496 С.
15. Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. — М.: Ренессанс, 1992.

16. Шалаев В. П., Бурнашев К. Э., Шалаева С. Л. Социальные стандарты человека в практике межпоколенных отношений в обществе потребления // SocioTime / Социальное время. 2018. № 4(16). С. 50—63.

Авторская справка

МАЛИНИН Михаил Владимирович, магистрант программы «Социология управления» факультета социальных наук, Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

БЕКАРЕВ Адриан Михайлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия. E-Mail: adriah.berarev@yandex.ru.

UDC 316

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.18

FUTUROLOGICAL FORECAST OF TOTALITARIANISM IN THE GLOBAL SPACE

M. V. Malinin, A. M. Bekarev

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod (Russia)

Introduction. The goal of this article is a futurologic forecast of total political regime development against the background of globalization and society digitalization. The critical mass of population is ready to this event due to the welfare mentality and the lack of motivation to work. The environment established also corresponds to the new conditions. Globalization also plays an important role, which manifests itself in the huge number of poor people especially in the third world countries and in the terrifying polarization of society.

Methods. Historical method, method of trend extrapolation, understanding sociology.

Results. The initial premise is the peoples's dissatisfaction on a mass scale with the existing conditions. At the same time, people degrade to lumpens and start to possess the welfare mentality. Some people are found below every possible poverty rate (according to their own perceptions). They put forward several theories of the appearance of the «lord» or savior. One of the theories developed by S. Žižek is personalized. However not all theories are subject to personification as a primitive way of finding a savior, a messiah, a hero. The authors offer three more theories to the “hero’s” portrait not associated with names, be it Danko or Jesus Christ. The first theory suggests that a man is divine. It is enough to fill the average person with artificial organs and omnipotence, to endow them with longevity, for them to claim the status of God. There will be the required passionarity. There will also be a son of God for the sacrifice. The hero is positive and ready to save the lost sheep. The hero is positive and always sacrificing something. The second theory suggests that the hero is purely negative. Little Zaches from E. Hoffmann's fairy tale was chosen. The convenience of the “hero” lies in the fact that they win fame for no apparent reason and all the sins can be shifted on the “hero”. The third theory deals with artificial intelligence. Artificial intelligence, although it is “ours” but it is otherworldly, like God. It is difficult to agree with it if he is a completely epidemic object, i.e. it is capable of self-learning. On the other hand, artificial intelligence can be constantly renewed and therefore can be eligible for immortality. His retinue are creators. They will not allow the intellect to die. However, most importantly, people learn to transfer the decision-making function to the machine. This decision, whatever it may be, is made by the Other who is not completely alien, but still Alien. He is from another world.

Conclusion. Totalitarianism is viewed from the variety of opinions being controversial in its character. Artificial intelligence technologies development can be of help for various political forces in establishing a total order in the world under their supervision and control. It is necessary to rethink the idea of totalitarianism by Russian and foreign political scientists and political philosophers in the mainstream of virtual reality.

Keywords: hero, discontent, critical mass, Totalitarianism, transformation, society, phenomenon, political regime, digital society, virtual society.

References

1. Bekarev A. M. Sociologiya nedovol'stva [Sociology of discontent] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Social'nye nauki. Vyp. 1 (4). — 2005.
2. Bekarev A. M., Pak G. S. Revolyuciya — delo nedovol'nyh [Revolution is a matter for the dissatisfied] // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. Vyp. № 3—4, 2017. T. 20, № 3—4., P. 102—109.
3. Bol'shoj yuridicheskij slovar' [Large legal dictionary]. 3-e izd., dop. i pererab. / Pod red. prof. A. YA. Suhareva. — M.: INFRA-M, 2007. — VI, 858 p.
4. Butenko A. P. Sociologicheskie voprosy istorii i teorii totalitarizma. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological issues of history and theory of totalitarianism], 1998, № 6, p. 26—37.
5. Dam'e V. V. Levoradikal'naya kritika totalitarizma [Left-wing radical criticism of totalitarianism] // Izuchenie diktatur. Opyt Rossii i Germanii / Otv. red. M. B. Korchagina. — M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2007. P.67 — 75.
6. Zhizhek S. Nakanune Gospodina: Sotryasaya ramki [On the eve of the Lord: Shaking the frame]. — M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2014.—280 p.
7. Klyuev YU. V. Elita i bol'shinstvo: eskapizm kak reakciya na informacionnyj i byurokraticheskij totalitarizm [The elite and the majority: escapism as a reaction to informational and bureaucratic totalitarianism]. V sbornike: Media v sovremennom mire. 58-e Peterburgskie chteniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. V 2-h tomah. Otvetstvennyj redaktor V. V. Vasil'eva. 2019. P. 60—62.
8. Krichevskij A. V. Uchenie Gegelya ob absoljutnom duhe kak spekulyativnaya teologiya [Hegel's teaching of absolute spirit as speculative theology] // Voprosy filosofii. — 1993. — № 5. — P. 161—172.
9. Kobylin I. I. Fenomen totalitarizma v kontekste evropejskoj kul'tury [The phenomenon of totalitarianism in the context of European culture]: DISSERTACIYA na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk: 09.00.13 — religiovedenie, filosofskaya antropologiya, filosofiya kul'tury. — Nizhnij Novgorod, 2002. — 212 p.
10. Malinin M. V., Rodionov A. V., Khitryuk O. A., Krasilnikov I. A. «MISTER» AS A TOTAL FIGURE OF OUR TIME. Modern Science. 2018. № 1—1. P. 122—123.
11. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi [Open society and its enemies] [V 2 t.]—M., 1992. 324 p.
12. RSMD: Informacionnyj totalitarizm [INF Treaty: Information totalitarianism]. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnyy-totalitarizm/> (Data obrashcheniya 04.11.2019)
13. Sizova I. L., Husayinov T. M. Uberizaciya i formirovanie setevoj struktury zanyatosti [Uberization and networking of employment] // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2018, № 1, p. 80—88.
14. Harari YU.N. Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego [Homo Deus. A Brief History of the Future] / YUnal' Noj Harari: (per. s angl. A. Andreeva). — M.: Sindbad, 2019. — 496 p.
15. Frejd Z. Nedovol'stvo kul'turoj [Dissatisfaction with culture] // Frejd Z. Psihoanaliz. Religiya. Kul'tura.—M.: Renessans, 1992.
16. ShalaeV.P., Burnashev K.EH., Shalaeva S.L. Sotsial'nyestandardychelovekavpraktikemezhpokolennykhotnoshenijvobshhestvepotrebleniya [Human social standards in intergenerational practices in consumption societies] // SocioTime/ Sotsial'noevremya. 2018. № 4(16). P.50—63.

Author's Bio

MALININ Mikhail Vladimirovitch, Master's degree student of Social Science Department of Nizny Novgorod Lobachevsky National Research University, Nizny Novgorod, Russia.

BEKAREV Adrian Mikhailovich, Ph. D, professor of General Sociology Department and Social Work Department of Social Science Faculty of Nizny Novgorod Lobachevsky National Research University, Nizny Novgorod, Russia. E-Mail: adriah.berarev@yandex.ru.

Библиографическая ссылка

Малинин М. В., Бекарев А. М. Фугурологический прогноз появления тоталитаризма в глобальном пространстве // SocioTime / Социальное время. — 2020. — № 3 (23). — С. 18—24. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.18

УДК 316.42

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.25

ПРОЕКТЫ РЕЛИГИИ БУДУЩЕГО В ТРАНСГУМАНИЗМЕ

Ю. В. Хвастунова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия)

Введение. В статье рассматриваются религиозные направления трансгуманизма, преимущественно в работах ведущих специалистов The Institute for Ethics and Emerging Technologies (IEET). В рамках проекта «новой этики» формируются основные положения универсальной религии будущего. Цель статьи — рассмотреть теоретические и практические аспекты религиозно—этической стороны трансгуманизма с проецией на ближайшее будущее — создание универсальной цифровой религии транслудей. Данную задачу реализуют такие учёные как Дж. Хьюз, В. Бэйнбридж, Д. Пирс, М. Мор, М. Ла Торра и другие.

Методы. В ходе исследования применялись методы системного подхода, сравнительно-исторический метод, анализ документов, критический метод.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. На настоящий момент сложилось шесть направлений религиозного трансгуманизма, где формируется «новая этика». Последняя более всего полагается на религиозные установки универсальной галактической религии или Космического порядка (по В. Бэйнбриджу). Складывается своеобразный пантеон с Digital deus — ИИ во главе, далее homo deus (постлюди), далее, возможно, цифровые аватары, созданные на основе базы данных умерших и / или загруженных сознаний людей, затем транслуди (люди-киборги как переходный вид). Диджитал Деус будет контролировать весь процесс трансформации людей, от киборгизации, загрузки сознания, до генного отбора — «дизайнерские дети».

Заключение. Одной из центральных идей трансгуманизма является усовершенствование человека до состояния божественности в формате «Human Enhancement Technologies». Апробация осуществляется в проекте «Киборг Будда». Главная задача — апология позитивного влияния нейробиологии и нейротехнологий на человека и совмещение технологий с экстатическими и медитативными состояниями сознания. Цифровая среда, создавая копию реальности и, поместив туда человека, предложит религию для его цифровой души. Тотальный цифровой мир не оставит места случайности, творчеству и человеку в классическом понимании этого слова.

Ключевые слова: цифровая религия, новая этика, трансчеловек, трансгуманизм.

Введение. Многие исследователи трансгуманизма, описывая историю названия движения, указывают на книгу Дж. Хаксли «New bottles for new wine», однако один из современных идеологов трансгуманизма Н. Бостром более точно ссылается на раннюю работу Дж. Хаксли с чёткими религиозными мотивами «Religion without revelation» [16], цитируя: Человеческий род может, если пожелает, превзойти самого себя — не только спорадически ... но и во всей своей полноте, как человечество. Нам нужна *имя для этой новой веры*. Возможно, трансгуманизм послужит: человек останется человеком, но превзойдёт самого себя, осознав новые возможности своей человеческой природы» [10, с. 7].

Религиозная тема появилась задолго до современного оформления трансгуманизма в глобальное движение, её элементы хорошо просматриваются уже с предтечей трансгуманизма эпохи Возрождения и Просвещения: Пико делла Мирандоллы («О достоинстве человека»), Ж. А. Кондорсе («Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума»), Ж. О. Ламетри («Человек-машина»), а затем новый этап — Дж. Хаксли, Т. де Шарден, Ф. Гальтон «Наследственный гений»

(один из первых влиятельных евгенистов). Особо следует выделить в некотором смысле близких к ним фантастов и писателей Дж. Холдейна, Дж. Бернала, затем Р. Эттингера и В. Винджа. В трансгуманизме проявлялось особое религиозное основание (жажда сверхспособностей, божественности, бессмертия, всезнания), всего того, что обычно присутствует в оккультных учениях с древности, не случайно при описании прогресса человеческой мысли такой видный социолог как В. Бейнбридж начинает с достижений оккультиста и теософа Э. Сведенборга. Отсюда вполне ясна зачастую благосклонная позиция трансгуманистов к различным спиритуалистическим направлениям, трансперсональным практикам, разновидностям медитации и йоги и критика теистических систем. Целью данной статьи является рассмотрение теоретических и практических аспектов религиозно-этической учения трансгуманизма с проекцией на ближайшее будущее — создание универсальной галактической цифровой религии транслюдей. Более чётко проект космической религии прописывают такие учёные как Дж. Хьюз и В. Бейнбридж.

Методы. Теоретической основой исследования стали работы ведущих теоретиков трансгуманизма, пишущих о религии и новой этике транслюдей: Р. Курцвейла [17], Н. Бострома [10, 11], В. Бейнбриджа [8,9], Д. Пирса [22], М. Мора [19], Дж. Хьюза [15]. Научный критический анализ учения трансгуманизма представлен в работах Ф. Фукуямы [13], Ю. Хабермаса [14], Ж. Бодрийера [1] («технофобы» и биоконсерваторы по мысли трансгуманистов). Из отечественных исследователей глубоко изучили трансгуманизм: В. В. Кутырёв [5], П. Д. Тищенко [7] и другие. В качестве ведущего принципа понимания устройства мироздания у трансгуманистов выступает концепт «управляемой эволюции» на основе особого ускоряющегося движения или прогресса в виде экспоненциального развития вплоть до технологической сингулярности. В будущем останутся лишь транслюди с галактической технологической религией. Но кто такой трансчеловек и тем более постчеловек, описываемый в абсолютных категориях? Главная цель — бессмертие, достижимая задача, например в виде цифрового бессмертия. Но по отношению к жизни, всему живому — это фикция, поскольку то, что будет существовать в сети, не является живым по определению. Даже если принять условно такую возможность бессмертия, то и она имеет границы, как в случае с компьютерной программой, игрой, которые могут быть завершены, удалены, уничтожены вирусом и т. п. Трансгуманисты всё дальше продвигаются в сторону отказа от человека, пока ещё на уровне дискурса, но это «убийство» человека, т. е. развитие линии антиантропоцентризма, что может привести к необратимым губительным последствиям не только для самого человека, но и для планеты в целом.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. До сих пор нет единой точки зрения среди исследователей на предмет религиозности последователей трансгуманизма. Часть учёных и в том числе российских, например О. В. Летов, не считают трансгуманизм религией. Так, он пишет: «Трансгуманизм не является культом; он не удовлетворяет ни одному из критериев культуры. ...Трансгуманизм не является и религией, хотя он и выполняет некоторые функции, которые традиционно люди возлагали на религию» [6, С. 92]. Но многие исследователи уверены, что трансгуманизм — самая настоящая религия. Так «Т. Петерс, автор книги „Играя бога“, считает, что идеология трансгуманизма приоб-

ретаёт всё больше черт, связанных с религиозным мировоззрением» [4, С. 18]. Большинство трансгуманистов принимают тезис о возможном переходе трансчеловека в постчеловека как некоем существе с божественными свойствами. Так философ Ю. Н. Харари назвал одну из своих книг «Homo Deus...», т. е. «Человек божественный» — это авторская интерпретация идеи сверхчеловека. Также по мысли трансгуманистов, возможно выше постчеловека станет Искусственный Интеллект (ИИ — «Digital deus»). Он будет воплощённой суперпрограммой, машинным супермозгом, либо, возможно, гибридом машины и человека или даже всего человечества в единой сети.

Ещё один аспект. Это упорное упрощение и искажение, уравнивание разных существенно отличных друг от друга биосистем в трансгуманизме: животных, человека, растительного мира и неорганических систем «модифицированных форм жизни» [24]. В названии различных организаций и программ у трансгуманистов используется понятие «этика». Сами трансгуманисты на академическом научном уровне, видимо, сознательно отказались включать слово «религия» в название организации. Этому есть несколько причин: 1. Религия в западном научном мире не в тренде. Секуляризация, критика существующих и особенно традиционных религий, теизма в информационном обществе, и отсюда всеобщее представление о религии как о чём-то отжившем. Однако трансгуманисты вовсе не против религии, они более симпатизируют оккультным формам, буддизму и критично настроены к теистическим религиям (часто описывают европейское христианство и христианский период истории как полный предрассудков и суеверий); 2. Часто трансгуманисты заявляют, что концепция — это не религия, но исследователи и простые обыватели, знакомясь с трансгуманизмом, постоянно задают им этот вопрос; 3. Из-за формирующегося и не законченного в идеологическом и техническом плане трансгуманизма; 4. Для привлечения разных слоёв общества и в том числе учёных, политиков, крупных бизнесменов, актёров, у которых могут быть иные религиозные взгляды или негативное отношение к «новой этике».

Исследователи трансгуманизма практически не затрагивают религиозные взгляды идеологов движения. Яркий пример такого игнорирования — это обращение к работам В. Бейнбриджа, которого представляют в основном как социолога, лоббирующего конвергенцию NBIC-технологии, а между тем, он трансгуманистический «богослов» и этик.

Пантеон и стратификация в цифровой религии будущего. Трансгуманизм — это религия со своим пантеоном, встроенным в организационную систему под лозунгом вперёд к постчеловеку. Сами постлюди (Homo deus) — это боги второго порядка, а над ними ИИ — (Digital deus). Затем, видимо, цифровые аватары, созданные из базы данных умерших и / или загруженных сознаний людей, затем транслюди (переходный киборгизирующийся вид) и ещё ниже обычные люди (с перспективой сокращения до нуля). Данный пантеон скреплён идеями цифрового иммортализма. Ещё один аспект — это выход за пределы земных категорий. В. Бейнбридж пишет о том, что транслюди будут общаться с сверхсуществами из внеземных цивилизаций. ИИ будет контролировать весь процесс трансформации людей, от киборгизации, загрузки сознания, до генного отбора — «дизайнерские дети». Люди, скорее всего, станут «идеальными», т. е. потеряют такие способно-

сти-слабости как сочувствие, самопожертвование, альтруизм, автономия и т. п. Заповеди цифрового мира разрабатываются уже сейчас, например М. Уолкером [см. 25]. Digital deus вознаградит подданных разными уровнями «воскрешения»: от предоставления нового тела, отдельных способностей / возможности до существования в виртуальной среде и конечно же наряду с поощрением будет работать обратная схема — наказание, ограничение доступа, срока жизни по различным «разумным утилитарным» основаниям. Пророки и гуру трансгуманизма заполнят крионированные мавзолеи до открытия необходимых технологий «воскрешения».

Культив будущей цифровой религии включит в себя психопрактики: элементы из буддизма, восточных культов, медитации. Так проект «Киборг Будда» поощряет занятия медитацией как способ налаживания эмпатии, т. е. способ заставить себя принять киборгизацию ради божественных сверхспособностей.

Религиозные направления трансгуманизма. Среди религиозно настроенных трансгуманистов выделяются последователи буддизма, новых религиозных движений, оккультизма, сатанизма, христианства и атеизма.

1. Буддийский трансгуманизм, авторитетная группа сотрудников из IEET, видят в буддизме основу для создания общей универсальной религиозной цифровой матрицы. Самый организованный проект — «Киборг Будда». Дж. Хьюз пытается «объединить нейротехнологии с духовностью, основанной на натурализме...» [21]. Активист российского трансгуманизма Д. Ицков утверждает, что проект киборгизации «Россия 2045» одобрил XIV Далай-лама [3, 2013].

2. Христианский трансгуманизм (идеи Т. де Шардена, современных реформаторов, например, из института Экстропии), представлен Христианской Трансгуманистической Ассоциацией. Его сторонники трактуют понятие «Бог» как некий поступательный процесс роста «любви» в сознании, но поскольку обычный человек не способен или не желает идеально любить Бога, людей (быть добродетельным), то трансгуманистические технологии (таблетки счастья, генная терапия, конвергенция NBIC-технологий) должны помочь ему справиться со своей порочной натурой. Предлагается формула идеальной любви с помощью технологий (технократический абсолютизм).

3. Мормонский трансгуманизм. Одна из первых американских конфессий, которая присоединилась к трансгуманистам и создала филиал ассоциации у себя — это мормоны. В учении мормонов есть интересные пересечения с трансгуманизмом [20].

4. Трансгуманизм с преобладанием учения агностиков, либертарианцев, сатанистов, атеистов. Так, среди либертарианцев, близких к сатанизму, выделяется крупная фигура — М. Мого, а на него повлияла книга А. Рэнд «Атлант расправил плечи» (своеобразная библия либертарианцев).

5. Трансгуманизм New Age, сюда относятся самые разные группы и движения (от религиозных экологов, оккультистов, до уфологических движений, например последователи Раэля). Группы «spiritual community Second Life» и подобные им, которые создают в сети оккультные языческие смешанные виртуальные миры, продвигают идеи «трансцендентального трансгуманизма». В. Бейнбридж видит в них большую пользу.

6. Цифровая галактическая религия будущего. В некотором смысле она вбирает в себя все вышеперечисленные, но есть и представители чистой теории цифровой религии, созданной исключительно усилиями новых технологий (развитие ИИ как *Digital deus*). В. Бейнбридж развивает теорию цифровой игровой религии, цифрового культа предков и цифрового бессмертия в виде компьютерных игровых персонажей «аватар». Всё это составляет проект совершенствование человека — «*Human Enhancement Technologies*».

Продолжая линию научной фантастики прошлого века, трансгуманисты описывают мир будущего не только как сугубо технологичный, но и «духовный», продвигая идею галактической религии. В. Бейнбридж уверен, что традиционная религия иллюзорно давала надежду на решение проблемы бессмертия, а новая религия даст надёжную материальную гарантию бессмертия в разных формах, например в цифровом выражении. Более снисходительно Бейнбридж описывает лишь функцию общения и объединения, которую осуществляла религия (общение людей в храмах и на религиозных церемониях), но опять же предполагает, что более интересная коммуникация будет предоставлена цифровыми технологиями.

Подготовка к цифровому бытию. Ещё в конце прошлого века В. Бейнбридж начал разрабатывать компьютерные программы для максимально полного сбора данных о личности, создав теорию «захвата личности» (*Personality Capture*). Эмпирической базой стали обширные подробные опросы и статистическая обработка данных (перенос данных в компьютерную программу) [см. 8, 9], таким образом, сфокусировалась идея подготовки «загрузки» сознания. Так «программа «захват личности и эмуляции», включала набор из 40 000 вопросов, воплощённых в 10 программах администрирования анкет для операционных систем Windows... Система включает в себя процедуры статистического анализа, которые могут выводить резюме ответов респондента» [9].

Параллельно с В. Бейнбриджем идеи развития цифровых технологий и совмещения их с духовностью, анализирует Дж. Хьюз, который совместно с Дж. Дворовским и М. Ла Торрой создал проект «Киборг Будда». Так он пишет «Трансгуманистический подход — это то, как мы делаем людей умнее и способнее, чтобы мы были драйверами технологических инноваций, а не жертвами их в каком-то апокалиптическом сценарии» [15]. Идеологи прописывают цель проекта «Киборг Будда» следующим образом: «...ИЕЕТ будет запускать проект „Киборг Будда“, чтобы объединить наши усилия и способствовать обсуждению влияния нейробиологии и появляющихся нейротехнологий на счастье, духовность, когнитивную свободу, моральное поведение и исследование медитационных и экстатических состояний ума» [15]. Проект «Киборг Будда» делает ставку на активное изучение наукой религиозного опыта, а также на совмещении научных методов, например НБИК-технологий с методами, веками, практикующимися в религиях Востока. «Молитва, медитация, пение, пост, созерцание священных образов и приём веществ, изменяющих сознание, были предписаны духовным искателям на протяжении тысячелетий. Новым является наша нынешняя способность научно исследовать физиологические и неврологические корреляты духовного опыта... созерцательные практики вызывают измеримые, доброкачественные изменения в мозге, а также в субъективно настроенных настроениях и наблюдаемом по-

ведении практикующих Всё это может быть достигнуто с или без каких-либо вспомогательных основ оправдания религиозных убеждений...

Следующим шагом является разработка технологии, которая может облегчить или даже вызвать состояния, которые вызывает медитация, но без необходимости в многолетней практике пациента. Может ли машина доставить блаженство? Могут ли технологии вызвать Просветление? Мой ответ: да...лёгкий доступ к состояниям блаженства через машины, излучающие целевые электромагнитные поля, скоро станет широкодоступным. ... есть ли у киборга природа Будды? Ну, да! ...Просветление похоже на четвёртое состояние сознания за пределами нормального бодрствования, сна и глубокого сна. Постепенное улучшение человеческого тела посредством слияний с машинами приведёт к гибриду: киборгу. Любая достаточно сложная система (например, человек или продвинутый компьютер ИИ), которая демонстрирует осознанность, может реализовать Просветление» [18].

«Как бывший буддийский монах, профессор Джеймс Хьюз поддерживает радикальные технологические усовершенствования человечества Он называет себя буддистом-агностиком, пытающимся объединить европейское Просвещение с буддийским просвещением я думаю, что следующие два десятилетия, вероятно, будут определяться нашей растущей способностью контролировать материю ... наша жизнь может быть изменена больше всего с помощью нейротехнологий-стимулирующих препаратов, умных лекарств и психоактивных веществ » [23]. Трансгуманизм упрощает и подменяет всю науку на сциентизм цифрового формата, где этика, заменяется биоэтикой, философия нейрофилософией, а богословие сменится *нейротеологией и нейроэтикой, которые будут продвигать соответствующую духовность — техно-духовность и как следствие от неё — изменённые состояния сознания в результате конвергенции НБИК—технологий.* Сам Дж. Хьюз говорит, что опытные практикующие буддисты—учёные, такие как невролог Дж. Остин (опыт медитации более пятидесяти лет) негативно оценил перспективу заменить духовные практики на нейростимуляторы и т.п., поскольку все, что быстро в упрощённой форме достигается, также быстро и теряется. Быстрое просветление из—за таблетки может оказаться недолгим, с побочным эффектом. Однако трансгуманисты настаивают на идентичном эффекте религиозных практик и применения новых технологий. Дж. Хьюз сравнивает цифровой мир будущего с буддийским представлением о Чистой земле [23].

Галактическая цифровая религия будущего. В. Бейнбридж с помощью программирования и социологических опросников формирует базы данных на основе своих умерших предков для создания цифровых аватаров виртуального мира компьютерных игр (цифровой культ предков). «Так в World of Warcraft, есть аватар его покойного дяди М. Рона, затем он создал аватар его тёти Клеоры, умершей в 1870 г. Это суррогат информационных технологий для религии: почитание умершей семьи в онлайн-играх» [9]. Когда ИИ будет более развитым, а базы данных максимально полными, то такие аватары станут почти не отличимыми от реальных прототипов по мысли В. Бейнбриджа [8]. Здесь используется удачный маркетинговый ход: 1. Привлечение детей, молодёжи через интерес к компьютерным играм. 2. Имитация и замена подлинного физического почитания по отношению к умершим на цифровой формат. 3. Формирование привычки у живых пользователей к вирту-

альной реальности и поощрение их согласия на проживание своей жизни и восприятие жизни родственников в виртуальной среде.

В. Бейнбридж настаивает на обязательном расширении космических исследований. Транслюди колонизируют новые планеты, будут контактировать с внеземным разумом. И в этом процессе, особенно пока наука не достигла существенного прогресса, более всего помогает религия, а точнее оккультные учения, которые Ещё со времён Э. Сведенборга видели в этом разумное основание. Ранее писатели предвидели создание электронных коммуникаций. А наука реализовала эти проекции в реальность. В. Бейнбридж выделяет знаковую «религиозную» дату для трансгуманизма «... перед Хэллоуином в 1969 году были соединены первые два узла того, что сегодня называется Интернетом, и сегодня легко представить, что сверхъестественное можно заменить виртуальным» [9]. В будущем возникнет очень требовательная галактическая религия, которую В. Бейнбридж называет ещё и Космическим Порядком [см. 8]. Уже сейчас она запущена и в неё стремятся включать максимальное количество пользователей (желательно всех людей) и таким образом реализуется четырёхэтапная методология постановки на учёт и сбора данных для последующего оцифровки личности. Под лозунги о цифровом бессмертии В. Бейнбридж призывает «Сегодня вы можете заработать бессмертие. Прежде всего, вы должны записать себя... сдать тесты, написать автобиографию и поставить свою физическую и умственную личность на постоянный учёт. Только присоединившись к трансцендентному общественному движению, вы станете достаточно сильными, чтобы пережить зло, которое ваши враги будут пытаться сделать» [8]. Итак, альтернативные точки зрения, свободное желание человека жить иначе по В. Бейнбриджу оцениваются негативно как «зло», а все не трансгуманисты по своим убеждениям воспринимаются как враги, что, конечно, крайне недемократично и ограничено в интеллектуальном плане.

В. Бейнбридж приводит пример компьютерной игры Властелин Колец онлайн и при этом вспоминает оригинальную трилогию Дж. Р. Толкина, цитируя знаменитую фразу «одно кольцо, чтобы управлять ими всеми». Здесь это можно трактовать иначе. Загружая данные самого разного уровня, с учётом современных технологий, вверяясь ИИ, единой сети, люди, из разных стран и культур как бы вверяются власти «кольца — хозяина сети» и становятся уже рабами «кольца», они теряют свободу, автономию, приобретая неустранимую тягу к «прелести», а она очень сильно их трансформирует. В. Бейнбридж здесь допустил оговорку, указав на возможный негативный исход таких трансформаций.

Заключение. Трансгуманизм осваивает разные религиозные идеи и практики. Одной из центральных идей является усовершенствование человека до состояния божественности в формате «Human Enhancement Technologies». В трансгуманизме создаётся своеобразный пантеон — стратификационная система: ИИ как цифровой бог, затем постлюди и транслюди. Здесь важно понимать термин «цифровой», когда сеть, программы становятся не только средствами для поиска информации и получения знаний, а посредниками, к которым мы в силу очеловечивания в своём сознании, применяем те же оценки, что и к людям. Мы начинаем доверять, некритично воспринимаем их советы, рекомендации и затем уже и вовсе полагаемся на них больше, чем на собственные знания [см. 2, С. 78].

Сама цифровая среда, влияя на человека, будет формировать его убежденность в объективности такого видения, отсюда она же будет формировать цифровую религиозность оккультного плана. Виртуальные храмы, медитации, опыт, коммуникации и во главе всего этого Цифровой бог. Это мир виртуального искривленного зазеркалья с виртуальными богами, из которого не будет выхода в подлинный мир и тем более в сакральный мир, о котором пишут духовные люди. Вся глубина разнообразия реальности здесь упрощается до одного варианта — информации, алгоритма, данных. Сам человек редуцируется до программы, новости, события. Миллионы человеческих сознаний соединятся в химеры из сотни комбинаций мыслей, эмоций и страхов.

Цель создания универсальной религии будущего — это во-первых, возможность изменить мировоззрение людей и транслюдей в сторону трансгуманистических установок, во-вторых, возможность достижения сверхспособностей (стать богом). Выстраивая структуру космической универсальной религии будущего, трансгуманисты стимулируют все большую заикленность просчитанного цифрового универсума, где нет места случайности, творчеству и человеку. Как представляется, понимание этих процессов в решающей степени связано с возрастающей тенденцией ко все более рационально прагматичному (по ту сторону «добра и зла») и потребительскому отношению к человеку со стороны глобального бизнеса и политики, устремленных к абсолютной власти над человеком [27]. Навязываемая миру трансформация ценностей жизни в форме трансгуманизма, порождена именно этой идеологией и практикой управления человеком со стороны вырождающейся культурной формы, процессы которой напоминают мутацию [26].

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Перевод с французского и вступительная статья О. А. Печенкиной. Тула: Тульский полиграфист, 2013. — 204 С. ISBN 978-5-88422-506-0.
2. Голубинская А. В. Принятие знания расширенным сознанием в условиях информационного общества // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 75—79. DOI: 10.17223/15617793/441/10
3. Ицков Д. Заповеди жизни неочеловека. 2013. URL: <http://vz.ru/opinions/2013/4/3/627133.html> (дата обращения 10.03.2020)
4. Климович А. И. Трансгуманизм: начало новой религии? В сборнике: Религия и общество — 12 сборник научных статей. Под общей редакцией В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. 2018. С. 18—19.
5. Кутырев В. В. Последнее целование. Человек как традиция. СПб: Алетейя, 2015. 312 с.
6. Летов О. В. Человек и «сверхчеловек»: этические аспекты трансгуманизма. // Человек, 2009. № 1. С. 19—25.
7. Тищенко П. Д. Тищенко П. Д. Россия 2045: котлован для аватара // Вопросы философии. 2014 № 8 С. 181—190.
8. Bainbridge W.S. «Religion for a Galactic Civilization 2.0» *Ethical Technology* (Aug 20, 2009) URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/bainbridge20090820> (дата обращения 03.02.2020)
9. Bainbridge W.S. Unraveling Religion *Ethical Technology* (Nov 8, 2014) URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/bainbridge20141108> (дата обращения 04.02.2020)
10. Bostrom, N. A History of transhumanist thought. *Journal of Evolution and Technology*. 2005. Vol. 14. Issue 1. P. 4. URL: jetpress.org/volume14/bostrom.pdf. (дата обращения: 21.03.20).
11. Bostrom, N. *Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 2016. 496 p.
12. FTP025: Cyborg Buddha - IEET's James Hughes on Transhuman Enlightenment and Basic Income. 15.04.2016 URL: <http://futurethinkers.org/cyborg-buddha-james-hughes-transhuman-enlightenment/> (дата обращения 01.05.2020).

13. Fukuyama, F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. Farrar, Straus and Giroux. 2003.
14. Habermas, J. *The Future of Human Nature*, translated by Hella Beister, Max Pensky, and William Rehg: The Future of Human Nature Article (PDF Available in Ethics 2005. 115 (4), 816-821. doi: 10.1086/430477)
15. Hughes, J., Dvorsky, G., LaTorra, Mike IEET Launches Cyborg Buddha Project. 2007 URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/latorra20090924> (дата обращения 07.02.2020)
16. Huxley, J. *Religion without revelation*. London: E. Benn. 1927.
17. Kurzweil, R. *The law of accelerating returns* 2020. URL: <https://www.kurzweilai.net/kurzweils-law-aka-the-law-of-accelerating-returns>. (дата обращения 05.04.2020)
18. La Torra, M. Cyborg Buddha: Science and Spirit 2009 г. ч + журнал URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/latorra20090924> (дата обращения 09.03.2020)
19. More, M. The Overhuman in the Transhuman *Journal of Evolution and Technology*. 2010. V. 21. Issue 1. P. 1—4. URL: <http://jetpress.org/more.htm>
20. Mormon Transhumanist Association website URL: <http://transfigurism.org/community/files/1170/download.aspx>
21. Ojochogwu, A. Reflections on James Hughes' Problems of Transhumanism (Part 2). 2019. URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/bio/hughes> (дата обращения 12.04.2020)
22. Pearce, D. *The Hedonistic Imperative*. (n.d.). 2018. URL: <https://www.hedweb.com/hedethic/tabconhi.htm>. (дата обращения 04.04.2020)
23. Rosen, J. Cyborg Buddha: Is what we are born with enough or could we use a little help? Tricycle MAY 26, 2010 URL: <https://tricycle.org/magazine/cyborg-buddha/> (дата обращения 01.05.2020)
24. Transhumanist Declaration 2009. URL: http://humanityplus.org/philosophy/tran_shumanist_declarat_ion/ (дата обращения 07.05.2020)
25. Walker, M. *Genetic Virtue Permanent End* (Nov 19, 2003) URL: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/walker20031119> (дата обращения 05.05.2020)
26. Шалаев В.П. Осторожно мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // SocioTime / Социальное время.— 2015.—N3.—С.48—57.
27. Шалаева С.Л., Шалаев В.П. Псевдолиберальная культура как фактор глобальной западофикации и социальной деструкции общества // Труды БГТУ. Серия: История, философия, филология. — 2016.—N5 (187). — С.137—142.

Авторская справка

ХВАСТУНОВА Юлия Викторовна, доцент кафедры права, философии и социологии, кандидат философских наук, доцент, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия.
E-mail: hvastunovoy@mail.ru.

UDC 316.42

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.25

THE PROJECTS OF THE ON-COMING RELIGIONS IN TRANSHUMANISM

Yu. V. Khvastunova*Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)*

Introduction. This paper discusses the religious trends of transhumanism, mainly in the works of the leading experts of The Institute for Ethics and Emerging Technologies (IEET). Within the framework of the “new ethics” project, the basic principles of the universal religion of the future are being formed. The purpose of the article is to consider the theoretical and practical aspects of the religious and ethical side of transhumanism with a projection into the near future — the creation of a universal digital religion of transhumans. This task is carried out by such scientists as J. Hughes, W. Bainbridge, D. Pearce, M. More, M. LaTorra, and others.

Methods. In the course of the study, the following methods were used: the method of a systematic approach, the comparative historical method, the document analysis, and the critical method.

Results. At the present time there are six directions of religious transhumanism, where the “new ethics” trend is being formed. The latter mostly relies on the religious principles of the universal galactic religion or the Cosmic order (according to W. Bainbridge). A kind of pantheon is emerging with the Digital deity (dues)headed by AI (Artificial Intelligence), then come homo deus (post-humans), then, possibly, digital avatars created on the basis of a database of deceased and / or uploaded people’s minds, and then transhumans (Cyborg people as a transitional type). Digital Deus will control the entire process of transformation of people: from cyborgization, or mind uploading, to the genetic selection— “designer children.”

Conclusion. One of the central ideas of transhumanism is the improvement of man to the state of divinity in the format of “Human Enhancement Technologies.” Testing is carried out in the Cyborg Buddha project. The main task is the apologia of the positive impact of neurobiology and neurotechnology on humans and the combination of technology with ecstatic and meditative states of consciousness. The digital environment, creating a copy of reality and placing a person there, will offer religion for a digital soul. The total digital world will not leave room for chances, creativity, and man in the classical sense of the word.

Keywords: digital religion, new ethics, transhumant, transhumanism.

References

1. Bainbridge W. S.«Religion for a Galactic Civilization 2.0» *Ethical Technology* 2009.Available at: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/bainbridge20090820>(Accessed 9 February 2020).
2. Bainbridge W. S. Unraveling Religion *Ethical Technology* (Nov 8, 2014) Available at: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/bainbridge20141108>(Accessed 9 February 2020).
3. Baudrillard J. Simulacra and Simulation [Simuljakry i simuljacija]. Tula, 2013. 204 p. ISBN 978-5-88422-506-0 [in Rus].
4. Bostrom, N. A History of transhumanist thought *Journal of Evolution and Technology*. 2005. Vol. 14. Issue 1. P. 4. Available at: <http://jetpress.org/volume 14/bostrom. pdf>. (Accessed 9 March 2020).
5. Bostrom, N. *Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 2016. 496 p. [in Rus].
6. FTP025: Cyborg Buddha - IEET's James Hughes on Transhuman Enlightenment and Basic Income. 15.04.2016 Available at: <http://futurethinkers.org/cyborg-buddha-james-hughes-transhuman-enlightenment>. Available at: Accessed 5 April 2020).
7. Fukuyama, F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. Farrar, Straus and Giroux. 2003.
8. Habermas, J. *The Future of Human Nature*, translated by Hella Beister, Max Pensky, and William Rehg:The Future of Human Nature Article (PDF Available) in *Ethics* 2005. 115(4), 816-821. doi: 10.1086/430477
9. Hughes, J., Dvorsky, G., LaTorra, Mike IEET Launches Cyborg Buddha Project. 2007 Available at: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/latorra20090924>(Accessed 23 September 2019).
10. Huxley, J. Religion without revelation. London: E. Benn. 1927.
11. Kurzweil, R. *The law of accelerating returns* 2020. Available at: <https://www.kurzweilai.net/kurzweils-law-aka-the-law-of-accelerating-returns>.(Accessed 5 April 2020).
12. La Torra, M.Cyborg Buddha: Science and Spirit 2009 г. ч + журнал Available at: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/latorra20090924>(Accessed 9 March 2020).
13. More, M. The Overhuman in the Transhuman. *Journal of Evolution and Technology*. 2010. V. 21. Issue 1. P. 1—4. Available at: <http://jetpress.org/more.htm>
14. Mormon Transhumanist Association website Available at: <http://transfigurism.org/community/files/1170/download.aspx>
15. Ojochogwu, A Reflections on James Hughes’ Problems of Transhumanism (Part 2) 2019.Available at:<https://ieet.org/index.php/IEET2/bio/hughes>(Accessed 12 April 2020).
16. Pearce, D. *The Hedonistic Imperative*. (n.d.).2018. Available at: <https://www.hedweb.com/hedethic/tabconhi.htm>. (Accessed 4 April 2020).

17. Rosen, J. Cyborg Buddha: Is what we are born with enough or could we use a little help? Tricycle MAY 26, 2010 Available at: <https://tricycle.org/magazine/cyborg-buddha/> (Accessed 1 May 2020).
18. Transhumanist Declaration 2009. Available at: http://humanityplus.org/philosophy/transhumanist_declaration/
19. Walker, M. Genetic Virtue *Permanent End* (Nov 19, 2003) Available at: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/walker20031119> (Accessed 5 May 2020).
20. Golubinskaya, A. V. Knowledge Acceptance by an Extended Mind in the Information Society Conditions *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2019, 441, 75—79. DOI: 10.17223/15617793/441/10
21. Tischenko, P. D. [Russia 2045: Pit for Avatar (Reflection on the Book “Global Future 2045. NBICS and Transhumanist Evolution”)]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2014. No. 8, pp.181_190. (In Russ.)
22. Kutyrev, V. A. *Poslednee celovanie. Chelovek kak tradiciya* [Last kiss. Man as a tradition]. Saint Petersburg: aletea, 2015. 312 p. (The "body of thought" series). [in Rus].
23. Ickov, D. *Zapovedi zhizni neocheloveka* [The precepts of nonhuman life] 2013. Available at: <http://vz.ru/opinions/2013/4/3/627133.html> (Accessed 10 March 2020). [in Rus]
24. Klimovich, A. I. Transhumanism: the beginning of a new religion? In the collection: Religion and society-12 collection of scientific articles. Under the General editorship of V.V. Starostenko, O. V. Dyachenko. 2018. p.18—19.
25. Letov O. V. Man and the «superman»: ethical aspects of transhumanism. *Man*. 2009, (1). p.19—25. [in Rus].
26. Shalaev V.P. *Ostozhno, mutatsiya: chelovek i obshchestvo pered vyzovami globalizatsii, zapadofikatsii i potrebleniya: protivorechiya narastayut* [Carefully, mutation: man and society before the challenges of globalization, West certification and consumption: contradictions are growing] // *Socio Time / Sotsial'noe vremya* [SocioTime]. — 2015. — N3.— Pp. 48—57.
27. Shalaeva S.L., Shalaev V.P. *Pseudoliberal'naya kul'tura kak faktor global'noj zapadofikatsii i social'noj destruktzii obshchestva* [Pseudo-liberal culture as a factor in the global Westernisation and social destruction of society] // *Trudy BGTU. Seriya: Istoriya, filosofiya, filologiya* [BGTU. Series: History, Philosophy, Philology]. — 2016. — N5 (187). — Pp.137—142.

Author's Bio

KHVASTUNOVA Julia V., Associate Professor, the Department of law, philosophy and sociology, candidate of Philosophy (PhD), Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia. E-mail: hvastunovoy@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Хвастунова Ю. В. Проекты религии будущего в трансгуманизме // *SocioTime / Социальное время*. — 2020. — № 3 (23). — С. 25—35. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.25

УДК 101; 123.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.36

ФИЛОСОФИЯ И ПРАКТИКА «АКТИВНОГО ПОВОРОТА» ДЛЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

О. В. Щетинина*Нижегородский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород (Россия)*

Введение. Автор статьи анализирует современные особенности российской социальной политики. Основной акцент сделан на практики, в которых реализуется «активный поворот» — сектор российского политического транзита, который осуществляется в сфере социальной политики. В статье рассматриваются как социально философские, так и прикладные аспекты практик вовлечения активных граждан, сообществ, НКО в поле партнёрства с государством в области социальной политики.

Методы. Представлены материалы, отражающие особенности российского транзита социальной политики. Методы исследования опираются на диалектическую логику, методологию и философию деятельности, а также метод междисциплинарного исследования.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Актуальные аспекты трансформации социальной политики в России рассматриваются в свете вопроса об активизации участия гражданина в практиках социальной политики. Социально-философские основания «активного поворота» социальной политики рассматриваются с опорой на работы Л. А. Зеленова и Г. П. Щедровицкого. Показано, что концептуально понятие «социальная тактичность» неразрывно связано с теориями деятельности, которые делают акцент на статусе человека как субъекта деятельности и её саморазвития. Поэтому автор заключает, что, во-первых, освоение человеком роли субъекта деятельности является ключевым условием его готовности к партнёрству с другими социальными субъектами, во-вторых, практика партнёрства социальных субъектов является основным условием «активного поворота» современной социальной политики в России. В заключение перечисляются некоторые конкретные формы проявления социального бытия и существования человека в сфере социально ориентированной деятельности.

Заключение. В заключение делается вывод о том, что развитие социально-философских оснований «активного поворота» социальной политики в России требует развития системно-деятельностного подхода и критического переосмысления ряда западных конкурирующих философских подходов.

Ключевые слова: политика патернализма, социальный субъект, теория деятельности, социальная политика, социальное партнёрство.

Введение. Среди приоритетных вопросов, обсуждаемых в связи с внесением поправок в Конституцию РФ, хочется выделить дискуссию о связи российской идентичности с тематикой социального государства. Она очень важна, потому что позволяет яснее осознавать ответ на вопрос: нужна ли России своя, российская философия социального государства. Остановливаясь подробнее на конституционном понятии «социальное государство» (Ст.7, п.1) [10], необходимо отметить его неоднозначность, которая начинается с того, что в мире действует довольно много моделей социального государства и стратегий социальной политики. Есть «государство всеобщего благополучия» (нефтедобывающие Саудовская Аравия, Арабские эмираты), есть система «патерналистского государства» (бывший СССР), есть «общество потребления» (США, многие западные страны), есть «скандинавский социализм» и т. д. На этом фоне вопрос о том, что такое «социальное государство в России»? — совершенно не праздный и, безусловно, фило-

софы, специалисты гуманитарных наук могут помочь государству, гражданскому обществу и бизнесу найти, сформулировать российский ответ на него.

Философия социального поворота состоит в анализе альтернативных стратегий социальной политики, и выбира из них социально-философской платформы, которая является перспективной для России. В частности, обсуждается альтернатива между «обществом потребления», которое реализуется стратегиями социальной политики государств Запада, и «обществом идеалов», которое рассматривается как перспективная мировоззренческая платформа российской социальной политики [4]. Социально-философские основания российской перспективы социальной политики могут опираться на отечественную методологию и теорию деятельности [7]. Тем не менее, наличие конкурирующих альтернатив требует более глубокого отбора философских оснований российской социальной политики.

Методы. С позиций системно-деятельностного подхода Л. А. Зеленова «активность» — это деятельность социального субъекта в системе деятельности [8, с. 97—98]. Система деятельности находится в некоторой «среде», с которой взаимодействует, обмениваясь энергией, веществом и информацией. Система деятельности социального субъекта обладает свойством целостности, т. е. структурной определённостью в-себе и для-себя, а также в поле связей с социальной средой: «под системой понимается единое целое, доминирующее над своими частями и состоящее из элементов и связывающих их отношений. Совокупность отношений между элементами системы образует её структуру. Правомерно поэтому говорить о структурной целостности системы деятельности. «Совокупность структуры и элементов составляет систему» [9, с. 18, 122—123]. Социальная система деятельности и системность деятельности характеризуются упорядоченностью, целенаправленностью своего действия. С позиций теории мыследеятельности Г. Щедровицкого фундаментальным источником социальной активности является устойчивое воспроизводство деятельности: «оказалось, что единственная схема, через которую деятельность может быть задана — это схема воспроизводства деятельности.

Тогда «процесс воспроизводства» впервые появился в этой области социальных и гуманитарных идей, потому что у Маркса идея воспроизводства — простого и расширенного — была, но совсем в другом контексте. ... Оказывается, что деятельность может быть задана только через процесс воспроизводства» [16, с. 243—244, 584]. От состояния деятельности-потока зависит то, что существует: «Значит есть такая реальность мышления, и это особая субстанция. Есть реальность и особая субстанция деятельности, или мыследеятельности. И есть то, что мы в этот момент понимаем. И это есть переход к следующему пункту, который я сейчас не буду обсуждать. ... А именно, что эта реальность зависит от мышления. Вот что мы задаём в действительности мышления, то потом мы онтологизируем, объективизируем, а потом реализуем. И вот это и есть, и существует» [16, с. 243—244, 562]. Опираясь на эти положения можно заключить, что социальная активность — это деятельность человека, в которой он играет роль социального субъекта, а его социальное бытие и существование в этом качестве непрерывно в пространстве и времени. В итоге сущность «активного поворота» социальной политики состоит в том, чтобы перевести человека из положения «объекта» социальной политики в

положение субъекта деятельности, вовлечённого в поле социальной политики. В прикладном аспекте речь идёт о развитии механизмов социального партнёрства по линии «гражданин — государство», государства и гражданского общества.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Особенности российской политики, которые существенно влияют на выбор и характер социальной политики включают: активная политика укрепления государственного суверенитета [3], в т. ч. в сфере отношений институтов власти и гражданского общества, где формируются новые меры ограничения (статус «иностранный агент») и стимулирования (отечественные грантовые программы) деятельности НКО. Исследования позволяют определить устойчивость новых механизмов взаимодействия в системе «власть — гражданское общество», а также качество новой деловой культуры в поле этого отношения; незавершённость российского политического транзита, где продолжается поиск оптимального соотношения полей ответственности институтов государства и институтов гражданского общества в делах страны [5], в т.ч. в сфере социальной политики; с 2015 г. одним из приоритетов государственной политики является развитие активности граждан, их сообществ, социально ориентированных НКО, которые рассматриваются как новый, негосударственный участник социальной политики в России [13].

Современная практика социальной политики опирается на представления о том, что патерналистское государство, существовавшее в СССР, для современной России, — как отметил Президент В. Путин ещё в 2000 г., — политически нецелесообразно и экономически невозможно [14]. Поэтому актуальные цели связаны с формированием активной социальной политики, — то есть политики, которая проектируется и реализуется с участием активного гражданина. Переход от приоритетов политики «социального патернализма» к приоритетам политики «активного гражданина» мы называем активным поворотом. Это важное слагаемое российского политического транзита, в поле которого меняется инфраструктура и механизмы отношений «институт государства — гражданин» применительно к задачам социальной политики. Такой поворот стал следствием многоплановой деформации многих традиционных социальных институтов в обществе [18].

В широком плане современные практики кооперации государства и гражданского общества отражены в работах Дрожжинова В. И. и Штрика А. А., Павловской С. В. и Сироткиной Н. Г. Дахина А. В., Патрушева С. В., Сунгурова А. Ю., Тарасенко А. В., П. Маклаверти и Д. Халпина (Peter McLaverty, Darren Halpin), Т. Има (ImTobin). Анализ российских источников позволяет сделать вывод, что наиболее часто исследуемыми сторонами политической жизни стали преобразования практик представительной демократии, вопросы прав человека. Менее исследованными остаются проблемные ситуации, в которых взаимодействие власти и общества происходит на почве социальных инноваций различного характера. При этом, в актуальных практиках российской социальной политики, основная доля преобразований осуществляется на региональном и муниципальном уровне, так как здесь требуется развёртывание новых массовых форм коммуникаций между активными гражданами и институтами государственной и муниципальной службы. Учёные

изучают новые поля региональной публичной политики [11], опыт деятельности социально ориентированных НКО [12], опыт работы традиционных НКО [2].

Для оценки темпов и особенностей политики социального поворота обратимся к анализу данных государственной политики по развитию социальных инициатив через инфраструктуру грантовой поддержки инициативных социальных проектов и к анализу данных Нижегородской региональной программы поддержки местных инициатив (ППМИ). Оба направления — это составные части политики развития механизмов партисипаторной демократии [15], [17], активно стимулируемой в России примерно с 2017 г. [6]. Различие названных форм исполнения «социального попорота» связано, прежде всего, с различием роли «активного гражданина», которая востребована в случаях грантовой поддержки и в случаях ППМИ. Общим для обоих является то, что гражданин становится инициатором, умеет оформить свою инициативу для организации партнёрского взаимодействия с соответствующей официальной институцией и для реализации инициатив готов потратить своё личное время. Отличия сводятся к тому, что в системе грантовой поддержки инициаторы проекта из личных ресурсов вкладывают в проект только время и знания/умения, а все необходимые финансовые средства вносят в проект основной грантодатель и другие организации-партнёры. В случае ППМИ граждане-инициаторы вкладывают так же личные финансовые средства (примерно 10—11 % от общего бюджета проекта).

Фонд президентских грантов является ключевым федеральным оператором поддержки инициативных социальных проектов. О динамике роста инициативной активности говорят данные: в 2016 году на конкурс было представлено 15 704 проекта, в 2019 — 27 392 проекта. В региональном измерении заметна явная неравномерность активности. Самым активным регионом по количеству поданных проектов в 2019 году, исключая Москву и Санкт-Петербург, стала Республика Башкортостан — из неё подано 386 проектов. На втором месте — Волгоградская область, из которой поступило 378 проектов, на третьем — Белгородская область, которая представила 349 инициатив. С точки зрения приоритетов содержания социальных инициатив наиболее популярным направлением конкурса 2019 г. стала «Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни» — 17 % проектов. На втором месте — «Сохранение исторической памяти» с 15 % проектов. На третьем месте — «Поддержка проектов в области науки, образования, просвещения» — 12 %. Как правило, больше всего грантов некоммерческие организации запрашивают в группе от 500 тысяч до 3 млн рублей. Таких проектов 51 %. Проектов с запросом до 500 тысяч рублей 33 %. По Нижегородской области данные показывают, что активной динамики роста инициативных проектов пока нет: активность 2017—19 гг. держится на уровне 60—70 проектных заявок, а общий объём полученных средств — на уровне 70—80 млн. руб. Программа ППМИ показывает достаточно заметную позитивную динамику. С 2015 по 2019 количество участвующих в ней муниципальных образований увеличилось с 5 до 50; софинансирование из областного бюджета — с 20 млн. руб. до 186 млн. руб. 2019 год было принято решение — реализовать все предложенные заявки, — 599 заявок. Общая сумма финансирования — 360 млн. руб. Эти данные позволяют сформулировать гипотезу

о том, что политика развития НКО, СО НКО и других форм инициативной гражданской активности представляет собой специфическую сферу активного политического транзита — сферу социального политического транзита. Кроме того, есть основания полагать, что в этой сфере происходит становление нового гражданского субъекта социальной политики.

Российские социологические исследования показывают, что привычка партнёрского взаимодействия граждан и государства в сфере социальной политики находится в стадии становления, и что здесь готового социального консенсуса пока нет. В частности, 17 % россиян утверждают, что государственное содействие в социальных вопросах ни в какой форме им не нужно, они в состоянии решить свои проблемы самостоятельно, что демонстрирует невозможность общественной кооперации с ними «здесь и сейчас». Среди остальных (более 80 %) распространено мнение, о приоритетной ответственности государства за всю социальную политику. При этом лидируют запросы на обеспечение справедливой оплаты труда и содействие в получении необходимой медицинской помощи (каждый из запросов выбирают более трети россиян). Менее трети, но более четверти населения включили в свои запросы материальную поддержку от государства и помощь с обеспечением жильём. Замыкает рейтинг запрос на содействие государства в получении необходимого образования и квалификации [1, с.352]. Картина эмпирических исследований массовых настроений в социальной политике проблематизируется ещё и тем, что на их «правильную» интерпретацию претендуют и многие западные философские теории, которые отрицают идеи о ценности субъектных качеств человека, целостности личности человека, фундаментальности связи сферы существования человека с его бытием. Все они предлагают видение человека и общества, которому, с некоторыми новыми особенностями, больше соответствует именно патерналистское отношение человека к социальной сфере общества и государства.

Заключение. Исследование показывает, что активный поворот социальной политики в сторону деятельного партнёрства государства и граждан делает первые успешные шаги, но для перехода в устойчивое состояние он требует времени. Вопросы развития конкретных территорий дают примеры успешных практик, тогда как вопросы общероссийского масштаба (активизация роли гражданина в вопросах пенсионного обеспечения, страхования имущества от природных бедствий и пр.) продвигаются значительно медленнее. Продолжение исследований в этой области требует, наряду с эмпирическими исследованиями, дальнейшей проработки философской теории деятельности как фундаментально значимого способа социального бытия и социального существования человека. Это связано с тем, что серьёзную конкуренцию философской теории деятельности составляют теории «смерти субъекта», «конца истории» и т. п., которые утверждают иную философию активности, — философию существования без бытия.

Список литературы

1. Аникин В. А., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Запросы россиян на содействие государства: социальное инвестирование или социальная поддержка? / Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 345—366.

2. Грищенко Ю. И. Этапы становления некоммерческих организаций в России // Некоммерческие организации в России. 2012. № 5. С. 41—46.
3. Дахин А. В. Государственный суверенитет и коллективная идентичность в поле современной глобальной региональной стратификации // Социальное время. Научный журнал. — Йошкар-Ола: Приволжский государственный технический университет. 2015. № 1. С. 110—123.
4. Дахин А. В., Сергеева Э. А. Идеальная позиция государства в современном социальном контексте. // Социальное время. 2019. № 2(18) С. 96—104.
5. Дахин А. В. Незавершённый политический транзит: реинституционализация циклов смены высших политических команд в России // Социально-политические ресурсы устойчивого развития в ситуации экономического кризиса. Региональные аспекты в сравнительной перспективе. Информационный бюллетень НИЦ СЭНЭКС. Июнь-ноябрь, 2010 г. Н. Новгород: ВВАГС. 2010. С. 5—15.
6. Дахин А. В. Политический транзит в России: представительная, совещательная и партисипаторная системы публичной политики // Вестник НИУ РАНХиГС. 2019. № 3. / Режим доступа: http://services.niu.ranepa.ru/nauka/?page_id=8257
7. Дахин А. В., Щетинина О. В., Солонченко Е. И. Социальная стабильность, социальная активность и развитие России в свете методологии и теории деятельности. // Вестник НИУ. 2018. № 3. С. 43-48.
8. Зеленев Л. А. Философия. // Зеленев Л. А. Собрание соч. в 4-х т. Т.1. Н. Новгород: О. В. Гладкова. 2006. — 168 С.
9. Зеленев Л. А., Владимиров А. А. Альтернативная социология. Н. Новгород: ИД Гладкова О. В. 2017. — 223 с.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
11. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика как индикатор качества взаимодействия власти и общества (по результатам мониторинга публичной политики в регионах России). // Полит-экС. 2012. Т.8. № 4. С. 126—141.
12. Николенко Н. А., Серова Я. И. Государственный сектор и СО НКО в сфере социальной защиты населения: партнёры или конкуренты? // Вестник Удмуртского университета. Социология, политология, международные отношения. 2017. Т.1 № 2. С. 162—166.
13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015. / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189898/
14. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000. «Какую Россию мы строим» / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27823/
15. Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов / Генри Санофф; пер. с англ.; // Ред. Н. Снигирева, Д. Смирнов. Вологда: Проектная группа 8. 2015.
16. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. / Ред.-составители: А. А. Пископфель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий. М.: Шк. Культ. Политики. 1997. — 656 с.
17. Zimmerman J.F. Participatory Democracy. New York: Praeger. 1986.
18. Шалаев В.П. Осторожно мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // SocioTime / Социальное время.— 2015.— N3.—С.48—57.

Авторская справка

ЩЕТИНИНА Ольга Владимировна, аспирант, Нижегородский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород, Россия. E-mail: Lmakarova.zsno@yandex.ru.

PHILOSOPHY AND PRACTICE OF THE “ACTIVE TURN” FORRUSSIA SOCIAL STATE

O. V. Shchetinina

Nizhegorodsky Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration, Nizhny Novgorod (Russia)

Introduction. The author has analyzed some contemporary features of Russia State social policy. Her main attention is focused on practices, which relates with the «active turn», it means the segment of Russia political transit that is appeared in the field of social policy. The article describes socio-philosophical and applied dimensions of participatory democracy practices and civil society, NGO activities in the field of partnerships between the State institutions and people. The author concludes about a trend of progress of the new public civil actor of social policy in Russia.

Methods. The author gives some materials for substantive understanding of the new trend of Russia social policy. The methods are supported by dialectical logic and philosophy of labor activity, comparative and interdisciplinary analysis.

Results. The article is focused on modern trends of Russia social policy transit that is defined by term “active turn”. Socio-philosophical foundations of the “active turn” are described in the light of theory and methodology of labor activity. Regarding to works of L. Zelenov and G. Shchedrivitsky the author studies several dimensions of social activity which are correlated with a man as a subject/actor of social activity. ach other: The article presents theoretical vision of nature of public social policy; it describes correlation the aspects of public policy activity and aspects of public partnership. It is showed that theoretically the term “active turn” is too close with philosophical concept of activity that are focused on its capacity for individual and collective self-progressing. In conclusion the author describes some concrete forms of social being and existence of a man as an active subject/actor of labor activity.

Conclusion. The author gives conclusion about philosophical foundations of the “active turn” of the modern social policy which in need to be in progress for more sustainable development and also it in need in critical rethinking of contemporary alternative philosophical approaches.

Keywords: paternalism policy, social actor, social partnership, theory of activity, social policy.

References

1. Anikin V. A., Lezhnina U. P., Mareeva S. V., Slobodeniuk E. D. Zaprosyossiannasodeistviegosudarstva: sotcial'noeinvestirovanieilisotcial'naiapodderzhka? [Public Russia Demands on the State Prtisipation: Social Investments or Social Support]. *Monitoring obshchestvennogomnienia: ecnomocheskie I sotcial'nyeperemyeny*. [Screening of Public Opinion: Economics and Social Changes]. 2019, no.3. pp.345—366. (In Russian).
2. Grishchenko U. I. Etapystanovlenianekommercheskichorganizatscii v Rossii [Stages of Developing of NGO in Russia]. *Nekommercheskieorganizatscii v Rossii* [None-commerce Organizations in Russia]. 2012, no 5. pp.41—46. (In Russian).
3. Dakhin A. V. Gosudarstvennyi suverenitet I kollektivnaia identichnost' v pole sovremennoi global'noiregional'noistratificatscii [The State Sovereignty and Collective Identity in the Field of Contemporary Global Regional Stratification]. *Sotcial'noevremia* [Socio Time]. 2015, no. 1, pp.110—123. (In Russian)
4. Dakhin A. V. Sergeeva E. A. Ideinaiapozictiagosudarstva v sovremennomsotcial'nomkontekste [Ideal Viewpoint of a State in the Modern Social Context]. *Sotcial'noevremia* [SocioTime]. 2019, no.2 (18). pp. 96—104. (In Russian)
5. Dakhin A. V. Nezavershennyipoliticheskiy transit: reinstitucionalizatsiatciklovmenyvysshichpoliticheskikhkomand v Rossii [None-complete of Political Transit: Reinstitutionalization of Cycles of Highest Political Teams in Russia]. *Sotcial'no-politicheskieresursyustoiichivogorasvitiavsituatsiiekonomicheskogokrisisa*. *Regional'nyeaspektyvsravnitel'noiperspective*. *Informatcionnyibulleten' NITeSENEX. Iun'-noiabr', 2010*. [Socio-

political Sources for Sustainable development in the Context of Economics Crisis. Regional Approaches in Comparative Prospective. Informational Bulletin NICSENES. June—November, 2010. N. Novgorod: VVAGS. 2010, pp. 5—15. (In Russian)

6. Dakhin A. V., Shchetinina O. V., Solonchenko E. I. Politicheskiy transitiv Rossii: predstavitel'naia, soveshchatel'naia i participatornaia sistem y publichnoy politiki [Political Transit in Russia: Representative, Deliberative and Participatory System of Public Policy]. *Vestnik NIMRANEPА*. 2019, no. 3 / URL: http://services.niu.ranepa.ru/nauka/?page_id=8257 (In Russian)

7. Dakhin A. V., Shchetinina O. V., Solonchenko E. I. Sotsial'nai a stabil'nost', sotsial'nai a aktivnost' i rasviti e Rossii v svet e metodologii i teorii deiatel'nosti [Social Stability, Social Activity in the Light of Methodology and Theory of Labor Activity]. *Vestnik NIMRANEPА*. 2018, no. 3. pp. 43–48. (In Russian)

8. Zelenov L. A. *Filosofia* [Philosophy]. Zelenov L. A. *Sobranie sochinenii* [Collection of Papers] In 4 Volumes. Vol. 1. N. Novgorod: Printing house O. V. Gladkova. 2006. (In Russian)

9. Zelenov L. A., Vladimirov A. A. *Al'ternativnaia sociologia* [The Alternative Sociology] N. Novgorod: Printing house O. V. Gladkova. 2017. (In Russian)

10. *Konstituci a Rossijskoi Federacii* (priniat a vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uch et o popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [Constitution of Russia Federation (was adopted by all people voting at 12/12/1993) (including amendments to Acts of RF about amendments to Constitution of RF at 30.12.2008 № 6-FKZ, at 30.12.2008 № 7-FKZ, at 05.02.2014 № 2-FKZ, at 21.07.2014 № 11-FKZ) (In Russian)

11. Nikovskaia L. I., Yakimets V. N. Publichnaia politika kak indikator kachestva vsaimodeistvi a vlasti i obshchestva (porezul'tat am monitoringa publichnoy politiki v regionakh Rossii) [Public Policy as Indicator of Quality of Partnership between the State Institutions and Civil Society (Results of Screening of Regional Public Policy in Russia)]. *Politeks* [Politex] 2012. Vol. 8, no. 4, pp. 126—141. (In Russian)

12. Nicolenko N. A., Serova Y. I. Gosudarsvennyi sektor i SONKO Vsferesotsial'noizashchitynaselenia: partner ili konkurenty? [The State Services and NGO's Social Services: Partners or Competitors?]. *Vestnik of Udmurtskiy University. Sociology, Political Science, International Relations*. 2017. Vol. 1, no. 2, pp. 162–166. (In Russian)

13. *Poslanie Predidenta RF Federal'nomu Sobraniyu* ot 03.12.2015. [Official Message of Russia President to Federal Assembly of RF at 03.12.2015. / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189898/ (In Russian)

14. *Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu* ot 08.07.2000. «Kakuiu Rossiiu my stroim» [Official Message of Russia President to Federal Assembly of RF “What Russia we are Building” / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27823/ (In Russian)

15. Sanoff G. Souchastnoe proektirovanie. Praktiki obshchestvennogouchastoa v formirovaniispedybolmbikhimalykh gorodov [Co-participation Projecting. Public Participation Practices for Forming of Large and Small Cities Environment; Translation from Engl. / Ed. by N. Snigireva, D. Smirnov. Vologda: Project group 8. 2015.

16. Shchedrovitskiy G. P. *Filosofia. Nayka. Metodologia* [Philosophy, Science, Methodology] / Ed. by: A. A. Piskopel', V. R. Rokinianskiy, L. P. Shchedrovitskiy. Moscow: Shkola Kul'turnoi Politiki. 1997. (In Russian)

17. Zimmerman J. F. *Participatory Democracy*. New York: Praeger. 1986. (In English).

18. Shalaev V. P. *Ostorozhno, mutatsiya: chelovek i obshchestvo pered vyzovami globalizatsii, zapadofikatsii i potrebleniya: protivorechiya narastayut* [Carefully, mutation: man and society before the challenges of globalization, West certification and consumption: contradictions are growing] // *Socio Time / Sotsial'noe vremya* [SocioTime]. — 2015. — N3. — Pp. 48—57.

Author's Bio

Shchetinina O. V., Nizhegorodsky Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: Lmakarova.zsno@yandex.ru.

Библиографическая ссылка

Щетинина О. В. Философия и практика «активного поворота» для социального государства в России // *SocioTime / Социальное время*. — 2020. — № 3 (23). — С. 36—43. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.36

ПРОБЛЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ЛЕНКОРАНЬ-АСТАРИНСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЙОНЕ

М. И. Багирова

Национальная академия наук Азербайджана, Институт географии имени академика Гасан Алиева, Баку (Азербайджан)

Введение. Формирование и развитие населенных пунктов зависит от взаимодействия природно-географических, социально-культурных, экономических и демографических факторов. При этом учитывается уровень социально-экономического развития территории, развитие транспортно-коммуникационной системы, близость к крупным городам, столичному региону, наличие природных ресурсов и их использование на современном уровне. В зависимости от этих факторов развитие расселения бывает на различных уровнях.

В регионах с высоким уровнем развития городов, социально-экономическая и культурная база наряду с обеспечением демографического развития, также служит населению прилегающих территорий, обеспечивает рабочими местами, ежедневными социально-культурными, медицинскими и образовательными услугами [1]. В то же время города играют важную роль в развитии сел, в регулировании расселения сельских населенных пунктов, в переработке сельскохозяйственной продукции, одной из основных отраслей занятости сельского населения, являясь его основным потребителем, в удовлетворении социально-культурных потребностей сельского населения [2].

Методы. Анализы проводились изучением с историко-географической точки зрения территорий, методами математического анализа, статистики и сравнительного анализа.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В процессе экономических реформ достигнуты значительные результаты в формировании экономической и социальной базы городских и сельских населенных пунктов. В то же время наряду с возобновлением деятельности существующих объектов производства и услуг были построены новые многочисленные сети предприятий. Несмотря на принятые меры, количество рабочих мест в регионах всё ещё невелико. И это создаёт проблемы по урегулированию размещения населения.

Города играют ведущую роль в управлении и регулировании ареалов расселения. Наряду с их экономическим и социальным развитием, также важно обеспечить демографическое развитие. Увеличение количества населения требует расширения ареалов населенных пунктов. В этом случае территории расширяются в основном за счёт плодородных сельскохозяйственных угодий. Для предотвращения такого положения необходимо привлечь к строительству населенных пунктов малоплодородные земли и это является одной из наиболее важных задач.

Заключение. Высокий естественный прирост населения Ленкорань-Астаринского экономического района в течение многих лет привёл к быстрому росту населения. В то же время, занятость больших территорий сельскими поселениями и высокая численность населения затрудняют регулирование. Учитывая вышесказанное, необходимо обеспечить взаимосвязанное развитие городских и сельских поселений.

Для устойчивого демографического развития в экономическом районе необходимо проводить активную социальную политику и расширять государственную помощь молодым, многодетным и малообеспеченным семьям. Обеспечение населения рабочими местами, создание и регулирование оказанных им услуг на современном уровне являются важными мерами.

Ключевые слова: городское и сельское расселение, экономический район, сельские районы, города, региональное развитие, ареалы расселения, демографическое развитие, урбанизация, региональные центры.

Введение. Формирование и развитие населенных пунктов происходит в процессе взаимодействия природно-географических, социокультурных, экономических и демографических факторов. При этом учитывается уровень социально-экономического развития территории, развитие транспортно-коммуникационной системы, учитывается близость к крупным городам, столичному региону, наличие природных ресурсов и их использование на современном уровне. В зависимости от этих факторов развитие расселения бывает на различных уровнях. В регионах с высоким уровнем развития городов сильная социально-экономическая и культурная база наряду с обеспечением демографического развития, оказывает близлежащим территориям и их населению, ежедневные социально-культурные, медицинские и образовательные услуги, обеспечивает рабочими местами [1]. В то же время города играют важную роль в развитии села, в регулировании расселения сельских населенных пунктов, в переработке сельскохозяйственной продукции, одной из основных отраслей занятости сельского населения, являясь его основным потребителем, в удовлетворении социально-культурных потребностей сельского населения [2].

Методы. Статистической базой исследования использовалась численность населения и занятость [3—7], годовые отчеты о развитии регионов [5] и данные переписи населения за 1999 и 2009-е годы [28;29]. На основании материалов и научной литературы определены основные направления перспективного развития Ленкорань-Астаринского экономического района. Анализы проводились с помощью историко-географического исследования территорий, методом математического анализа, статистики и сравнительного анализа.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Достигнуты значительные результаты в процессе экономических реформ по формированию экономической и социальной базы городских и сельских поселений. В то же время, существующие производственные и сервисные услуги были возобновлены и построены новые многочисленные сети предприятий. Несмотря на принятые меры, количество рабочих мест в регионах все ещё невелико. И это создаёт проблемы по урегулированию размещения населения.

Города играют основную роль в управлении и регулировании населённых пунктов. Наряду с их экономическим и социальным развитием, важно обеспечить и демографическое развитие. Увеличение численности населения требует расширения ареалов населённых пунктов. В этом случае для расширения территорий поселений используются плодородные сельскохозяйственные угодья. Для предотвращения этого необходимо привлечь к строительству населённых пунктов малоплодородные земли и это является одной из наиболее важных задач.

Объектом исследования является расположенный на юге страны Ленкорань-Астаринский экономический район. В состав экономического района, наряду с административными районами, входят города Астара, Джалилабад, Лерик, Ленкорань, Масаллы и Ярдымлы. Территория данного экономического района 6,1 тыс. км², с численностью населения 937,2 тыс. человек (01.01.2019). Соответственно занимают 7,01 % территории и 9,3 % населения страны, в том числе городского население 4,8 %, и сельского население 14,5 % [3, 4]. На долю района приходится 2,2 % производимой в стране общей продукции, 0,2 % промышленной продукции, 10,6 % сельскохозяйственной продукции [5, 6, 7].

Изучение темы. Территориальная организация хозяйства и населения Ленкорань-Астаринского экономического района, необходимость экономического и демографического развития региона, пути реконструкции городского и сельского расселения изучаются с 70-х годов XX века. В этой области есть исследования в работах Э. Г. Мехралиева [20, 21, 24], К. В. Мамедова [13], В. А. Эфендиева [27], Н. Х. Эйюбова [8, 12, 22, 26], З. Н. Эминова [8, 9, 12, 22, 25—26], Р. Х. Мамедова [16], М. О. Садыгова [23], С. Г. Азизова [10] и др.

Новизна исследования. В статье впервые были изучены тенденции развития расселения в регионе за годы независимости и были разработаны необходимые меры для его регулирования. Высокая плотность населения в экономическом районе, важность сельских населенных пунктов в расселении, эффективное использование земли создаёт необходимость предпринять серьезные меры для развития городских поселений. В статье были проведены анализы в этом направлении и даны соответствующие предложения и рекомендации.

Объяснение вопроса. Урегулирование расселения в Ленкорань-Астаринском экономическом районе, расположенном на юге страны, зависит от развития городов и поселков. Здесь в первую очередь велика роль городов Ленкорань и Джалилабад, функцию которых необходимо сохранить и расширить.

Город Ленкорань является важнейшим социально-экономическим, культурным центром, движущей базой демографического развития на юге страны. Хотя естественный прирост населения в регионе выше, чем в среднем по стране, в XXI веке естественный прирост городского населения Ленкораньского района отличился значительно низким уровнем. После 2000 года темпы естественного прироста населения на 1000 человек в городах и посёлках района были одним из самых низких, даже ниже, чем в среднем по стране. Например, в 2000 году в Азербайджане среди городского населения этот показатель составлял 6,5 на 1000 человек, 5,2 на 1000 человек городского население в Лянкяране и соответственно в 2018 году была зарегистрировано на отмеченном уровне 6,9 и 6,6 [3]. В районе с благоприятным ЭГП, высоким естественным приростом населения, слабое социально-экономическое развитие явилось причиной интенсивной миграции. В результате численность городского населения в Ленкораньском районе, а также численность населения в районном центре были значительно ниже, чем в других прилегающих районах [16]. Таким образом, можно считать, что город Ленкорань не может полностью выполнять функции регионального центра. Это связано с ограниченными возможностями территориального расширения, слабым темпом

развития экономической базы, нехваткой рабочих мест и отсталостью социальных и культурных услуг. В целом, экономическое и социально-культурное развитие города Ленкорань должна рассматриваться как важная задача для обеспечения его демографического развития.

Город Джалилабад входит в число быстроразвивающихся пунктов южного региона. Такое развитие можно отнести к административному району в целом. Устойчивое социально-культурное и экономическое развитие играет ключевую роль в регулировании расселения и демографическом развитии. В административном районе среди городского населения за последние 10 лет естественный прирост на каждые 1000 человек является одним из самых высоких показателей. Его показатель по стране и экономическому району выше средних показателей. По естественному приросту населения среди административных районов, занимает первое место, 1/3 приходится на долю городского населения Джалилабада. Миграционные процессы среди городского населения низкие. Анализ показывает, что современное состояние социально-культурных услуг и экономической базы в Джалилабадском районном центре обладает самым высоким показателем, в районе с 1989 года население увеличилось в 1,8 раз. Проведённые исследования показывают, что современное состояние социально-культурной и экономической базы поддерживают демографический потенциал [11]. Поэтому важно продолжать предпринимать меры для поддержки устойчивого развития городов. Наряду с этим, уровень урбанизации в регионе не увеличивался в течение многих лет. Одной из основных причин можно показать быстрый рост сельского населения. Поэтому необходимо принять меры для достижения более высокого уровня развития городов и городского населения. Доля городского населения составляла в 27,0 % в 1989 г. к началу 2019 г. составляла 27,9 % [3, 26]. Для развития городов и роста городского население необходима создать сеть новых объектов для переработки сельскохозяйственной продукции и создание новых рабочих мест, обеспечение роста демографического развития в соответствии с социально-экономической ситуацией.

Город Масаллы хоть и входит в пункты районной значимости, за последнее время численность населения быстро растёт, с усилением экономической базы его можно включать в ряд региональных центров. Высокий рост среди городского населения, низкая миграция, в результате изменений административного деления территории в городе Масаллы численность населения быстро выросла [30]. Количество городского населения с 9,9 тыс. в 2009 году выросла 26,3 тыс. человек в 2019 году. Выполненные за последнее время экономические реформы обеспечивают экономическое развитие города. В результате проведённых мер и в то же время получения статуса посёлка селом Эркиван возросла урбанизация в районе. По темпам роста, Масаллинский район занимает первое место в регионе. В 1989 году этот показатель составлял 14,9 %, но в 2019 году вырос до 22,6 % [18]. Внутри административного района город Масаллы, растущую роль которого в поселении и в обеспечении демографического развития необходимо укрепить через социально-экономическую базу и на основе этого важно открыть новые рабочие места.

В то же время важно принять социально-ориентированные меры для содействия демографическому развитию. Они включают льготы на жилищное строительство, выделение государственных средств малообеспеченным, многодетным и молодым семьям, создание медицинских центров и социально-бытовых услуг для детей и др. Одним из способов повышения роли центрального города среди населённых пунктов является обеспечение связей и создание транспортно-коммуникационной сети на уровне современных требований [17].

Город Астара. Демографический потенциал и экономическая база Астары слабы по сравнению с другими соседними районами. В то же время рост населения города идет медленными темпами. Расположение города в периферийной зоне страны, неблагоприятное экономико-географическое положение, проведённые реформы в сельском хозяйстве привели к упадку в этой области, не обеспечили экономического развития, а демографическое развитие идёт очень медленными темпами. Хотя естественный прирост городского населения в районе ранее был на среднем уровне, в последнее время он значительно снизился, и даже в 2018 году был самым низким среди административных районов. В то же время показатель смертности достиг высокого уровня. На каждые 1000 человек коэффициент рождаемости 5,0 и коэффициент смертности 7,4. По сравнению с другими городами региона в Астаре наблюдается самый низкий прирост населения с 1989 года (36,7 %). В результате уровень урбанизации в регионе в 1989—2009 гг. не изменился [9, 26]. Присвоение Эрчивану статуса посёлка позволило увеличить численность городского населения района. Учитывая это, в будущем для укрепления экономической базы и социально-экономического потенциала необходимо создать условия для строительства новой сети предприятий.

Города Лерик и Ярдымли недавно получили этот статус (статус города). Несмотря на получение статуса города, количество населения данных городов не соответствует действующему законодательству. Тем не менее, их функции в качестве административного районного центра были расценены как основание для предоставления этого статуса населённым пунктам [18]. В то же время, в результате приобретения статуса города, население этих городов значительно увеличилось. В городе Ярдымли этот прирост составил 2,2 раза с 1989 года.

Оба административных района занимают среднегорье и высокогорье Талышских гор. Поэтому, несмотря на большое количество сельских поселений, численность их населения невысока. Неблагоприятный рельеф создаёт проблемы в создании связи между сёлами, также имеются трудности во взаимодействии с районными центрами. Лерик и Ярдымли — единственные города в обоих районах. Сельский образ жизни широко распространён в этих городах, а занятость женщин на низком уровне. Здесь естественный прирост среди городского населения высок, выше, чем средний показатель по экономическому району. Но в целом их численность намного ниже, чем в других районах. В 2018 году городское население Лерика увеличилось на 51 человека, а Ярдымли на 80. Именно поэтому городское население растёт более медленными темпами [3]. Развитие городов Ярдымли и Лерик зависит от принимаемых экономических и социокультурных мер.

Экономическое развитие городов является ключевым фактором повышения их роли в демографическом развитии и расселении.

Гойтене и Лиман являются городами районного подчинения в Ленкорань-Астаринском экономическом районе. На протяжении многих лет они включены в список городов и обладают благоприятным экономико-географическим положением. Однако экономическая база в этих городах очень слаба, обеспечение населения рабочими местами, предоставление им социально-культурных услуг не соответствует существующим требованиям. Следовательно, демографический рост также замедляется. Численность населения в городах составляет 10—15 тысяч человек. С 1989 года численность населения города Лиман увеличилось на 32,2 % и в Гойтене более чем на 50,0 % [3, 26].

Социально-экономическое развитие является ключевым фактором в обеспечении развития городов. Важно повысить роль сельского хозяйства прилегающих территорий в развитии городов, создать объекты по первичной и конечной переработке сельскохозяйственной продукции.

В системе городского расселения экономического района *посёлки* занимают особое место [26]. Они рассматриваются как промежуточный этап в переходе сельских населённых пунктов в города. Однако, несмотря на то, что посёлки принадлежат к разным группам по численности населения, экономическая и социально-культурная база зачастую слаба. Поэтому, хотя некоторые населённые пункты находились в этом статусе несколько десятилетий, демографическое развитие идет медленными темпами. Они обладают потенциалом, влияющим на расселение ближайших сёл, но большинство не способно даже сохранить свой демографический потенциал.

В соответствии с требованиями действующего «Закона об административно-территориальном устройстве» только посёлок Эркиван (население 17 800 человек) в Масаллинском районе может получить статус города [19]. В большинстве поселков региона распространён сельский образ жизни, основную часть их хозяйства составляет обработка сельскохозяйственных продуктов. Однако эти сферы неспособны обеспечить развитие населённых пунктов. Прибыль с этих сфер низкая, а предприятия по первичной обработке продукции почти сошли на нет. Если обеспечить развитие посёлков Эрчиван, Киджаба, Борадигах и Эркиван с населением более 5000 человек, то за короткое время можно будет включить их в список городов. Это является важным шагом не только для городского расселения, но и для развития сёл. Получение этими пунктами статуса города обеспечит развитие экономической и социально-культурной базы. А это играет базовую роль в демографическом развитии.

Задачи реструктуризации и расселения сельских населённых пунктов Ленкорань-Астаринского экономического района должны быть решены. Сельские поселения в регионе играют важную роль в области освоения земель. Быстрый рост населения наряду с быстрым ростом существующих сельских населённых пунктов также приведёт к расширению их территории, поскольку новые земельные участки будут находиться под новыми жилыми пунктами, промышленными, служебными объектами и транспортно-коммуникационными линиями. Поэтому

близлежащие к экономическому району участки Ленкоранской низменности, Муганской и Сальянских равнин, предгорье и низкогорье Талышских гор полностью освоены, а пригодные для сельского хозяйства площади продолжают с каждым годом сокращаться.

В то же время остаются многочисленные проблемы в демографическом развитии сёл и предоставлении социальных и культурных услуг населению. Учитывая это, необходимо определить основные направления по урегулированию сельского расселения в экономическом районе. Разработка мер в этом направлении важна для управления будущей деятельностью.

Демографическое развитие сел входит в число важнейших задач [14]. По сравнению с 1980—90-ми годами XX века естественный прирост в сельской местности на низком уровне. Хотя уровень рождаемости и естественного прироста на 1000 человек в экономическом районе выше, чем в среднем по стране, в последнее время наблюдается устойчивое снижение. По сравнению с 2015 годом, среднее количество по экономическому району, а также в некоторых административных районах эти показатели снизились с 10—15 % до 30—40 %. В Масаллинском и Лянкяранском районах с большой численностью населения показатели естественного прироста в настоящее время ниже. Текущий уровень коэффициента рождаемости и общие коэффициенты естественного прироста среди сельского населения упали ниже порогового уровня. Это может привести к тому, что в ближайшие 10—15 лет прирост населения в деревнях будет сведён к минимуму и даже может снизиться. В последние годы, особенно после 2015 года, естественный прирост среди сельского населения экономического района был меньше на 2421 чел. В 2015—2018 годах 621 человек — такое снижение приходится на долю Джалилабадского, 822 на долю Масаллинского, 418 на долю Ленкораньского района [3, 4].

Одной из основных проблем демографического развития в экономическом районе являются диспропорции в половом составе новорождённых. Эта ситуация в последнее время привела к изменениям в общем половом составе населения (таблица 1). Чтобы преодолеть эти проблемы, необходимо исключить медицинский и технологический надзор и проверки женщин во время беременности, проводить пропагандо-агитационную деятельность, бороться за сокращение числа ранних браков и числа детей рождённых вне брака.

Таблица 1. Изменение полового состава населения в экономическом районе.

Административные районы	Половой состав населения						Количество женщин по отношению к 1000 мужчин		
	1999		2009		2018				
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	1999	2009	2018
Астара	41181	43138	47752	48478	54058	53546	1047,5	1015,2	990,5
Джалилабад	83583	86377	94962	97358	110723	108799	1033,4	1025,2	982,6
Лерик	31004	32310	36851	37671	42336	41448	1042,1	1022,3	979,0
Лянкяран	93144	96785	102195	103531	113856	113012	1039,1	1031,1	992,6
Масаллы	85306	88631	98908	98239	113538	110227	1039,0	993,2	970,8
Ярдымли	23959	25080	28991	29082	33820	32310	1046,8	1003,1	955,4

Экономический район	358177	372321	409659	414359	468331	459342	1039,5	1011,5	380,8
Азербайджанская Республика	3883155	4070283	4414398	4508049	4938000	4960100	1048,5	1021,2	1004,5

Источник: «Регионы Азербайджана — 2000». Баку, 2001. «Регионы Азербайджана — 2012». Баку, 2013. «Регионы Азербайджана — 2018». Баку, 2019. Материалы переписи населения 1999 и 2009 годов.

Таблица 2. Изменение полового состава населения в экономическом районе, в процентах.

Административные районы	1999		2009		2018	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Астара	48,8	51,2	49,6	50,4	50,2	49,8
Джалилабад	49,2	50,8	49,4	50,6	50,4	49,6
Лерик	49,0	51,0	49,5	50,5	50,5	49,5
Лянкран	49,0	51,0	49,7	50,3	50,2	49,8
Масаллы	49,0	51,0	50,2	49,8	50,7	49,3
Ярдымли	48,9	51,1	49,9	50,1	51,1	48,9
Экономический район	49,0	51,0	49,7	50,3	50,5	49,5
Азербайджанская Республика	48,8	51,2	49,5	50,5	49,9	50,1

Источник: Таблица 2 составлена на основе таблицы 1.

Как выше показано в таблицах (таблица 1, таблица 2), доля женщин в половом составе населения во всех административных районах устойчиво снижается, причём мужчины имеют численное преимущество. Отражение гендерного состава населения в будущем приведет к серьёзным нарушениям и несоответствиям в области демографического развития. Прежде всего, могут возникнуть значительные проблемы с изменением числа женщин, вступающих в брак, обучении персонала и предоставлении рабочей силы. Важно принять меры по его устранению, провести лечебно-профилактическую, административно-правовую работу.

Одной из наиболее существенных проблем для населения экономического района, в том числе сельского населения, является значительное изменение возрастного состава населения. В результате сокращения числа рождений доля населения малого возраста до трудоспособного возраста современем резко уменьшилась, в связи с этим численность населения среднего возраста значительно возросла. Следует учитывать, что высокие темпы естественного прироста были зафиксированы в 1970-х и 1990-х годах. Поэтому в ближайшем будущем численность населения старшей возрастной группы в регионах и отдельных административных районах может резко возрасти. Для предоставления им медицинских, социально-культурных, бытовых и коммунальных услуг, пенсий и лекарственных препаратов необходим значительный объём финансовых ресурсов [22]. Для устранения возрастного несоответствия населения необходимо принять

меры для увеличения рождаемости. Активная демографическая политика в регионах, выделение специальных льгот молодым семьям, новорождённым, особенно вторым и третьим детям, а также усиление государственной поддержки по обеспечению жильём многодетных семей. Создание сети детских воспитательных учреждений и педиатрических больниц, обеспечение их квалифицированными кадрами и решение вопросов социальной защиты персонала также являются мерами, способствующими повышению рождаемости.

В результате принятые меры должны обеспечить устойчивый рост сельского населения. Наряду с высоким уровнем естественного прироста, регулирование миграции также должно учитываться как важный фактор. Хотя средние темпы прироста сельского населения в экономическом районе выше, чем среди населения страны, по сравнению с 80—90-ми годами XX века они снижены и продолжают замедляться. Наряду с демографическим фактором, для роста сельского населения не менее важны решения проблем в сфере экономических, социальных и культурных услуг. Осуществление мероприятий по урегулированию расселения в южном регионе страны должно быть определено как важная задача. Сельское расселение занимает огромные территории. Поэтому эффективное управление и регулирование системы этих поселений имеет большое значение. Численность населения в регионе постоянно растет. Для их размещения новые территории должны быть включены в жилые районы и использованы. Поэтому необходимо приложить больше усилий для определения приоритетности развития городов и посёлков в регионе. Рост городского населения считается шагом вперед в расселении населения. В городах повышается качество предоставленных услуг. Концентрация населения в городах позволяет разместить больше населения на небольших территориях, экономить площади и предотвращает использование сельскохозяйственных угодий под строительство объектов и жилые массивы.

Ведущая роль в управлении и регулировании сельской местности принадлежит административным районным центрам. Прежде всего, они имеют подчиненные отношения в рамках законодательства. Они не только предоставляют возможности трудоустройства для значительной части населения, но также выступают как центры социально-культурных, образовательных и медицинских услуг и удовлетворяют потребности потребителей.

Если посмотреть на систему сельских поселений в регионе, видно, что села образуют целый ареал в Ленкораньской низменности, которая охватывает Ленкорань и Астаринские районы. Сёла не только густонаселены, также высока численность населенных пунктов и продолжает устойчиво расти. Поэтому за счёт сел с высокой численностью населения нужно повысить число городов и поселков. Ликвидация некоторых сёл, прилегающих к районным центрам, и объединение их с городами также является важным шагом регулирования ареала населенных пунктов. Как второй ареал можно выделить села, расположенные в Масаллинском районе. В результате административно-территориальных изменений, внесенных здесь в 2013 году, несколько сельских населенных пунктов, близких к районному центру, были присоединены к городу [30]. В результате численность населения города Масаллы увеличилась в несколько раз, а сёла были ликвидированы.

Третий населённый ареал был сформирован вокруг городов Джалилабад и Гойтепе. В последнее время численность населения в этом ареале устойчиво растёт. Однако количество городских поселений невелико. В районе мало посёлков, а в существующем поселке Новоголовка нет жителей. Поэтому деревни с большим населением должны быть включены в список посёлков. Это не только поспособствует их дальнейшему развитию, но и будет важным шагом в направлении регулирования развития прилегающих территорий.

Можно выделить особый сельский населённый ареал, в котором города Ярдымли и Лерик являются региональными центрами. Природно-географические условия низкогорий и среднегорий создают проблемы в формировании крупных поселков. В то же время необходимо развитие окружных центров сельских территорий в рамках регулирования расселения и обеспечение их подключения к транспортно-коммуникационной системе.

Хотя в обоих административных районах уровень естественного прироста среди сельского населения высок, возможность по сохранению их на местах ограничены. Даже районные центры не могут принять всех людей, которые мигрировали из селений. Их занятость, социально-культурные услуги не полностью удовлетворяются. Для решения этих проблем реализация мер, предусмотренных Государственной программой регионального развития, должна рассматриваться как важная задача [15].

Заключение. Экономические трудности в годы независимости привели к снижению естественного прироста и увеличению миграции в экономическом районе. В результате темпы роста населения снижаются. Однако, из-за высоких естественных темпов роста в течение многих лет, численность населения трудоспособного возраста довольно велика. Важно обеспечить их рабочими местами и повысить уровень социально-культурных услуг.

Для урегулирования сельского расселения пунктов, где сосредоточена большая часть населения, необходимо реконструировать транспортно-коммуникационную сеть, повысить роль сельского хозяйства в формировании доходов населения, создать более прибыльные сектора.

Эффективная организация социального обслуживания, укрепление экономической базы, урегулировании поселений являются необходимыми мерами для увеличения роли городов в регулировании расселения.

Список литературы

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь М.: Мысль, 1983.— 350 с.
2. Социально-экономические проблемы развития Азербайджанского села. Баку: Элм, 1988,—152 с.
3. Демографические показатели Азербайджана 2018. Статистический ежегодник. ГК АР по Статистике. Баку, 2019. — 509 с.
4. Население Азербайджана — 2018. Статистический ежегодник. ГКС АР. Баку, 2019. — 140 с.
5. Регионы Азербайджана — 2018. ГКС АР. Баку, 2019 — 786 С.
6. Промышленность Азербайджана — 2018. Статистический ежегодник, ГКС АР. Баку, 2019. — 349 с.

7. Сельское хозяйство Азербайджана — 2018. Статистический ежегодник. ГК АР по Статистике. Баку, 2019. - 608 с.
8. География Азербайджанской Республики (на азербайджанском языке). II т. Баку, 2015.— 327 с.
9. География Азербайджанской Республики. (на азербайджанском языке). III т. Баку, 2015.— 400 с.
10. Азизов С. Г. Формирование жилищных пунктов и основы социально-экономического развития в Лякярском экономическом районе. Труды Азербайджанского ГО. XIV том. Баку, 2009. С. 239—244.
11. Человек и окружающая среда. Труды Азербайджанского ГО, XX том, Баку, 2017. — 544 с.
12. Проблемы демографического развития и поселение населения в Лякярско-Астаринском экономическом районе. Баку, 2019.—216 с.
13. Мамедов К. В. Население Азербайджанской ССР за 60 лет. Баку: Азернешр, 1982.—112 с.
14. Демографическое развитие, занятость и социально-экономические проблемы безработицы на современном этапе в Азербайджане. Материалы научно-практической конференции. Баку: 2003. — 376 с.
15. Социально-экономическое развитие регионов (2014—2018), Баку, ГК АР по Статистике, Январь 2014. — 592 с.
16. Мамедов Р. Х. Внутренние экономические районы Азербайджанской ССР. Баку: Маариф, 1989. — 240 с.
17. Мамедов З. С. Транспортный фактор в экономическом развитии. Баку: 2002.
18. Административно-территориальное устройство Азербайджана. 1828—2010 годы (составитель Идрак Гараев). Баку: Сема-График ООО, 2010. — 333 С.
19. Закон Азербайджанской Республики о территориальном устройстве и административно-территориальном делении. Газета Азербайджан, Баку, 2001, 26 октября.
20. Мехралиев Э. Г. Региональный анализ демографических процессов в Азербайджанской Республики. Баку: Элм, 2003. — 236 с.
21. Мехралиев Э. Г. Географические проблемы формирования и размещения населения в Азербайджанской ССР. Баку: Элм, 1984. — 196 с.
22. На путях независимости — 25. НАНА. Баку, 2016. С. 382—486.
23. Мехралиев Э. К., Эюбов Н. Г., Садыгов М. О. Вопросы расселения населения в Азербайджанской ССР (на азербайджанском языке). Баку, Изд. Эльм., 1988.—196 с
24. Надиров А.А. Вопросы экономического развития городов Азербайджана. Баку: Изд. Элм, 1966. — 167 с.
25. Пашаев Н. А., Эюбов Н. Г., Эминов З. Н, Экономическая, социальная и политическая география Азербайджанской Республики (процессы, проблемы, конструктивные аспекты). (на азербайджанском языке). Баку, 2010.— 416 с.
26. Эминов З. Н. Население Азербайджана (на азербайджанском языке). Баку 2005. —560 с.
27. Эфендиев В. А. Урбанизация и городские населённые пункты Азербайджана (на азербайджанском языке). Баку, 2002.—397 с.
28. Материалы Переписи населения Азербайджанской Республики 1999 г. I том. ГК АР по Статистике, Баку, 2000. —565 с.
29. Материалы переписи населения Азербайджанской Республики 2009 г. I том. ГК АР по Статистике. Баку, 2010.
30. <http://www.president.az/articles/7627> (31.03.2020)

Авторская справка

БАГИРОВА М. И., Национальная академия наук Азербайджана, Институт географии имени академика Гасан Алиева, Баку (Азербайджан). E-Mail: m.baghirova@gmail.com.

UDC 911.37

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.44

SETTLEMENT PROBLEMS AND REGULATION OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN LANKARAN-ASTARA ECONOMIC REGION

M. I. Baghirova

National Academy of Sciences of Azerbaijan, Institute of Geography named after academician Hasan Aliyev, Baku (Azerbaijan)

Introduction. The formation and development of settlements depends on the interaction of natural-geographical, socio-cultural, economic and demographic factors. At the same time, the level of socio-economic development of the territory, the development of the transport and communication system, the proximity to large cities and the metropolitan region, the availability of natural resources and their use at the modern level are taken into account. Depending on these factors, the development of settlements happens at different levels.

In regions with a high level of urban development and their socio-economic bases affect demographic development, at the same time it improves services to the population of adjoining territories, provides jobs, daily social, cultural, medical and educational services [1]. At the same time, cities play an important role in rural development, resettlement of rural areas, and also play an important role in the processing of agricultural products, which is one of the main occupations of the rural population, being its main consumer, satisfying the needs of the rural population in social and cultural services [2].

Methods. The analyzes were carried out using historical and geographical research of territories, mathematical analysis, statistics and comparative analysis.

Results. Significant results were achieved in the process of economic reforms to form the economic and social base of urban and rural settlements. At the same time, the existing production and services were renewed and built numerous new networks of enterprises. Despite the taken measures, the number of working places in the regions is still small. And this creates problems in settling the population location.

Cities play a major role in the management and regulation of settlements. Along with their economic and social development, it is also important to ensure their demographic development. Increasing the number of people will require expanding the areas of human settlements. In this case, fertile agricultural land is used to expand the territory of the settlement. To prevent this situation, it is necessary to attract low-fertility lands to construction of buildings, and this is one of the most important tasks.

Conclusion. The high rate of natural population growth for many years in the Lankaran-Astara economic region has led to rapid population growth. At the same time, the occupation of large areas by rural settlements and its rapid growth make regulation difficult. In view of the foregoing, it is necessary to ensure the interconnected development of urban and rural settlements.

For sustainable demographic development in the economic region, it is necessary to carry out an active social policy and expand state assistance to young low-income families. Providing the population with jobs, creating and regulating the services rendered to them at the modern level are important measures.

Keywords: urban and rural settlement, economic region, rural areas, cities, regional development, habitats, demographic development, urbanization, regional centers.

References

1. Alayev E. B. Socio-economic geography. Conceptual and terminological dictionary M.: Misl, 1983, 350 p.
2. Socio-economic problems of the development of the Azerbaijan village. Baku, Elm, 1988, 152 p.
3. Demographic indicators of Azerbaijan 2018. Statistical Yearbook. SC AR on Statistics. Baku, 2019, 509 p.
4. The population of Azerbaijan - 2018. Statistical Yearbook. SCS AR. Baku, 2019, 140 s.

5. Regions of Azerbaijan - 2018. SCS AR. Baku, 2019, 786 p.
6. Industry of Azerbaijan - 2018. Statistical Yearbook, SCS AR. Baku, 2019, 349 p.
7. Agriculture of Azerbaijan - 2018. Statistical Yearbook. SC AR on Statistics. Baku, 2019, 608 p.
8. Geography of the Azerbaijan Republic (in Azerbaijani). II vol. Baku, 2015, 327 p.
9. Geography of the Republic of Azerbaijan. (in Azerbaijani). III vol. Baku, 2015, 400 p.
10. Azizov S.G. The formation of settlement and socio-economic bases in the Lankaran economic region. Proceedings of the Azerbaijan Geographical Society. XIV volume Baku, 2009, p. 239—244.
11. Human and the environment. Proceedings of the Azerbaijan Geographical Society, XX volume, Baku, 2017, 544 p.
12. Problems of demographic development and population settlement in the Lankaran-Astara economic region. Baku, 2019, 216 p.
13. Mamedov K. V. The population of the Azerbaijan SSR for 60 years. Baku, Azerneshr, 1982, 112 pp.
14. Demographic development, employment and socio-economic problems of unemployment at the present stage in Azerbaijan. Materials of the scientific-practical conference. Baku, 2003, 376 p.
15. Socio-economic development of the regions (2014—2018), Baku, SC AR, January 2014, 592 p.
16. Mamedov R. Kh. Internal economic regions of the Azerbaijan SSR. Baku, Maarif, 1989, 240 p.
17. Mamedov Z. S. Transport factor in economic development. Baku, 2002.
18. The administrative-territorial structure of Azerbaijan. 1828-2010 (compiled by Idrak Garayev). Baku, Sema-Graph LLC, 2010, 333 p.
19. The Law of the Republic of Azerbaijan on the territorial structure and administrative-territorial division. The newspaper Azerbaijan, Baku, 2001, October 26.
20. Mehraliyev E. G. Regional analysis of demographic processes in the Republic of Azerbaijan. Baku, Elm, 2003, 236 p.
21. Mehraliyev E. G. Geographical problems of the formation and distribution of the population in the Azerbaijan SSR. Baku, Elm, 1984, 196 p.
22. On the paths of independence - 25. ANAS. Baku, 2016, p. 382—486.
23. Mehraliyev E. G., Eyyubov N. G., Sadigov M. O. Issues of resettlement of the population in the Azerbaijan SSR (in Azerbaijani). Baku, Elm, 1988, 196 p.
24. Nadirov A. A. Issues of economic development of cities of Azerbaijan. Baku, Elm, 1966, 167 p.
25. Pashayev N. A., Eyyubov N. G., Eminov Z. N., Economic, social and political geography of the Republic of Azerbaijan (processes, problems, constructive aspects). (in Azerbaijani). Baku, 2010, 416 p.,
26. Eminov Z. N. The population of Azerbaijan (in Azerbaijani). Baku, 2005, 560 p.
27. Efendiyev V. A. Urbanization and urban settlements of Azerbaijan (in Azerbaijani). Baku, 2002, 397 p.
28. Materials of the Census of the Republic of Azerbaijan 1999. I vol. SC AR on Statistics, Baku, 2000, 565 s.
29. Materials of the census of the Azerbaijan Republic 2009. I vol. SC AR on Statistics. Baku, 2010.
30. <http://www.president.az/articles/7627> (31.03.2020)

Author's Bio

BAGHIROVA M. I., National Academy of Sciences of Azerbaijan, Institute of Geography named after academician Hasan Aliyev, Baku, Azerbaijan. E-Mail: m.baghirova@gmail.com.

Библиографическая ссылка

Багирова М. И. Проблемы расселения и регулирования демографического развития в Ленкорань-Астаринском экономическом районе // SocioTime / Социальное время. — 2020. — № 3 (23). — С. 44—56. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.44.

УДК 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.57

КОРОНАКРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: РЕКОНФИГУРАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА

В. И. Ильин

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
(Россия)*

Введение. Географическое пространство можно представить с помощью метафоры пространства каналов и потоков. Это потоки транспортных средств, товаров, финансов, людей, а также болезней. Потоки находятся в тесной взаимосвязи. Изменения одного потока ведёт к трансформации других. Пандемия коронавируса показала, как медицинская проблема может вызвать системный кризис, охватывающий разные сферы жизни в глобальном масштабе.

Методы. Данные о динамике пандемии коронавируса анализируются через методологическую оптику концепций мобильности и урбанизации.

Основные идеи исследования, его результаты и обсуждение. Урбанизация привела к резкому росту плотности населения. Это коренным образом изменило образ жизни людей и пространство их обитания. Условия огромного города стали благоприятной средой для быстрого распространения коронавируса. Власти отреагировали введением жёсткого контроля на передвижение в городском пространстве.

Революция в транспортных средствах привела к уплотнению географического пространства, которое измеряется в категориях доступности. Ускорение потоков людей привело к ускорению распространения пандемии. Это потребовало приостановке движения на многих маршрутах.

Глобализация проявляется в уплотнении пространства современного мира. Следствием этого является формирование глобального общества риска. Пандемия коронавируса стала важным этапом в его развитии. Опасные эпидемии имеют давнюю историю. Они с древних времён распространялись поверх государственных границ. Пандемия коронавируса отличается от них глобальным масштабом и очень высокой скоростью.

Заключение. Пандемия коронавируса показала уязвимость современной городской цивилизации. Поскольку нет оснований надеяться, что это случайное и разовое явление, на повестку дня встаёт задача переосмысления существующих форм расселения.

Ключевые слова: географическое пространство, сжатие пространства, урбанизация, свёрхурбанизация, глобализация, субурбанизация, системы мобильности, виртуализация, коронакризис, общество риска.

Благодарности. Исследование проводится при поддержке Российского научного фонда. Грант № 19-18-00562 «Социально-экологические детерминанты трансформации образа жизни и социального развития современных сельских сообществ в условиях депопуляции (на примере районов Ближнего Севера России)» и Угорского проекта Сообщества профессиональных социологов.

Введение. Как отмечал Джон Урри, большинство социальных наук не видит проблемы расстояния. Предложенная им парадигма мобильностей [1] наоборот считает расстояние как свойство пространства ключевой темой, с помощью которой надо изучать социальную жизнь [2]. В данной статье предлагается взгляд на динамику географического пространства как пространство мобильностей, потоков. Они имеют разнообразные формы, тесно переплетающиеся между собой, влияю-

щие друг на друга. Это потоки людей, транспортных средств, товаров, информации, вирусов. Изменения в одних потоках вызывает трансформацию других. Объемно физическое пространство измеряется метрами, километрами и т. д. Социализированное, т. е. осваиваемое пространство измеряется в терминах, характеризующих достижимость разных его точек, их удалённость друг от друга, описываемую в тех же терминах. Категория достижимости описывает и пространство вирусов, где критерием дистанции является вероятность их передачи от человека к человеку.

В течении двух последних столетий безраздельно господствовали тренды к сжатию физического пространства в тех или иных формах. Эти тренды описывались преимущественно в терминах прогресса. Однако сжатие географического пространства ускоряет потоки вирусов, расширяя и интенсифицируя пространство эпидемий. Логика экономики вступает во всё более острое противоречие с логикой экологии. Неожиданно возникший в конце 2019 г. коронавирус стал катализатором феномена, который можно назвать системным коронакризисом, внёсшим хаос во все сферы жизни обществ и людей. Изменения в пространстве вирусов вызвали трансформации и иных измерений пространства.

Методы. Эмпирические полевые исследования процессов расселения и образа жизни в городе и деревне, вторичный анализ исследований этих процессов социологами и социальными географами, мониторинг паники, спровоцированной коронакризисом и нашедшей отражение в СМИ и социальных сетях, позволяет сделать некоторые предварительные выводы относительно рисков, порождаемых уплотнением географического пространства. Эмпирические данные анализируются в данной статье через методологическую оптику концепции мобильности (Дж. Урри) и урбанизации.

Основные идеи исследования, его результаты и обсуждение. Пандемия коронакризиса в 2020 г. особенно резко высветила риски, порождаемые основными трендами в развитии современной цивилизации вообще и России — в частности.

1. *Урбанизация.* В XX в. урбанизация радикально изменила географическое и социальное пространство России. Сельская страна стала преимущественно городской. Произошла смена доминирующего образа жизни.

Таблица. Динамика удельного веса горожан в населении России (в %) [3].

1897 г.	16	1970 г.	62
1917 г.	17	1981 г.	70
1940 г.	34	1991 г.	74
1951 г.	45	2000 г.	73
1961 г.	55	2019 г.	74,6

В Северо-Западном федеральном округе этот показатель составляет 84,5 %, в Центральном — 82,3 %, Уральском — 81,5 %.

Правда, статистика урбанизации обманчива, т. к. в существенной мере строится на формальной классификации населённых пунктов на городские и сельские. В статистической тени остаётся тот факт, что существенная часть населения малых

городов и посёлков городского типа ведут образ жизни, близкий к сельскому. Однако в малых индустриальных городах и посёлках городского типа доминирует тренд к строительству многоквартирных домов.

Гораздо радикальнее образ жизни меняется в ходе сверхурбанизации, т. е. концентрации населения в крупных городах. В настоящее время в России насчитывается 16 городов-миллионников и два города-мультимиллионника (Москва и Санкт-Петербург). В миллионниках проживает четверть населения России, а если учесть и субмиллионники (население более 700 тыс.), то треть населения страны сосредоточено именно в таких огромных населённых пунктах. Эта группа возникла постепенно. Первым миллионником стал Санкт-Петербург (1890 г.), который потом то выбывал из этой категории, то вливался в неё. Затем Москва (1897 г.), Горький (ныне Нижний Новгород, 1962 г.), Новосибирск (1962 г.), Екатеринбург (1967 г.) и т. д. Особенно ярким примером сверхурбанизации является Москва, ставшая «демографическим пылесосом» не только России, но существенной части бывшего СССР. В 1871 г. её население составляло 602 тыс. чел., в 2019 г. — 12,5 млн. При этом естественный прирост во второй половине XX в. колебался от 154 до 220 тыс. чел. в десятилетие, составив за 1897 — 2010 гг. 639 тыс. , в то время как миграционный прирост составил 8 654 тыс. чел. [4].

Сверхурбанизация часто объясняется логикой рынка: мегаполисы во всем мире демонстрируют более высокую экономическую эффективность.

Таблица. ВВП, производимый в крупнейших городах мира
(в расчёте на душу населения), ВВП страны 100% [5;6].

Нью-Йорк	133	Токио	119
Лос-Анджелес	122	Осака	99
Париж	159	Москва	257
Лондон	144	Санкт-Петербург	131

В 2010 г. 600 крупнейших городов мира обеспечили более 60 % глобального экономического роста [McKinsey, 2011]. Города с населением более 150 тыс. чел. обеспечили в 2010 г. почти 85 % ВВП США, 78 % — КНР, 65 % — Западной Европы [7]. Нельзя делать выводы о причинах такой эффективности в глобальном масштабе. Однако потрясающая не только для России, но и для мира в целом экономическая эффективность вряд ли объяснима исключительно в рыночных терминах без учёта логики государственного капитализма, проявляющейся в налоговой политике, в концентрации в столице офисов компаний со всей страны. Иначе говоря, в такой системе не важно, где производится богатство (например, газ, нефть, оружие и т. д.), важно, где оно считается.

Эффект московского «пылесоса» не объясним в терминах рыночной конкуренции. Столица и в советскую, и в постсоветскую эпоху характеризуется целым набором нерыночных привилегий (более высокий уровень оплаты труда, более ёмкий рынок труда, наличие рынка современных престижных профессий, развитая социальная и культурная инфраструктура). Наличие такой столицы делает экономически нерациональным труд в провинции. Однако качество жизни измеряется не только доходами и социальной инфраструктурой. Обратной стороной сверхур-

банизации является скученность населения и огромные расстояния между жизненно важными точками города (например, домом и работой). Наибольшая плотность населения в России наблюдается в Московской агломерации, где проживает 17 млн. чел., в т. ч. в Москве 12,5 млн. И самые густонаселённые города страны сосредоточены вокруг Москвы (см. табл. 1).

Таблица 1: Самые густонаселённые города России (чел. / кв. км) [Источник: 8].

Одинцово	7 219	Истра	4 970
Норильск	6 828	Москва	4 925
Фрязино	6 828	Клин	4 650
Красногорск	5 980	Королев	4 269
Мытищи	5 938	Михайловск	4 186
Ивантеевка	5 141	Санкт-Петербург	3 741
Кубинка	5 091		

Города России по показателю плотности не являются мировыми лидерами. Иначе говоря, скученность населения в мегаполисах не является специфически российской характеристикой.

Таблица 2: Плотность населения некоторых столиц мира (чел. / кв. км) [Источник: 8].

Манила	41 514	Токио	6 109
Багдад	25 751	Мехико	5 900
Париж	20 843	Стокгольм	4 947
Сеул	17 289	Берлин	3 991

Высокая плотность расселения характерна не только для мегаполисов. Во многих странах, в т. ч. и в России, малые населённые пункты также характеризуются высокой степенью скученности населения. Это является следствием как низкой обеспеченности семей жилой площадью, так и характером застройки, в которой доминируют многоквартирные дома.

Урбанизация — это процесс, протекающий в контексте определенной социально-экономической системы, которая материализуется в плотности городской застройки. Социалистическая урбанизация превратила многие города, состоящие преимущественно или в существенной мере из одноэтажных домов, в совокупность районов пяти- и девятиэтажной застройки, но с широкими проспектами. В условиях рынка начала формировать уплотнительная (точечная) застройка, в массовом масштабе начали строиться микрорайоны, плотно застроенные 25-этажными домами. Такие дома получили название «муравейников». Здесь скученность достигла небывалого уровня. Реновация жилья в Москве, ставшая образцом и для других городов России, означает дальнейшее уплотнение населения: вместо пятиэтажек возводятся здания в десятки этажей.

Пандемия коронавируса внесла новые критерии оценки качества жизни. Она изменила язык оценки скученности: произошёл переход от шкалы «комфортно/некомфортно» к шкале гигиены, где на одном полюсе «смертельно опасно», а на

другом — «безопасно». «Муравейники», их лифты и дворы превратились в зоны повышенного риска, так же, как и метро, автобусы.

Учитывая скученность и роль Москвы как ворот России в глобальный мир, нет ничего удивительного в том, что столица превратилась в опасный для всей страны эпицентр пандемии.

Таблица 3: Регионы, в наибольшей мере пострадавшие от коронавируса (чел., 19.05.2020)
[Источник: 9].

Города и регионы	Заболевших	Умерли
Россия	299 941	2831
Москва	149 607	1651
Московская область	29 188	271
Санкт-Петербург	11 340	95
Нижегородская обл.	6 952	45
Республика Дагестан	3 553	32

Как видно из табл. 3, на Москву и Московскую область приходилось 59,6% всех заболевших в России и 67,9% всех умерших от коронавируса. При этом надо иметь в виду, что и распространение коронавируса по стране во многом (оценить это в цифрах пока невозможно) пошло из столичного региона: вахтовики, которые из-за свёртывания экономической активности в Московской агломерации были вынуждены вернуться домой, привозили с собой и вирус. Таким образом, можно предположить (эта гипотеза ещё требует проверки), что скученность населения конвертируется в масштабы и скорость распространения вируса. Скученность населения в областных центрах и даже в посёлках городского типа обеспечили быстрое продвижение пандемии и по регионам России.

Принятые властями меры по введению карантина и самоизоляции обернулись для обитателей ещё большими проблемами. Если риск заражения коронавирусом существует в виде социального конструкта, в который одни верят, а другие нет, то самоизоляция при её соблюдении многократно повышает эффект очевидной скученности, создавая ситуацию, сопоставимую с домашним арестом. Впервые в нашей истории в массовом масштабе стал воплощаться в жизнь абсурдный тезис «мой дом — моя камера». Если не считать военные годы, то никогда урбанизация не обнаруживала в столь концентрированном виде свои негативные стороны. Она с самого начала своей истории породила противоположный компенсационный тренд в виде субурбанизации и дачной дезурбанизации [10; 11]. Особенно широкое распространение дачи получили в поздний советский и постсоветский периоды [12; 13; 14; 15; 17; 18; 19; 20]. Возник дуальный образ жизни [21] в режиме челночной миграции между городом и пригородной деревней или дачей. Масса людей осознала потребность во втором доме как спасении от скученности большого города. В этот же тренд вписывается и субурбанизация [22; 23].

Коронавирус обострил осознание этой проблемы. Первый случай заражения в России был выявлен 2 марта 2020 г. К 19 мая численность заражённых превысила 300 тыс. чел. К середине июля, по данным Роспотребнадзора, в России было уже

765,4 тыс. случаев заражения, умерло 12,2 тыс. чел. Жители городов потянулись пересидеть режим самоизоляции на даче.

Жители городов, принуждаемые к самоизоляции в преимущественно крошечных квартирах, оказались перед дилеммой: либо «домашний арест», либо самоизоляция на даче. Те, кто не имеет дачу, способную быть альтернативой городской квартире, оказались в проигрышной ситуации. Коронавирус запустил процессы реконфигурации и социального пространства. Во-первых, определился разрыв между теми, кто может не жить в 25-этажных «муравейниках» или временно уехать из них, не теряя в качестве жизни, и теми, кто выбирает между домашним арестом под названием «самоизоляция» и продолжением чреватого заражением привычного образа жизни. Только в эпоху жёсткого дефицита советского времени владельцы дач и пригородного жилья находились в таком привилегированном положении, как сейчас: режим самоизоляции не несёт для них существенных издержек. Они смогли убежать от опасной, с точки зрения гигиены, скученности городов, заметно уменьшив риски заражения. Во-вторых, обозначился социальный разрыв между теми, кто имеет возможность продолжать работать в дистанционном режиме, в т. ч. и на даче, сочетая безопасность с заработной платой, и теми, кто выбирает между соскальзыванием в бедность и риском заражения.

Революция в системах мобильности. Развитие транспортных коммуникаций привело к резкому сжатию физического пространства. Доступность многих мест на Земле измеряется уже не километрами, а размером кошелька. И этот тренд к сжатию казался уже необратимым. Поезда, автомобили, самолёты передвигаются всё быстрее, проникая все глубже в удалённые участки мира. Развитие т. н. «автомобильности» [2] резко расширило свободу передвижения индивидов, освободив их от жёсткой привязки к маршрутам и расписанию, но оставив ограничения логики дорожной сети. Социализированное географическое пространство превратилось в пространство потоков транспортных средств, грузов, пассажиров и пешеходов.

Российские железные дороги в 2019 г. перевезли 1,2 млрд пассажиров, в т. ч. 116,5 млн в поездах дальнего следования [24]. Авиатранспортом было перевезено в 2019 г. на внутренних линиях 73 млн пассажиров, на международных — 55 млн [25]. В XXI в. Россия пережила процесс автомобилизации образа жизни. В 2019 г. в стране на 1 тыс. жителей приходилось 306 легковых автомобилей (США в 2014 г. — 797, Германия в 2016 г. — 505). Максимальный показатель был зафиксирован в Самаре (343), Москва оказалась среди городов-миллионников на 8-м месте (293) [26]. Однако пандемия коронавируса показала, что прогресс систем мобильности имеет оборотную сторону, обеспечивая стремительное распространение вируса по стране и миру. Несколько часов лёта и носитель вируса находится уже за тысячи километров от дома. Сжатие географического пространства благодаря прогрессу систем мобильности обернулось гипервозможностями распространения болезни.

Пандемия спровоцировала транспортный коронакризис. Власть, стремясь перекрыть каналы распространения коронавируса, начала перекрывать транспортные артерии, связывающие регионы и страны. То, что вчера было легкодоступным, стало просто недоступным. Во многих местах (особенно в Москве) начали вводиться ограничения на передвижение пешеходов и автомобилей. Свобода пере-

движения, которая не так давно стала казаться само собой разумеющимся явлением, вдруг оказалась резко свёрнутой. Транспортная система России строится вокруг Москвы. Через неё идёт большая часть наземного и воздушного сообщения в Европейской части страны. Более того, нередко для перелёта из одного сибирского города в другой надо сделать пересадку в Москве. Такое уплотнение транспортных маршрутов в Москве создало новые проблемы в период пандемии: большая часть пассажиров, передвигающихся по России или возвращающихся из-за рубежа, вынуждены делать пересадку в московских аэропортах и на железнодорожных вокзалах, т. е. местах повышенной с точки зрения распространения вируса опасности. Пандемия показала порочность и опасность такой пространственной организации транспортной системы.

2. *Глобализация.* Она стала одним из основных направлений сжатия географического пространства. Сформировались глобальные цепочки производства и сбыта, мощная инфраструктура международного туризма, академического обмена. Миграционные потоки приобрели небывалые масштабы. Развернулся процесс формирования единого глобального пространства, в котором всё более заметным становится транснациональный образ жизни. Ареал личности современного человека (правда, это не синоним человека, живущего в наше время) уже имеет слабое отношение к национальным границам. Мир, сжимаясь превращается, в нечто цельное, где уже невозможно скрыться за национальными границами. Сведения о численности иностранцев, прибывающих в Россию с разными целями противоречивы, т. к. разные ведомства используют свои методики. По данным Росстата, в 2018 г. в Россию въехали 4,9 млн иностранцев, по данным ФСБ, — 32,6 млн [27]. Во многих странах мира заметную часть населения составляют иммигранты, формирующие транснациональный образ жизни: они часто живут либо на две страны, либо в тесном контакте с родиной. В Швейцарии иммигранты составляют почти треть населения, в Германии около 15 %, во Франции и Великобритании — 12 %, в Швеции — 17 %, в России — 8 %. По абсолютной численности иммигрантов Россия занимает четвёртое место в мире, почти сравнявшись с Германией [28].

Ярким проявлением глобализации является международный туризм. Правда, Россия в этой сфере далека от лидирующих позиций: по количеству въезжающих туристов — 16-е место в мире, 9-е — в Европе. По данным ФСБ, в 2018 г. с туристическими целями в Россию въехали 4,19 млн иностранцев и ещё 7,25 млн — с деловыми целями [29]. Транснациональные потоки людей, использующих скоростные средства передвижения, резко ускоряют и потоки рисков. Кроме того, немало опасностей, игнорирующих границы, порождены геополитическими конфликтами и техногенными проблемами. Как писал Ульрих Бек, раньше беды и страдания люди причиняли «другим». Но «Чернобыль — это конец „других“». Возникла не признающая границ динамика опасности [30, с. 5].

Одной из важнейших сторон этого процесса стало возникновение глобального общества риска. Одна за другой стали возникать угрозы, объединяющие мир общим страхом. Пространство сжимается. Вирусы распространяются со скоростью самолёта, перевозящего пассажиров из одной части мира в другую.

Пандемия коронавируса стала ещё одним ярким проявлением процесса формирования глобального общества риска. Первый инфицированный коронавирусом был зарегистрирован 17.11.2019 г. в провинции Ухань (КНР). К концу мая 2020 г. общая численность выявленных инфицированных в мире приблизилась к 5 млн, в середине июля она составила 14,3 млн. чел. Пандемия стала реальностью для 213 стран и территорий. В считанные месяцы коронавирус проник в самые удалённые регионы планеты. Коронакризис дал мощный толчок антиглобализму. Государства (даже в рамках предельно открытых сообществ типа ЕС) стали закрывать свои границы, сворачивать международный туризм и деловые поездки. Мир на какое-то время вернулся в эпоху, предшествующую глобализации. Географическое пространство снова приобрело былые масштабы в результате нарастания недоступности зарубежных стран.

3. *Пространство эпидемий.* Одним из измерений пространство являются потоки вирусов, перемещающиеся по планете, игнорируя расстояния и границы, внося хаос в жизнь социальных институтов и маршруты иных потоков. Это пространство, имеющее тенденцию к глобализации, возникло не сегодня.

Первая зафиксированная историками эпидемия — Чума Антонина (160—180-е гг.). Её принесли в Рим войска, вернувшиеся с Ближнего Востока. Эта эпидемия опустошила Рим и стала важным фактором ускорения его упадка. Юстианова чума (541—542 гг.) началась в Египте или Эфиопии, перекинулась на Константинополь, где от неё погибло более половины жителей. Эпидемия чумы «Чёрная смерть» (1338—1353 гг.) началась в пустыне Гоби, где кто-то из местных жителей съел деликатес из сурка. Монгольские войска и купцы по Великому шёлковому пути принесли эпидемию в Китай, затем в Индию, Центральную Азию, низовья Волги и Дона, Крым, оттуда в Геную, ставшей стартовой площадкой для заражения почти всей Европы. Третья пандемия чумы (1855—1910 гг.) началась в Китае, откуда распространилась по всему миру. «Испанка» (1918—1919 гг.) почти одновременно вспыхнула в 1918 г. в Бостоне (США), Бресте (Франция) и Фритауне (Сьерра-Леоне), откуда распространилась по всему миру. От неё погибло существенно больше людей, чем на фронтах Первой мировой войны. Азиатский или Гонконгский грипп (1957, 1968) начался в Китае, затем перекинулся в США, Индию, Австралию, Филиппины, а через три месяца разошёлся по всему миру. Вторая эпидемия случилась в 1968 г. Лихорадка Эбола (2014 — 2015 гг.) впервые была обнаружена в Гвинее, откуда распространилась по всей Западной Африке, оттуда перекинулась в США, Испанию. Вирус ВИЧ/СПИД впервые был обнаружен в 1980 г. в Конго, в 1981 г. он проявился в США, а вскоре распространился по всему миру [31; 32; 33].

Таким образом, в глобальности коронавируса нет ничего принципиально нового, если не считать темпы его распространения по планете.

4. *Виртуализация.* С развитием СМИ, особенно электронных, а также электронных средств связи стало формироваться виртуальное пространство, в котором парадоксальным образом категория расстояния как атрибут пространства становится неуместной. Появление интернета ознаменовало качественный скачок в формировании виртуального пространства, в котором две самые удалённые точки

планеты находятся на расстоянии одного нажатия кнопки на смартфоне или компьютере. Часто виртуальное пространство выступает как альтернатива пространству географическому. Коронакризис дал мощный толчок к изменению соотношения физического и виртуального пространств. Жизнь в самых разных её проявлениях неожиданно сдвинулась в последнее даже там, где это не предвиделось. Оказалось, что во многих сферах виртуальное пространство является вполне равноценной заменой пространства физического. Пандемия коронавируса дала мощный толчок развитию дистанционной работы. Она оказалась возможной там, где ранее работодатель об этом даже не задумывался. В этой ситуации возникают опасения и надежды, что и после выхода из коронакризиса полного возврата к прежнему соотношению физического и виртуального пространств не произойдёт, что дистанционные формы, заняв новые плацдармы, не вернуться на прежние позиции. Велика вероятность того, что после коронакризиса пространство мира уже никогда не будет прежним.

Заключение. Коронавирус, спровоцировавший системный коронакризис глобального масштаба, показал, что даже самые развитые страны мира оказались не готовы к таким вызовам. Коронакризис обнажил незащитность общества, во многом возникшую в результате действия исторически продолжительных трендов к уплотнению населения и сжатию географического пространства. Последнее, будучи кардинально реструктурированным в результате урбанизации, революции средств мобильности и глобализации, стало важным фактором нарастания рисков эпидемий. Эпидемии возникли не сегодня. Однако в наше время регулярно появляются вирусы, неизвестного типа. Коронавирус оказался одним из них, но с невероятной способностью к распространению. Правда, относительно небольшой уровень смертности в результате заболевания коронавирусом даёт основание говорить, что спровоцированный им кризис стал лишь репетицией перед возможными новыми встречами человечества с вирусами такого типа, но с гораздо более высоким уровнем смертности. Повышенный уровень скученности городского населения создаёт зоны особой эпидемиологической уязвимости.

Население городов стихийно отреагировало на пандемию, устремившись на дачи, популярность которых заметно снизилась в последние 20 лет. Более трёх миллионов жителей российской столицы нашли убежище в Подмоскowie и ближайших регионах. По мнению ряда экспертов, 25—30 % уехавших так и не вернуться в город [34]. Одним из направлений подготовки к таким вызовам является переосмысление ныне доминирующих трендов к уплотнению географического пространства. Уплотнительная застройка городов, вполне логично вытекающая из синтеза основного закона капитализма и коррупционного тренда бюрократии, чревата не только повышенным уровнем дискомфорта, но и создаёт зоны смертельной опасности в случае вероятных новых эпидемий. Порожденная ею реальность стала важным фактором совершенно нового типа стандартизации человека в современном обществе, с возросшим чувством опасности жизни в больших городах [35]. Виртуализация социальной жизни при всех её очевидных издержках представляет собой резервный вариант, позволяющий сохранить многие формы социальной жизни при сокращении рисков, порождаемых уплотнением географического про-

странства. Другим путём отступления из тупика урбанизации может быть частичная дезурбанизация и уменьшение концентрации населения.

Список литературы

1. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI в. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 335 с.
2. Урри Дж. Мобильности. М.: Практикс, 2012. 566 с.
3. Пивоваров Ю. Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 6. С. 101—113.
4. Денисенко М. Б., Степанова А. В. Динамика численности населения Москвы за 140 лет // *Демоскоп. Weekly*. 6-30.06.2016. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0689/analit03.php>
5. McKinsey Global Institute. Urban World. Mapping the Economic Power of Cities. Report. March 1, 2011. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/urbanization/urban-world-mapping-the-economic-power-of-cities>
6. Ivanov D. Post-globalization, super-urbanization, and prospects of social development // *Research Result. Sociology and Management*. 2020. Vol.6. N1. P. 72-79.
7. McKinsey Global Institute. Urban America: US cities in the global economy. Report. April 1, 2012. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/urbanization/us-cities-in-the-global-economy>
8. Крупнейшие города мира. Самые густонаселённые города мира. URL: <https://geogoroda.ru/populated-cities?page=7>
9. Коронавирус в России: заболевшие по городам и субъектам РФ статистика. URL: <https://infotables.ru/meditsina/1198-koronavirus-v-rossii>
10. Малинова-Тзиафета О. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860—1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
11. Ловелл С. Дачники. История летнего жилья в России. СПб., 2008
12. Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / К. В. Аверкиевна, Е. В. Антонов, П. Л. Кириллов [и др.]. М.: Новый хронограф, 2016. 466 с.
13. Аверкиева К. В., Нефедова Т. Г. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // *Мир России*. 2016. № 1. С. 103—128.
14. Аверкиева К. В. Горожане в деревне: особенности «дачного» освоения сельской местности в Костромской и Ивановской областях // *Социология. Естествознание. Общество: сборник научных статей и материалов научной конференции* / под ред. Н. Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2014. С. 57—62.
15. Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества: коллективная монография / сост. и науч. ред. В. И. Ильин, Н. Е. Покровский. М.: Университетская книга, 2016. 404 с.
16. Нефедова Т. Г. Горожане и дачи // *Отечественные записки*. М., 2012. № 3 (48).
17. Поморов С. Второе жилище горожан, или Дом на природе. Новосибирск: Издательство НГАХА, 2004. 472 с.
18. Трейвиш А. И. Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение // *Демоскоп-Weekly*. № 655—656. 21.09.—4.10.2015.
19. Демидова Ю. А. Современные подходы к изучению дач и экопоселений // *Вестник Московского университета*. Серия 8: История. 2017. № 5. С. 98—107.
20. Косаткина А. К. Загородный дом (дача) — автономное пространство современного субъекта // *Вестник Пермского ун-та. Сер. История*. Пермь, 2014.
21. Ильин В. И. Русская деревня как пространство дуального образа жизни: между прошлым и будущим // *SocioTime / Социальное время*. — 2019. — № 2(18). — С. 104—113.
22. Махрова А. Г. Организованные коттеджные посёлки: новый тип поселений (на примере Московской области) // *Региональные исследования*. 2008. № 2 (17). С. 13—20.
23. Махрова А. Г. Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // *Изв. РАН. Сер.: География*. 2014. № 4. С. 49—59.
24. ТАСС. РЖД в 2019 году увеличили перевозки до 1,2 млрд пассажиров URL: <https://tass.ru/ekonomika/7485913>

25. АвиаSTAT. Перевозки пассажиров в России - итоги 2019 года // AVIASTAT 20.02.2020. URL: (Дата обращения: 22.05.2020).
26. Рейтинг российских городов-миллионников по обеспеченности автомобилями в 2019 году. Автостат. 26.11.2019. URL: <https://autostat-ru.turbopages.org/s/autostat.ru/press-releases/41923/>
27. РБК. ФСБ впервые за 20 лет раскрыла число приехавших работать иностранцев // РБК. 16.08.2019. <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2019/5d5560979a7947af4fa8a883>
28. Как в Германии: сколько мигрантов в России // Газета.ру. 10.10.2019. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2019/10/10/12747578.shtml>. (Дата обращения 22.05.2020).
29. Национальный рейтинг въездного туризма-2019 // Отдых в России. URL: <https://rustur.ru/nacionalnyj-rejting-vezdnogo-turizma-2019>.
30. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
31. Супотницкий М. В. Супотницкая Н. С. Очерки истории чумы: в 2-х кн. — Кн. I: Чума добактериологического периода. — М.: Вузовская книга, 2006. — 468 с.
32. Даниэл М. Тайные тропы носителей смерти. М. Прогресс, 1990.
33. Cohn, Samuel K. The Black Death Transformed: Disease and Culture in Early Renaissance Europe (англ.). — A Hodder Arnold, 2003.
34. Орешкина А. Исход из столицы: миллионы горожан могут не вернуться // КО. 27.06.2020. URL: <https://ko.ru/articles/iskhod-iz-stolitsy-milliony-gorozhan-mogut-ne-vernutsya/>
35. Шалаев В.П., Бурнашев К.Э., Шалаева С.Л. Социальные стандарты человека в практике межпоколенных отношений в обществе потребления// SocioTime/ Социальное время. 2018. № 4(16). С.50—63.

Авторская справка

ИЛЬИН Владимир Иванович, доктор социологических наук, профессор факультета социологии, Санкт-Петербургский университет, Россия. E-mail: ivi-2002@yandex.ru.

UDC 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.57

CORONARIES MODERN CIVILIZATION: RECONFIGURATION OF SPACE

V. I. Ilyin*Saint Petersburg University, Saint Petersburg (Russia)*

Introduction. Geographical space can be represented using the metaphor of the space of channels and streams. These are flows of vehicles, goods, Finance, people, and diseases. The flows are closely interlinked. Changes in one thread lead to the transformation of others. The coronavirus pandemic has shown how a medical problem can cause a systemic crisis that spans different areas of life on a global scale.

Methods. Data on the dynamics of the coronavirus pandemic are analyzed through methodological optics of the concepts of mobility and urbanization.

Results. Urbanization has led to a sharp increase in population density. This has radically changed the way people live and the space they live in. The conditions of the huge city became a favorable environment for the rapid spread of the coronavirus. The authorities responded by imposing strict controls on movement in urban areas.

The revolution in vehicles has led to the densification of geographical space, which is measured in accessibility categories. The acceleration of human flows has accelerated the spread of the pandemic. This required the suspension of traffic on many routes.

Globalization manifests itself in the compaction of the space of the modern world. The consequence of this is the formation of a global risk society. The coronavirus pandemic was an important stage in its development. Dangerous epidemics have a long history. They have since ancient times spread over state borders. The coronavirus pandemic differs from them in its global scale and very high speed.

Conclusion. The pandemic of coronavirus has shown the vulnerability of modern urban civilization. Since there is no reason to hope that this is a random and one-time phenomenon, the task of rethinking existing forms of resettlement is on the agenda.

Keywords: geographical space, space compression, urbanization, superurbanization, globalization, suburbanization, mobility systems, virtualization, coronacrisis, risk society.

References

1. Urry J. Sociologiya zapredelami obshchestv. Vidymobil'nostidlya XXI v. [Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century] M.: Izdatel'skij om Vyshejskolyekonomiki, 2012. 335 s.
2. UrriDzh. Mobil'nosti [Mobilities]. M.: Praksis, 2012. 566 s.
3. Pivovarov YU. L. UrbanizaciyaRossii v 20 veke: predstavleniyaireal'nost' [Urbanization of Russia in 20th century] // Obshchestvennyenaukiisovremennost'. 2001. № 6. S. 101—113.
4. Denisenko M. B., Stepanova A. V. DinamikachislennostinaseleniyaMoskvyza 140 let [Dynamics of Moscow population over 140 years] // Demoskop. Weekly. 6—30.06.2016. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0689/analit03.php>
5. McKinsey Global Institute. Urban World. Mapping the Economic Power of Cities. Report. March 1, 2011. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/urbanization/urban-world-mapping-the-economic-power-of-cities>
6. Ivanov D. Post-globalization, super-urbanization, and prospects of social development // Research Result. Sociology and Management. 2020. Vol.6. N1. P. 72—79.
7. McKinsey Global Institute. Urban America: US cities in the global economy. Report. April 1, 2012. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/urbanization/us-cities-in-the-global-economy>
8. Krupnejshiegorodamira. Samyegustonaselennyeogorodamira [Large cities of the world. The most populous cities of the world]. URL: <https://geogoroda.ru/populated-cities?page=7>
9. Koronavirus v Rossii: zaboljevshiepogorodamisub"ektam RF statistika [Coronavirus in Russia: distribution distribution of cases by cities and regions]. URL: <https://infotables.ru/meditsina/1198-koronavirus-v-rossii>
10. Malinova-Tziafeta O. Izgorodanadachu: sociokul'turnyefactoryosvoeniyadachnogoprostranstvavokrugPeterburga (1860—1914) [From the city to dacha: social and cultural factors of dacha development in St.-Peterburg suburban area]. SPb.: Izdatel'stvoEvropejskogouniversiteta v Sankt-Peterburge, 2013.
11. Lovell S. Dachniki. Istoriyaletnegozhit'ya v Rossii [Summer residents. History ofsummer life in Russia]. SPb., 2008
12. Mezhdudomomi ... domom. Vozvratnayaprostranstvennayamobil'nost' naseleniyaRossii [Between home and ... home. Return mobility of the Russian population] / K. V. Averkievna, E. V. Antonov, P. L. Kirillov [i dr.]. M.: Novyjkhronograf, 2016. 466 s.
13. Averkieva K. V., Nefedova T. G. Dachnaya «kolonizaciya» rossijskojglubinki. Primer Kostromskojblasti [Dacha 'colonization' of the Russian backwoods] // Mir Rossii. 2016. № 1. S. 103—128.
14. Averkieva K. V. Gorozhane v derevne: osobennosti «dachnogo» osvoeniyasel'skojmestnosti v KostromskojIvanovskojoblastyah [City dwellers in the village] // Sociologiya. Estestvoznanie. Obshchestvo: sborniknauchnyhstatejimaterialovnauchnojkonferencii / pod red. N.E. Pokrovskogo. M.: Soobshchestvoprofessional'nyhsociologov, 2014. S. 57—62.
15. Gorozhane v derevne. Sociologicheskieslledovaniya v rossijskojglubinke: Deurbanizaciyaibel'skogorodskiesoobshchestva: kolektivnayamonografiya [City dwellers in a village. Deurbanization and village communities] / sost. inauch. red. V. I. Il'in, N. E. Pokrovskij. M.: Universitetskayakniga, 2016. 404 s.
16. Nefedova T. G. Gorozhaneidachi [City people and summer houses] // Otechestvennyezapiski. M., 2012. № 3 (48).
17. Pomorov S. Vtorozhilishchegorozhan, ilidomnaprirode [Second house of city people or house in nature]. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGAHA, 2004. 472 s.
18. Trejvish A. I. Dachnayamobil'nost', dachnymentalitetidachevedenie [Dacha mobility, mentality and dacha studies] // Demoskop-Weekly. № 655—656. 21.09.—4.10.2015.
19. Demidova Y. A. Sovremennypodhody k izucheniyudachiekoposelenij [Contemporary approaches to the study of dacha and ecovillages] // VestnikMoskovskogouniversiteta. Seriya 8: Istoriya. 2017. № 5. S. 98—107.

20. Kosatkina A. K. Zagorodnydom (dacha) — avtonomnoeprostranstvomodernogosub'ekta [Summer house as a space of a modern subject] // Vestnik Perms. un-ta. Ser. Istoriya. Perm', 2014.
21. Ilyin V. I. Russkayaderevnyakakprostranstvodual'nogoobrazazhizni: mezhduproshlymibudushchim [Russian village as a space of dual way of life] // SocioTime / Social'noevremya. — 2019. — № 2(18). — S. 104—113.
22. Mahrova A. G. Organizovannyekottedzhnyeposelki: novyj tip poselenij (naprimereMoskovskojoblasti) [Suburban villages as a new type of settlement: case of Moscow oblast'] // Regional'nyeissledovaniya. 2008. № 2 (17). S. 13-20.
23. Mahrova A. G. Rol' organizovannykhkottedzhnyhposelkov v razvitiisuburbanizacii v postsovetskojRossii [The role of suburban settlements in suburban development of Russia] // Izv. RAN. Ser.: Geografiya. 2014. № 4. S. 49—59.
24. TASS. RZHD v 2019 goduvelichiliperevozki do 1,2 mlrdpassazhirov [The Russian railways has increased passenger transportation in 2019 up to 1,2 billions]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/7485913>. (Accessed 22.05.2020).
25. Aviastat. Perevozkipassazhirov v Rossii - itogi 2019 goda [Passenger transportation: results of the year] // AVIASTAT 20.02.2020. Available at: (Data obrashcheniya: 22.05.2020). (Accessed 22.05.2020).
26. Rejtingrossijskihgorodov-millionnikovpoobespechennostiavtomobilyami v 2019 godu [Rating of automobilization in cities with over a million people]. Avtostat. 26.11.2019. Available at: <https://autostat.ru/turbopages.org/s/autostat.ru/press-releases/41923/>. (Accessed 22.05.2020).
27. RBK. FSB vperveyeza 20 let raskrylachislopriekhavshihrabotat' inostrancev [For the first time, FSB has disclosed the number of labor immigrants] // RBK. 16.08.2019. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2019/5d5560979a7947af4fa8a883>. (Accessed 22.05.2020).
28. Kak v Germanii: skol'komigrantov v Rossii [As in Germany: how many migrants in Russia] // Gazeta.ru.10.10.2019. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2019/10/10/12747578.shtml>. (Accessed 22.05.2020).
29. Nacional'nyjrejting"ezdnoготurizma-2019 [National rating of exit tourism] // Otdyh v Rossii. Available at: <https://rustur.ru/nacionalnyj-rejting-vezdnogo-turizma-2019>. (Accessed 22.05.2020).
30. Bek U. Obshchestvoriska. Na puti k drugomumodernu [Risk Society: Towards a New Modernity]. M.: Progress-Tradiciya, 2000. 384 s.
31. Supotnickij M. V. Supotnickaya N. S. Ocherkiistorichumy: V 2-h kn. — Kn. I: CHumadobakteriologicheskogoperioda. — M.: Vuzovskayakniga, 2006. — 468 s.
32. Daniel M. Tajnyetropynositelesmert. M. Progress, 1990.
33. Cohn, Samuel K. The Black Death Transformed: Disease and Culture in Early Renaissance Europe (англ.). — A Hodder Arnold, 2003.
34. Oreshkina A. Iskhodizstolitsy: millionygorozhanmogut ne vernut'sya [The outcome of the capital: millions of residents can not return] // KO. 27.06.2020. URL: <https://ko.ru/articles/iskhod-iz-stolitsy-millionygorozhan-mogut-ne-vernutsya/>.
35. Shalaev V.P., Burnashev K.E., Shalaeva S.L. Sotsial'nye standarty cheloveka v praktike mezhpokolennykh otnosheniy v obshchestve potrebleniya [Human social standards in the practice of inter-generational relations in a consumer society] // SocioTime/ Sotsial'noe vremya [SocioTime]. 2018. № 4(16). Pp. 50—63.

Author's Bio

Ilyin Vladimir Ivanovich, professor, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia. E-mail: ivi-2002@yandex.ru.

Библиографическая ссылка

Ильин В. И. Коронакризис современной цивилизации: реконфигурация пространства // SocioTime / Социальное время. — 2020. — № 3 (23). — С. 57—69. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.57

УДК 316.35

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.70

ЭВОЛЮЦИЯ УЧАСТИЯ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И ОБЪЕДИНЕНИЯХ

Е. А. Кранзеева

Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия)

Введение. Цель статьи — анализ эволюционных изменений интересов женщин и возможностей их мобилизации в общественных объединениях и организациях. Характеризуя деятельность женщин в общественных организациях, исследователь отмечает, что они предоставляют женщинам возможность активного участия в публичной политике. В нашей стране проблема заключается не столько в количественном присутствии во властных структурах, сколько в абсентеизме, отсутствии артикуляции собственных интересов женщин.

Методы. Методологической основой в работе являются исследования, посвящённые советской и современной гендерной системе, социальной и политической мобилизации, общественному и политическому сознанию. В качестве методов исследования выступают проведённая автором в 2015—2018 гг. серия интервью с участницами женских объединений (n=24) и вторичный анализ данных.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Различные этапы развития женских общественных объединений связаны с решением ключевых интересов женщин, политизации их сознания. Так, на дореволюционном этапе интересы женщин были связаны с профессиональной занятостью и экономической независимостью, возможностью получения высшего образования. Советский период характеризовался этакратическим порядком, где женские общественные организации выступали формой идеологической работы и политической мобилизации. Интересы женщин как социальной группы отдельно не ставились, а их деятельность была направлена на решение проблем, связанных с социальными ролями женщин (помощь семье и детям, быт и пр.). Постсоветский период характеризуется всплеском активности женских объединений, где на передний план выдвигаются идеи равноправия, реформирования политической и социальной системы. Политическое сознание женщин изменяется под влиянием изменившейся социальной практики. К концу 90-х годов на смену ожиданиям позитивных перемен пришла апатия и отчуждённость. Ухудшение социально-экономического положения семей вызывало необходимость женских объединений отказаться от собственных политических интересов, а обратиться к защите социально незащищённых групп населения.

Заключение. На современном этапе женские общественные объединения выступают выразителями интересов различных социальных групп, участвуют в решении широкого круга вопросов. Сами общественные объединения сталкиваются с рядом трудностей, к которым автор относит: организационные сложности, недооценку необходимости политического участия, слабую ресурсную обеспеченность.

Ключевые слова: политическое сознание, гендер, женщины, политическое участие, политическая активность, этакратический порядок, мобилизация

Введение. Вопросы гендерного равенства остаются актуальными в функционировании современной демократии — демократии «участия» или «консолидированной» демократии. В нашей стране проблема состоит не только в малом физическом присутствии женщин во властных структурах, но в отсутствии артикуляции собственных интересов женщин. Это, в свою очередь, связано с социокультурной и исторической традициями. Долгое время в нашей стране «женский» вопрос ставился, но никогда не решался отдельно. Однако существовали и существуют женские общественные объединения и организации. Общественные объединения граждан являются формой соединения интересов отдельной личности, групп и других объединений людей с возможностью влиять на дела общества. Они выступают

своего рода связующим звеном между основными системами и институтами гражданского общества: создают условия диалога между властью и обществом, между большими социальными группами и микрообъединениями. Растущая общественная активность и гражданская позиция населения создают всё больше возможностей для развития общественных объединений, в том числе женских.

Женские общественные объединения являются частью гражданского общества, позволяют женщинам активно включаться в решение социальных, политических проблем, отстаивать собственные интересы, выступать с инициативами и влиять на принятие решений. При этом такие общественные объединения являются одним инструментом изменения политического сознания женщин.

Учитывая историческое развитие российских женских объединений, американская исследовательница Л. Сандсторм разделяет их на две группы. Первая группа ориентируется на традиционные женские роли, такие объединения чаще занимаются вопросами благотворительности и не являются выразителями политических интересов. Другая группа — организации феминистской ориентации, они настаивают на изменении общества, однако не находят широкой поддержки общественности [20, Р. 215-217]. Отечественные исследователи предлагают различные основания типологии женских объединений [1; 11; 19], в которой организации разделяются на организации, которые придерживаются традиционной модели гендерных отношений и оспаривающие её. Многообразие классификаций женских общественных объединений подчёркивается различием интересов, социального состава, методов работы. В настоящее время эти организации активно работают в сфере защиты интересов различных групп населения (часто слабозащищённых, например, детей), занимаются проблемами культуры, духовного и нравственного развития, вопросами образования и науки, гражданского общества и т. д. При этом необходимым является анализ изменения интересов и их мобилизации в женских объединениях.

Женские общественные организации изменялись вслед за изменением интересов женщин, их поведения, политического сознания. В данной статье решается ряд задач. Во-первых, описать этапы развития женских объединений, во-вторых, проанализировать различные формы участия и вовлечённости женщин в общественные объединения, в-третьих, проанализировать содержание интересов женщин, реализуемое общественными объединениями.

Целью данной статьи является анализ эволюционных изменений интересов женщин и возможностей их мобилизации в общественных объединениях и организациях.

Методы. Методологической основой в данной работе являются исследования, посвящённые советской гендерной системе (Е. Здравомыслова [5; 6], Л. Репина [12]; А. Темкина [13]), современной гендерной системе общества (Р. Коннелл [7]), женскому движению (И. Юкина [19]; К. Jacobsson [21]; К. McLaughlin [23], социальной и политической мобилизации (Л. Шпак [15]), общественному и политическому сознанию (Н. Лапин [8], Ю. Левада [9], Ж. Тощенко [17; 18]). В качестве методов исследования выступают проведённая автором в 2015—2018 гг. серия интервью с участницами женских объединений (n=24) и вторичный анализ данных.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Эволюция женских общественных объединений берет начало с первых объединений: «Общества доставления дешёвых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга», «Общество для оказания материальной помощи беднейшему населению», «Общество женского труда» (1859—1861 гг.), созданного женским «феминистским триумvirатом» М. Трубниковой, Н. Стасовой, А. Философовой. Активная благотворительная и образовательная деятельность этих обществ содействовала формированию женского запроса на возможность получения высшего образования и профессиональной деятельности, а в широком смысле — экономической независимости [19].

Советский период развития женского движения связан с определяющей ролью марксистской идеологии и этакратическим порядком, включает ряд этапов.

Первый этап. Политизация женщин через защиту их интересов (1918 — начало 1930-х гг.). Этот этап характеризуется вовлечением в политическое движение женщин, которые рассматривались как неотъемлемая часть рабочего движения, его движущая сила. Для этой цели в октябре 1919 г. при всех парторганизациях были созданы «женские отделы», образован специальный государственный аппарат для работы среди женщин — «женсоветы» [16].

Важной частью политики государства становится провозглашение защиты интересов женщин, что оказало благоприятное влияние на отношение к партийным мероприятиям. Оставаясь в большинстве своём беспартийными, они постепенно начинали демонстрировать лояльное отношение к власти. Процесс мобилизации женщин озвучивался как решение «женского вопроса», но мобилизованные женщины не могли оказать решающего влияния на процесс принятия политических решений.

Второй этап. Женские интересы сменяются государственными (1930-е — середина 1950-х гг.). В начале 1930-х гг. необходимость в самостоятельных женских объединениях снизилась, женотделы потеряли своё первоначальное влияние. Основная политическая работа среди женщин была сосредоточена в женсекторах местных комитетов партии. Это окончательно связало эту работу с задачами партии и государства, вытеснив собственно групповые. Было сформировано движение за овладение женщинами мужскими профессиями (трактористки, лётчицы, водители общественного транспорта). Женщины активно вовлекались в международные движения, в частности, международное антифашистское женское движение [2].

Третий этап. Вовлечение женщин в общественную деятельность, частичное восстановление значимости женских организаций (середина 1950-х — конец 80-х гг.). Общая идея гуманизации и рост общественных движений в западных странах привели к тому, что, следуя тенденции, в нашей стране активизировал свою деятельность Комитет советских женщин (орган полностью подконтрольный ЦК КПСС). По его инициативе начали создаваться республиканские, городские и районные женские советы на всей территории страны. Их основной целью было вовлечение женщин в трудовую и общественную деятельность, широкая просветительская работа, участие в международном женском движении и т. д. Заметим, что

именно эти комитеты были единственной организацией, где женщины могли проявить свою активность. Подлинное восстановление самостоятельного женского движения в нашей стране начинается с 70-х годов [5].

Четвёртый этап начинается в период политических и экономических реформ конца 1980-х годов, когда происходит изменение роли государства в регулировании общественных отношений. Так, период перестройки (1985—1991 гг.) характеризовался возникновением и массовой мобилизацией общественных движений, массовой поддержкой населением преобразований в стране. Эти процессы требовали активного вовлечения в них женщин, которые активно включились в работу. Используя опыт женсоветов, они организовали общественные приёмы, где осуществлялся приём населения по актуальным жизненным вопросам. Женсоветы организовывали выездные заседания на предприятиях, где на местах, совместно с администрацией, обсуждались и решались вопросы, связанные с условиями труда женщин, организацией работы медицинских и детских учреждений. Члены женсоветов осуществляли подворные обходы, которые позволяли им лучше узнать нужды женщин, составлялись социальные паспорта, где фиксировались случаи неблагополучия, потребность в социальной помощи и государственной поддержке.

Этап формирования женского движения в масштабах Российской Федерации начался в 1991 году. Первый независимый женский форум, прошедший в 1991 году в Дубне, объединил 48 женских организаций. В 1992 году после самороспуска Комитета советских женщин его правопреемником стал Союз женщин России, который до настоящего времени остаётся самой масштабной женской общественной организацией, объединяющий женские советы, союзы, ассоциации, комитеты и клубы практически из всех регионов страны [11].

Заметим, что процесс политической мобилизации женщин натолкнулся на несовершенство законодательства (которое никто менять и не стремился), кастовость административно-управленческих мужских структур, при этом слабость общественных организаций, отстаивающих политические интересы женщин. Однако уровень политизации женщин возрастал в связи с обостряющимися межнациональными отношениями и конфликтами, антиармейскими настроениями в женской среде и пр. При этом женсоветы начали восприниматься как порождение партийно-номенклатурной системы и женщины примкнули к разнообразным общественным движениям и организациям: экологическим, культурным, просветительским, развлекательным и пр. Создавались организации чисто женские по составу.

Период экономических реформ (1992 — 1995 гг.) — характеризовался спадом мобилизационной волны, снижением заинтересованности в политическом участии и уровня доверия к политической власти.

Эйфория перестроечного периода, породившая у населения страны ожидание быстрых и непременно позитивных социальных и экономических перемен, сменилась апатией и отчуждённостью. Объективным объяснением этого стало резкое осложнение социально-экономической ситуации в стране, ухудшение положения большинства российских семей, поставленных в условия элементарного физического выживания. Занятость женщин как производственная, так и семейно-

бытовая возросла многократно, не оставляя времени и сил на общественно-политическую деятельность.

Г. Г. Силасте приводит сравнение опросов общественного мнения в 1990, 1992, 1994 гг. и отмечает, что процесс политизации женщин, начавшийся в период перестройки, к концу 1991 г. сменился разочарованием в политике, а в дальнейшем — падением доверия ко всем партиям. При этом почти треть опрошенных отметила, что женщины должны участвовать в жизни общества в тех формах, которые предлагает общества, а не выделять самостоятельных, не обособливаясь политически [14, С. 359-372].

К 1998 году Министерство юстиции Российской Федерации зарегистрировало более 600 женских общественных организаций, большинство из них были созданы в Москве, Санкт-Петербурге и иных крупных городах. Основными направлениями деятельности женских организаций в постсоветский период стали защита прав женщин на рынке труда, поддержка и профессиональное переобучение безработных женщин, вовлечение женщин в предпринимательскую деятельность, взаимоподдержка и взаимодействие с органами власти солдатских матерей, объединение женщин по профессиональным интересам, содействие женщинам, подвергшимся насилию, поддержка семей с детьми-инвалидами, просветительская деятельность по проблемам равноправия полов и др.

Анализ содержания работы современных женских организаций показывает, что направленность их действий аналогична периоду 1990—2000-х годов. Целый ряд объединений имеет региональную сеть. Это общероссийская общественная организация «Деловые женщины России», которая объединяет женщин, занятых в государственных профессиональных организациях и в сфере бизнеса; всероссийская организация «Женщины России» декларирует поддержку женщин в трудных жизненных ситуациях, взаимодействие с властными структурами; «Федерация женщин с университетским образованием», объединяет женщин, работающих в сферах образования, культуры, медицины и других отраслях социальной сферы; Комитет солдатских матерей России осуществляет правовую поддержку призывной молодежи и военнослужащих; творческий Союз женщин-художников и др.

Перечень организаций достаточно большой, но при этом сведения о деятельности организаций разрозненны. Что касается деятельности этих организаций, то сохраняется перенос гендерных ролей из приватной сферы в публичную. Официальная политика явно или скрыто апеллирует к представлению о традиционных гендерных ролях, нуждающихся в возрождении, о «естественном» предназначении женщин и мужчин. После яркого участия женщин в публичной политике в 90-е, наблюдается откат к традиционным женским ролям. При этом, политическая мобилизация женщин в современных условиях проявляется, прежде всего, в периоды предвыборных кампаний, как средство привлечения женского электората.

Отметим, что на современном этапе общественным объединениям предъявляются расширенные запросы в социально-политическом взаимодействии [22]. По данным исследования Миловановой М. Ю., респонденты предлагают следующие проблемы, которые необходимо решать женским общественным объединениям: доступность образования (в т. ч. дошкольного) и профессионального обучения;

инфраструктурные и жилищные инициативы (ТСЖ, контроль за тарифами ЖКХ, борьба с точечной и уплотнительной застройкой и др.); благотворительность; продвижение женщин в политику и государственное управление и пр. [10, С. 104—105]. Исследовательница Гнедаш А. А. проанализировала поддержку инициатив, на сформированной властями онлайн-платформе для законодательных гражданских инициатив «Российская общественная инициатива», маркированных как относящиеся к «женскому вопросу» (материнство, детство и пр.). Она отмечает их низкую поддержку и объясняет тем, что, во-первых, отсутствует признание проблемности заявленных инициатив большинством, во-вторых, организационными сложностями (население не знает, не доверяет такому механизму решения социальных проблем) [3, С. 90—92].

Женские общественные объединения сталкиваются с рядом проблем. Так, исследование женских общественных объединений показало, что представляемая информация об организациях разрозненна, не существует источника единых достоверных данных. Объединения действуют изолированно, даже не зная о деятельности друг друга, что лишает их возможности объединения усилий, направленных на решение общих проблем.

Некоторые объединения создаются «по горячим следам» какого-либо события, из-за отчаянного положения определённых групп населения, ущемления их прав. Невозможность отстаивать свои интересы, заставляет эти группы почувствовать свою незащищённость и ненужность ещё острее и бросает их в ещё большее отчаяние, сожаление и скептицизм. Скептицизм по отношению к возможности поддержки и сотрудничества со стороны властей. Такие общественные объединения становятся временными, неустойчивыми.

Женские общественные объединения сталкиваются с тем, что отношение власти к ним может носить конъюнктурный характер, например предвыборная агитация, лоббирование интересов, пиар-акции («*Как выборы начинаются, к нам многие обращаются, чтобы интервью взять или сюжет снять*») [Интервью, 2015—2018]). Отсутствие проработанных механизмов взаимодействия власти с женскими организациями затрудняет продвижение инициатив, отстаивание собственных интересов, самостоятельность. Важную роль играет и отсутствие устойчивых источников финансирования, что ставит женские организации в зависимое положение.

Организационная слабость самих организаций, недооценка необходимости политического участия для решения гендерных проблем так же являются ограничением самостоятельности в социально-политическом взаимодействии («*Большинство членов клуба — работающие женщины, и не всегда у них есть время, чтобы прийти на встречу*», «*Вот. А переизбрать, чтоб председателя — в этом году надо было переизбирать, — никто не согласился. И только потому, что чувствуют, что ну не нужно это, как я здесь бегаю, никому. Вот и всё*») [Интервью, 2015—2018]).

Существует инерция в отношении общественных организаций, женских в частности, в силу устойчивости стереотипов, стигматизации женского политического участия и влияния на принятие решений («*Ну, просто потому что в средствах*

массовой информации расписано так», «Это только говорят и пишут, что шахтёрские семьи живут прекрасно и припеваючи» [Интервью, 2015—2018])

Исследователи отмечают, что современному женскому движению присущи ряд черт. Во-первых, *раздробленность* и *разнополярность*. Проявлением этого служит представленность движения небольшими, слабокоординированными группами. Зачастую, задачи этих групп диаметрально противоположны, так, одни из них ратуют за достижение гендерного равенства, другие стремятся к укреплению традиционных ролей женщин в семье и государстве. Организации мало информированы о деятельности друг друга, что затрудняет выработку общих идей, усиление позиций. Это влияет на формирование общих задач женского движения, что проявляется в ещё одной особенности — *поколенческой изоляции*. Оставаясь разрозненными, женское движение испытывают сложности с рекрутированием новых членов и таким образом «стареет».

Ещё одной чертой современного движения является его *низкий уровень влияния на общественное мнение*, что является следствием сказанного выше. Часто в таких движениях доминирует *академический подход к анализу и решению социальных проблем*. Что в свою очередь приводит к выработке «правильных» решений, а не формированию социальной базы движения. Общество редко прислушивается к активистам и экспертам из рядов женского движения. Властные же структуры допускают к влиянию на решения ограниченный круг экспертов, а не организации, и, соответственно, у женских организаций *низкий уровень влияния на принятие решений органов власти* [4].

Женские общественные объединения часто являются выразителями интересов слабозащищённых групп, меньшинств, что делает их связующим звеном между властью и населением. Они содействуют реализации микрополитики в региональном социально-политическом взаимодействии. Наши исследования убеждают, что женщины, объединившись в организации, движения начинают осознавать общие и специфические социальные интересы [15, С. 304—324]. Потенциал и роль женских общественных объединений в современных социально-политических и экономических условиях, по нашему мнению, недооценена.

Заключение. Эволюция женских объединений связана с динамикой интересов женщин: от права на высшее образование и профессиональную деятельность (как интерес социальной группы), до содействия защите прав в приватной сфере: проблемы насилия, материнства (как интерес общественный). Следует отметить, что влияние женских объединений на политические решения на современном этапе невелико. Это связано с рядом обстоятельств. Во-первых, узкая социальная база, «элитарность» женского движения, разрозненность и в то же время, инкорпорирование общественных организаций в государственные структуры, что делает их не субъектами, а объектами политического процесса. Во-вторых, происходит недооценка необходимости политического участия женщин, широкое распространение сексистских предубеждений. В-третьих, сами женские общественные объединения не занимаются стратегическим строительством коалиций как внутри женских организаций, так и с другими общественно-политическими силами, включая партии, профсоюзы и др. Ещё одним серьёзным препятствием является отсутствие

материальных ресурсов. Тем не менее, женские общественные объединения дают возможность женщинам соучаствовать в решении широкого круга социальных проблем, позволяют женщинам становится действующими лицами публичной политики, структур власти.

Список литературы

1. Айвазова С. Г. Политическое участие женщин: немного истории и теории // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 3. С. 3—12.
2. Гендерная реконструкция политических систем. / Ред.-сост.: Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. 991 с.
3. Гнедаш А. А. Женские гражданские инициативы в современной России // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 3 (68). С. 85—92.
4. Женское движение: вчера, сегодня, завтра / Материалы конференции; отв. ред. Г. М. Михалева. М., РОДП «ЯБЛОКО», «КМК», 2010. 112 с.
5. Здравомыслова, Е. А., Темкина, А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // *Журнал исследований социальной политики*. 2003. № 1 (3/4). С. 299—322.
6. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
7. Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение. 2015. 425 с.
8. Лапин Н. И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // *Социс*. 2015. № 3. С. 14—24.
9. Левада Ю. А. Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1997. № 2. С. 9—15.
10. Милованова, М. Ю. Гражданские инициативы женских общественных объединений: основные ресурсы для достижения результативности // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 3 (68). С. 98—106.
11. Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л. Женское участие в российской политической жизни начала XX в. (Советская и постсоветская историография) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 2 (83). С. 15—34.
12. Репина Л. П. Пол, власть и концепция «разделённых сфер»: от истории женщин к гендерной истории // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4. С. 123—137.
13. Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2007. 305 с.
14. Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность: монография. М.: Альфа. 2012. 638 с.
15. Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ. *Коллективная монография*. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 2015. 368 с.
16. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860-1930. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2004. 614 с.
17. Тощенко Ж. Т. Фантомы общественного сознания и поведения // *Социс*. 2004. № 12. С. 3—15.
18. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией: (опыт теоретического и эмпирического анализа) Москва: Весь Мир, 2020. 345 с.
19. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 539 с.
20. Sundstrom L. M. Women's NGOs in Russia: Struggling from the Margins//*Demokratizatsiya*. 2002. Vol. 10. № 2. P. 215—217.
21. Jacobsson, K., Korolczuk, E. Mobilizing Grassroots in the City: Lessons for Civil Society Research in Central and Eastern Europe. *The International Journal of Politics, Culture, and Society*. 33, 125—142 (2020). <https://doi.org/10.1007/s10767-019-9320-7>
22. Kaltenbrunner, K., Renzl, B. Social Capital in Emerging Collaboration Between NPOs and Volunteers: Performance Effects and Sustainability Prospects in Disaster Relief. *VOLUNTAS: International Jour-*

nal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 30, 976—990 (2019). <https://doi.org/10.1007/s11266-019-00123-6>

23. McLaughlin, K., Aikman, S.N. That is What a Feminist Looks Like: Identification and Exploration of the Factors Underlying the Concept of Feminism and Predicting the Endorsement of Traditional Gender Roles. *Gender Issues*. 37, 91—124 (2020). <https://doi.org/10.1007/s12147-019-09240-4>

Авторская справка

КРАНЗЕЕВА Елена Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологических наук, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия. E-mail: elkranzeeva@mail.ru; ORCID 0000-0003-2577-9017.

UDC 316.35

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.70

THE EVOLUTION OF THE PARTICIPATION OF RUSSIAN WOMEN IN PUBLIC ORGANIZATIONS AND ASSOCIATIONS

E. A. Kranzeeva

Kemerovo State University, Kemerovo (Russia)

Introduction. The purpose of the article is to analyze the evolutionary changes in the interests of women and the possibilities of their mobilization in public associations and organizations. Describing the activities of women in public organizations, the researcher notes that they provide women with the opportunity to actively participate in public policy. In our country, the problem is not so much in the quantitative presence in power structures, as in absenteeism, the lack of articulation of women's own interests.

Methods. The methodological basis of the work is research on the Soviet and modern gender system, social and political mobilization, social and political consciousness. The research methods performed by the author in 2015—2018 are the research methods. a series of interviews with participants in women's associations (n = 24) and secondary data analysis.

Results. The various stages in the development of women's public associations are connected with the solution of the key interests of women and the politicization of their consciousness. So, at the pre-revolutionary stage, the interests of women were associated with professional employment and economic independence, the possibility of obtaining higher education. The Soviet period was characterized by a tactical order, where women's public organizations acted as a form of ideological work and political mobilization. The interests of women as a social group were not set separately, and their activity was aimed at solving problems related to the social roles of women (helping families and children, life, etc.). The post-Soviet period is characterized by a surge in the activity of women's associations, where the ideas of equality, reforming the political and social system come to the fore. The political consciousness of women is changing under the influence of changing social practices. By the end of the 1990s, the expectations of positive changes were replaced by apathy and alienation. The deteriorating socio-economic situation of families necessitated women's associations to abandon their own political interests, and turn to the protection of socially vulnerable groups.

Conclusion. At the present stage, women's public associations are expressing the interests of various social groups and are involved in solving a wide range of issues. Public associations themselves face a number of difficulties, to which the author relates: organizational difficulties, underestimation of the need for political participation, and poor resource provision.

Keywords: political consciousness, gender, women, political participation, political activity, ethocratic order, mobilization

References

1. Ajvazova S. G. Politicheskoe uchastie zhenshchin: nemnogo istorii i teorii [Political participation of women: a bit of history and theory] *ZHenshchina v rossijskom obshchestve*. 2009. no.3. pp. 3—12.
2. Gendernaya rekonstrukciya politicheskikh sistem [Gender reconstruction of political systems] / Red.-sost.: N. M. Stepanova, E. V. Kochkina. SPb.: Aletejya, 2004. 991 p.
3. Gnedash A. A. ZHenskie grazhdanskije iniciativy v sovremennoj Rossii [Women's civic initiatives in modern Russia] *ZHenshchina v rossijskom obshchestve*. 2013. no. 3 (68). pp. 85—92.
4. ZHenskoe dvizhenie: vchera, segodnya, zavtra [Women's movement: yesterday, today, tomorrow] *Materialy konferencii*; otv. red. G. M. Mihaleva. M., RODP «YABLOKO», «KMK», 2010. 112 p.
5. Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve [State construction of gender in Soviet society] *ZHurnal issledovaniy social'noj politiki*. 2003. no. 1 (3/4). pp. 299—322;
6. Zdravomyslova E. A., Tyomkina A. A. 12 lekcij po gendernoj sociologii [12 lectures on gender sociology]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. 768 p.
7. Konnell R. Gender i vlast': obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika [Gender and power: society, personality and gender policy]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. 425 p.
8. Lapin N. I. Cennosti, gruppy interesov i transformaciya rossijskogo obshchestva [Values, interest groups and the transformation of Russian society] *Socis*. 2015. no. 3. pp. 14—24.
9. Levada YU. A. Social'nye tipy perekhodnogo perioda: popytka karakteristiki [Social types of transition: an attempt to characterize] *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 1997. no.2. pp. 9—15.
10. Milovanova, M. YU. Grazhdanskije iniciativy zhenskih obshchestvennyh ob"edinenij: osnovnye resursy dlya dostizheniya rezul'tativnosti [Civil Initiatives of Women's Public Associations: Key Resources for Achieving Effectiveness] *ZHenshchina v rossijskom obshchestve*. 2013. no.3 (68). pp. 98—106.
11. Pushkareva I. M., Pushkareva N. L. ZHenskoe uchastie v rossijskoj politicheskoy zhizni nachala XX v. (Sovetskaya i postsovetskaya istoriografiya) [Female participation in Russian political life at the beginning of the 20th century. (Soviet and post-Soviet historiography)] *ZHenshchina v rossijskom obshchestve*. 2017. no.2 (83). pp. 15—34.
12. Repina L. P. Pol, vlast' i koncepciya «razdelenykh sfer»: ot istorii zhenshchin k gendernoj istorii [Sex, power and the concept of “divided spheres”: from the history of women to gender history] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2000. no.4. pp. 123—137.
13. Rossijskij gendernyj poryadok: sociologicheskij podhod [The Russian Gender Order: A Sociological Approach] Kollektivnaya monografiya. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 2007. 305 p.
14. Sillaste G. G. Gendernaya sociologiya i rossijskaya real'nost' [Gender sociology and Russian reality] monografiya. M.: Al'fa. 2012. 638 p.
15. Social'naya i politicheskaya mobilizaciya: mikrosociologicheskij analiz [Social and political mobilization: microsociological analysis]. Kollektivnaya monografiya. Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj universitet. 2015. 368 p.
16. Stajts R. ZHenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: feminizm, nigilizm i bol'shevizm. 1860—1930 [Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860—1930]. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). 2004. 614 p.
17. Toshchenko ZH. T. Fantomy obshchestvennogo soznaniya i povedeniya [Phantoms of public consciousness and behavior] *Socis*. 2004. № 12. pp. 3—15.
18. Toshchenko ZH. T. Obshchestvo travmy: mezhdru evolyuciej i revolyuciej: (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza) [Trauma society: between evolution and revolution: (experience of theoretical and empirical analysis)]. Moskva: Ves' Mir, 2020. 345 p.
19. YUKina I. I. Russkij feminizm kak vyzov sovremennosti [Russian feminism as a challenge of our time]. SPb.: Aletejya, 2007. 539 p.
20. Sundstrom L. M. Women's NGOs in Russia: Struggling from the Margins//Demokratizatsiya. 2002. Vol. 10. no. 2. pp. 215—217.

21. Jacobsson, K., Korolczuk, E. Mobilizing Grassroots in the City: Lessons for Civil Society Research in Central and Eastern Europe. *The International Journal of Politics, Culture, and Society*. 33, 125—142 (2020). doi.org/10.1007/s10767-019-9320-7

22. Kaltenbrunner, K., Renzl, B. Social Capital in Emerging Collaboration Between NPOs and Volunteers: Performance Effects and Sustainability Prospects in Disaster Relief. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 30, 976—990 (2019). doi.org/10.1007/s11266-019-00123-6

23. McLaughlin, K., Aikman, S.N. That is What a Feminist Looks Like: Identification and Exploration of the Factors Underlying the Concept of Feminism and Predicting the Endorsement of Traditional Gender Roles. *Gender Issues*. 37, 91—124 (2020). doi.org/10.1007/s12147-019-09240-4

Author's Bio

KRANZEEVA Elena Anatolevna, Candidate of Sociology, Docent, Head of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University (KemSU), Kemerovo, Russia. E-mail: elkranzeeva@mail.ru; ORCID 0000-0003-2577-9017.

Библиографическая ссылка

Кранзеева Е. А. Эволюция участия российских женщин в общественных организациях и объединениях // SocioTime / Социальное время. — 2020. — № 3 (23). — С. 70—80. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.70

УДК 316.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.81

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГЕНДЕРНОГО РЕЖИМА И ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА: ОБЗОР ПОДХОДОВ

А. М. Олешкова

*Филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета,
Нижний Тагил (Россия)*

Введение. Современные социальные исследования относительно недавно включили в орбиту своих классических тем гендерный вопрос, прояснение которого позволяет по-новому и с другой стороны посмотреть на модернизацию, урбанизацию и миграцию. В данной статье будет уделено внимание основным подходам, которые предоставляют возможность увидеть механизмы формирования гендерных порядков, понять причины установления сложившихся гендерных режимов, выявить роль гендерного фактора в функционировании различных институтов современного общества (семья, образование, улица, государство).

Методы. Используется историко-философский метод, позволяющий проанализировать феномен гендера в контексте развития отдельных философских направлений новейшего времени. В рамках сравнительного анализа сопоставляются неофрейдистский, структурно-конструктивистский, дискурсивный, либеральный подходы.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Либеральный и консервативный дискурсы в отечественной социально-философской мысли акцентировал общее противопоставление российской и западной культур, тогда как западная социология развивала идеи конфликтности социальной и биологической природы. В целом, либерализм позволил трактовать мораль в секулярных категориях, вывести на первый план проблему равенства и гражданства. Неофрейдистские концепции, выраженные в разработках Франкфуртской школы, для понимания гендерной проблематики позволяют использовать теории типов личности. Шкалирование моделей личности позволяет, с одной стороны, выявить крайние и промежуточные варианты, которые можно эмпирически фиксировать, с другой — учитывать корреляции между личностью и средой. Проблема взаимосвязи структуры и практики рассмотрены в структурно-конструктивистских концепциях, в которых в разных аспектах анализируется ключевой сюжет об угнетении как производной составляющей понятия «структура».

Заключение. Неофрейдистские, либеральные, структурно-конструктивистские варианты методологий, при всем их разнообразии, учитывают маскулинную модель государства как системообразующую в контексте функционирования гендерных отношений. Эти и иные методологии позволяют проводить междисциплинарные гендерные исследования, дают возможность обратиться к ранее малоизученным контекстам для понимания специфики генезиса гендерных отношений, рассмотреть основы институциональных свойств современного общества на примере динамики социального континуума в формате повседневной культуры и отдельных, частных её проявлений: поведение на улице, в супермаркете, в школе.

Ключевые слова: гендер, gender regime, gender order, власть, маскулинность, фемининность, гендерные исследования.

Введение. Гендер и особенности его включения в общество представляет собой часть повседневности человека. Гендер встроен в разнообразные контексты, в которых гендерные роли и отношения имеют важное значение. Гендерный аспект пронизывает каждодневный опыт любого человека, начиная с коммуникации в транспорте, заканчивая политическим курсом, реализуемым государством. Рутинность вопроса не свидетельствует о том, что в научном отношении всё давно изучено, и даны ответы на все вопросы. Так, было бы упрощением воспроизводить

известный тезис о различиях в биологической природе мужчин и женщин, обусловивших разницу в их социальных характеристиках. Скорее, утвердительно стоит говорить о двух фрагментах гендерных теорий: социальная структура шире биологической, социальная организация общества может противоречить границам биологии человека или, как минимум, вступать с ними в конфликт. Концепт «гендер» пришёл в социальные науки России в 1980-х гг., однако далеко не сразу был рассмотрен весь спектр теорий, активно развивающихся на Западе. Серьёзный вклад в расширение представлений о проблеме внесли переводы западных авторов на русский язык [11, С. 213—214].

К методологическим ориентирам гендерных исследований отнесём: во-первых, гендер — динамичный феномен, сложная составная часть не менее сложной социальной структуры; во-вторых, в настоящий момент это явление находится в фокусе внимания целого комплекса гуманитарных и социальных наук, представленных, среди прочего, философией, экономикой, психоанализом, историей, социологией, лингвистикой. Синтез социологии с другими дисциплинами особенно продуктивен, поскольку в лучших традициях XX века позволяет соотносить фундаментальные теоретические положения и эмпирические данные. Кроме того, именно понятийный аппарат социологии предоставляет возможность обозначить социальное измерение, присущее гендерной проблематике, даже если речь идёт о второй большой ипостаси гендерных исследований — психологической. Понятие «режим» указывает на структурное основание социальных практик, в которых гендер играет определённую роль. Режимы — следствие функционирования комплекса институтов и их особенностей, складывающихся исторически. С позиции тех или иных подходов можно сделать акцент на отдельных институтах или социальных группах, которые определили гендерные порядки, действующие в обществе на определенном этапе его развития.

Гендер может быть понят в классическом социологическом духе как социальный факт [9, С. 10], и это значит, что представления о нём могут выглядеть объективными, и будут оказывать влияние на социум в той или иной повседневной ситуации (профессиональная коммуникация, бытовое общение, спорадические социальные контакты или устойчивые социальные отношения, связи), будут частью экономической и социальной политики государств, в целом, элементом взаимодействий в любой социальной ситуации, которая способна к институционализации. В этой связи, гендер как социальный факт — объективно существующий феномен. Но также гендер — это социальный конструкт, не имеющий прямого отношения к процессам и явлениям, которые подверглись исторической динамике, представляющий собой трансформации не столько естественно-исторического типа, сколько знаково-символического.

Методы исследования. Историко-философская ретроспектива позволяет представить феномен гендера в эволюционном измерении, а также выявить инвариантные элементы, характерные черты, отражающие семантические и функциональные особенности категории «гендер» в контексте ряда подходов. Сравнительный анализ таких методологий, как неофрейдизм, конструкционизм, дискурс-

анализ, либеральный подход даёт возможность выявить потенциал гендерных исследований и актуализирует тему в междисциплинарном аспекте.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Социальный конструкционизм позволяет понимать любой социокультурный феномен как производное воображения участников социальных отношений. Во-первых, термин конструкция предполагает отсутствие изначальной целостности. Во-вторых, сам подход раскрывает явления, которые воспринимались объективно существующими, как временные. Если в первом случае (гендер — социальный факт) мы остаёмся в пределах классической социологической теории, то во втором — учитываем достижения социальной философии, философии языка, психологии; данный ракурс позволяет преодолеть жёсткий детерминизм в понимании процесса складывания проблемы гендера, увидеть спорность существующих схем её интерпретации. Теория социального конструирования не является целостной и однородной [7], занимает срединное положение между социологией, философией, психологией [8, С. 21], как следствие, она может вступать в научную кооперацию, но и способна сама давать интерпретацию иным вариантам понимания специфики гендерных порядков. Среди таких подходов отметим неофрейдистский, франкфуртская разновидность которого позволила синтезировать фундаментальность и эмпиризм. Совместно с теоретиками власти, дискурса и телесности, сексуальности исследователями раскрывается природа насилия, даётся характеристика феномену биополитики [20], способам и причинам регламентации гендерных идентичностей. Кроме того, рассматривается соотношение социально-экономической и сексуальной структуры общества, раскрываются типы семейных отношений, в том числе, авторитарный [16, С. 55]; анализируется становление дискурсов о сексе, их связи с дискурсами о власти [19, С. 198].

Либеральный подход акцентирует внимание на воле отдельных групп и акторов. Важным поворотом в дискуссии о равенстве полов [15, С. IV] в контексте формирования светской морали стала борьба за равенство избирательных прав. В целом, установки франкфуртцев можно увидеть и в либеральной критике. В частности, Х. Арндт выступала против вмешательства политических режимов в жизнь человека, в том числе критикуя регламентацию браков [2, С. 124, 140 591—592]. Для отечественной общественно-политической мысли дихотомия «либерализм» — «консерватизм» является своего рода константой. При этом рационализм, свойственный западной цивилизации, как правило, осуждался в «традиционном направлении русской мысли» [11, С. 215]. Взгляды Франкфуртской школы основываются на переосмыслении марксистской философии, в недрах которой в контексте гендерной проблематики можно выделить, помимо марксистского феминизма [24], социалистический [23], в которых ключевой темой является проблема эксплуатации и маргинализации [25].

Все подходы, так или иначе, апеллируют к маскулинной природе государства, базовый политический институт является моделью гендерных взаимоотношений. Механизм мужского господства, патриархальные основания культуры воспроизводятся посредством разнообразных институтов: системы образования, религиозных устоев, семейных ценностей, разделения труда. Проблема сексизма и припи-

сывание чётких половых ролей, контроль над ними могут быть не осуждаемы и восприниматься нормально. Для исследования способа формирования и специфики проявления гендерных отношений важными оказываются когнитивные исследования, являющиеся частью изучения дискурса, большое внимание уделяя языковому аспекту темы. Так, в самом общем плане важным симптомом языка, например, советской эпохи стало использование метафор, связанных с военной сферой. Политический и квазиполитический дискурсы (широкий спектр повседневных дискурсивных практик, построенных на концепте «власть») также строятся на активном использовании милитаристских метафор. В теории концептуальных метафор, отражающих феномены культуры и особенности мышления человека, заложена дихотомия тех или иных свойств, одной из важных является противопоставление «верх — низ». Когнитивные исследования за точку отсчёта берут связь человеческого тела, окружающего мира и мышления. Положительные составляющие жизни человека связаны с «верхом», а положение «внизу» ассоциируется с негативными обстоятельствами [17, с. 38].

Важным умозаключением является «общекультурный» характер данных метафор, свойственных описанию опыта человека в разных обществах и цивилизациях. Кроме приведённой пары понятий, в базовых своих характеристиках организация человеческого сообщества описывается через соотношение «внутри — снаружи», «центр — периферия». Вариативность метафор в разных культурах будет указывать на приоритеты в ценностях данной культуры, в том числе относительно гендерных взаимоотношениях. Индивидуальные ценности человека также будут вписывать в общую модель, характерную для данной культуры. Ещё одной разновидностью концептуальных метафор являются сущностные (онтологические), которые представляют любой феномен через термины физических предметов и веществ, наделяя процессы и явления сущностной характеристикой. Опять же, такая логика является следствием восприятия человеком своего тела и одновременно способом и спецификой взаимодействия тела с окружающим пространством. Тело человека, его кожа визуально и фактически отделяет мир от самого субъекта. В этой связи оппозиция «внутри — снаружи» позволяет интерпретировать человеку себя и любое явление / процесс, который происходит за пределами тела. И с одной стороны, эти феномены являются, действительно, сторонними и как бы диктуют человеку то или иное поведение, с другой стороны, они представляются равноправным по своим свойствам процессом, который в определённой степени персонализируется, что позволяет представлять социокультурную реальность как полноценное и по своим результирующим силам влиятельное явление, отсюда выражения «религия не позволяет», «под властью традиций», «так исторически сложилось» и т. д. Процессы и явления, которые действуют с непреодолимой силой, либо с силой, с которой сложно бороться, фактически очеловечиваются и оказывают на общество сильное влияние. Таковым феноменом может быть в контексте нашей темы социальное или гендерное неравенство, с которым надо бороться или смириться, так как оно носит естественный характер. В этой связи патриархальная власть, её включённость в современную культуру (либо как одобряемое, либо как осуждаемое явление) может быть изучено с точки зрения концептуальных мета-

фор. Ещё один вид метафор — структурная метафора. Особенно важна с позиции неединого понимания культурных явлений. В таких характеристиках всегда подчёркиваются отдельные грани явлений и сопровождается противоположными интерпретациями, например, любовь можно понимать через феномены войны, сумасшествия, колдовства и т. д. [17, С. 42]. Образы любви действительно сложно свести к единой системе свойства, её характеристика затрагивает различные сферы деятельности человека и проявления природных явлений. В частном отношении значимыми являются теория идеализированных когнитивных моделей, согласно которой в памяти человека знание о феноменах (гендере) организованы определённым образом.

В данном случае термин «идеализированный» подразумевает упрощение и типичность категории, её релевантный характер в большинстве, но не во всех случаях использования. Приведём некоторые примеры. Слово «холостяк», с одной стороны, подразумевает конкретный набор семантических признаков. Нетипичные ситуации игнорируются, тем самым, формируется прототипический эффект, например, в таких случаях, как священники-католики, сожительствовавшие субъекты, культуры, в которых возможно многожёнство и др. [17, С. 108—109].

Помимо когнитивных исследований дискурса, в которых существует, с одной стороны, на теории воплощённого разума, с другой стороны, делается акцент на лингвистическом аспекте темы, следует учесть критическую разновидность изучений дискурса, позволяющие изучить феномен гендера в идеологической плоскости, затронув социальные и политические грани вопроса.

Любой идеологический дискурс характеризует ингруппы позитивно, в то время как аутгруппа наделяется предположительными, но обязательно негативными чертами. В этой связи расистский дискурс, гендерный дискурс можно считать индикаторами неравенства и явной или скрытой дискриминацией. Возможны два варианта репрезентации изучаемого образа. В очевидном отношении возможен явный акцент на его негативизации, когда говорящий субъект использует *hatespeech*, который, однако, также нуждается в отдельном изучении. В более изощрённом, скрытом срезе изучению подвергается весь комплекс дискурса, например, медиадискурс. В нём последовательно изучаются темы в СМИ, заголовки (в т. ч. размер, выбор шрифта), рисунки, фотографии, сноски, что позволяет выявить воспроизводство дискурса доминирования. Критический дискурс-анализ даёт возможность проследить сложную взаимозависимость, которую мы можем обозначить как корреляционную, но нелинейную — между дискурсивными и социальными структурами. Особенно важным представляются два замечания: учёт семантики, модальности репрезентации властных отношений, которые могут причинять вред субъекту или считаться вариантом нормы; выход рассматриваемого вопроса (гендер через проблему доминирования) на повседневные практики. В критических исследованиях доминирование понимается в несколько сложном и изощрённом отношении, связывая дисфункцию субъекта и нелегитимные социальные практики. Доминирование касается не только политической проблематики, а включает всё многообразие нелегитимности. Опять же сама точка отсчёта легитимности той или иной социальной практики может быть разной. Возможен вариант

массового неодобрения, возможны варианты стигматизации группы через массовое одобрение социальной практики, кроме того, отдельной коллизией будет дихотомия право — мораль, традиция — право и т. д.

Дискурсивный анализ позволяет интерпретировать расистские и сексистские сообщения в медиадискурсе. Наличие нерелевантных отсылок на гендерный, этнический, расовый аспекты в изложении новостной повестки дня позволяет противодействовать подобным практикам в будущем. Перед нами методология, способная выявлять предрассудки относительно различных феноменов, характеризующих субъекта с точки зрения не только гендерной роли, но и возраста, профессии, религиозных и политических убеждений. Таким образом, критические исследования позволяют изучить дискурсивный процесс злоупотребления властью. Междисциплинарная кооперация социологии и психологии в дискурсивных исследованиях позволяет выйти на проблему идентичности. С позиции диалогичности сознания, обусловленности психологических состояний «социальными действиями», наблюдениям психолога за внешними проявлениями субъекта [4, С. 303; 6, С. 236] идентичность — это способ позирования субъекта. Подобная реализация субъекта происходит именно в дискурсе, который в свою очередь, скорее, не репрезентирует некоторый внешний по отношению к субъекту мир, а формирует мир, понятный говорящему субъекту. В целом, дискурс динамичен, поэтому можно говорить о спектре, репертуаре идентичностей, при этом дискурс доминирования, гендерный дискурс, достаточно консервативен и инвариантен с точки зрения распределения ролей и статусов. Через стигматизацию и стереотипизацию субъекты наделены постоянными характеристиками.

Лакан, развивая идеи Фрейда, спроецировал концепцию бессознательного на процесс структурирования языка. Именно за счёт интериоризации символического порядка в языке устанавливается связь между субъектом и социумом, в этой связи следует также учитывать двойственную природу субъекта [14]: структурирование психики происходит на уровне мужского и женского. С точки зрения Л. Альтюссера идеология играет важную роль в формировании властных отношений в обществе. Являясь структурой, которую можно понимать в когнитивных категориях, идеология во многом запускает и реализует механизм властных отношений. Этот процесс может происходить «автоматически», через процедуру интерпелляции субъект вовлекается во властные отношения, которые представлены в повседневных практиках. В этой связи гендерные отношения выстраиваются как реакция воображаемого на реальное, ибо идеологическое связано с иллюзорным [1, С. 16, 113]. П. Серию описывает тексты-дискурсы как феномены, ограниченные институционально. Институциональная природа дискурса заведомо определяет правила, табу для акта высказывания. В целом, такая логика развёртывания дискурсов способствует воспроизведению идеологии. На дискурс всегда оказывает влияние эпоха [12, С. 53], понимание гендера также может меняться. С позиции Т. ван Дейка структуры дискурса и мышления находятся в определённом соответствии, что позволяет субъекту реагировать определённым образом в тех или иных социальных ситуациях. Субъект как бы узнает дискурсивные структуры и принимает участие в структурировании системы социально разделяемых смыслов. Дискурс-анализ по-

зволяет проанализировать гендерную власть [18, С. 64]. Интериоризированный и инкорпорированный характер подобных когнитивных механизмов выражен в феномене «габитуса» [18, с. 127] — системы разделяемых неосознанных действий субъектов, выраженных в автоматических действиях, привычках, имеющих широкое распространение.

Важно философское ядро дискурсных исследований, позволяющее выйти на соотношении дискурса и власти: помимо Фуко и Лакана, следует вспомнить теории Ж. Бодрийера, Ю. Хабермаса. Хабермас, разрабатывая теорию коммуникативного действия, считал именно коммуникацию способом формирования устойчивых социальных и личностных структур. Дискурс способствует солидарности в обществе, выработке общих оснований для взаимодействия. Публичное проявление идентичности должно быть максимально автономным, без влияния иных агентов [21, С. 257]. По Бодрийеру, дискурс представляет собой также глобальное понятие. Для нас важно, что оно включает предметы обыденной жизни, повседневные практики. Дискурс — транслятор социальных смыслов, либо значимых для субъекта, либо в ответ на которые субъект порождает реакцию. В результате дискурс способствует воспроизводству таких атрибутов социальности, важных в онлайн- и офлайн-коммуникации: статусы, роли. Также, дискурсы формируют новые социальные группы, создают новые социальные иерархии. Женское в теории Бодрийера показано через «власть» и «маски» [5, С. 33,34].

Во многом в контексте традиции М. Фуко социальное конструирование порождает социальную реальность, которая, во-первых, развёртывается как сама собой разумеющаяся, во-вторых, являет собой отношения доминирования. В этом отношении власть — это ключевой элемент в процессе формирования знаний об обществе. Как следствие, нужно затронуть ещё один важный аспект гендерной проблематики, связанный, с одной стороны, с дискурсными исследованиями, с другой стороны, с феминистской критикой. Важной темой рефлексии социологии, философии, психологии, политологии стала проблема телесности и сексуальности. С начала XX в. она постепенно перестала быть маргинальной. Социальная плоскость понимания темы стала следствием развития психоанализа и феноменологии. Тела, как и дискурсы, функционируют в логике патриархальной традиции. Телесные практики — следствие социальной стратификации и дифференциации. Важными для интерпретации нормы выступают возрастные, классовые, профессиональные различия. Биополитическое регулирование тел — элемент, сопровождающий процесс управления, доминирования и нормализации. Феминистическая критика мужского опыта репрезентации телесных практик представлена, например, взглядами Дж. Батлер, с критических позиций прослеживающих следование концепции власти Фуко и Фрейда. Кроме того, гендер следует понимать конвенционально, что закрепляется в ритуалах [3, С. 4, 121].

Формирование новой гендерной онтологии начинается с манифеста Д. Харауэй [22], в котором не только пересмотрен сущностный статус биологии человека, но и фактически отменены привычные модусы антропологического. В развитии социальных наук был период противопоставления гендера и пола. Продуктивнее видеть в этих феноменах диалектическое взаимодействие. При этом социобиология и неко-

торые разновидности феминизма рассматривают тело как проявление биологии человека. Интерпретация гендера как конструкта сложилась под влиянием взглядов Фуко. В этой связи гендер не обладает онтологическим статусом, а является идеологической категорией, как следствие, проявляя себя по-разному в разных культурах и обществах. Семиотика тела позволяет говорить о динамике идеального образа через тенденции моды, нормы, табу, определяющие телесные практики. В конечном счёте, формируются потребности человека, и не всегда легко определить, какие из них истинные. Истина оказывается дискурсивной. Согласно концепции власти Фуко, тело — объект.

Капиталистические отношения, буржуазное общество изменило концепт власти. Состоялся процесс движения от механизмов принуждения к механизмам контроля и дисциплины. Особенность нового статуса власти заключается в её рассеивании в обществе. Властные опции не связаны с одним центром, а рассредоточиваются на разнообразные институты: армия, церковь, школа, больница и др. Усиливает роль децентрализации власти тот факт, что практически любое проявление современного общества может претендовать на институциональность. Институтом можно считать религию, средства массовой информации, городскую повседневность и т. д. Отсутствие единого центра усиливает действие власти, с одной стороны, через воздействие со стороны различных сил, в том числе анонимно, неперсонифицированно, с другой стороны — с помощью перераспределения властных полномочий в том числе и вовнутрь самого субъекта, являющегося объектом власти. Следовательно, сила такой власти — в её трансформации в самоконтроль и в незаметности. При переносе такого подхода на телесные практики становится ясна действенность контроля над телом и гендером. Идеальные образы мужского и женского отражают вариант нормы (причём возможно определённое шкалирование, большее или меньшее соответствие норме).

Заключение. Как следствие, учитывая многообразие подходов, представляется справедливой точка зрения социолога Рэйвин Коннел, в которой модель гендерных отношений представлена соотношением основных элементов, определяющих, во-первых, сущность гендера, во-вторых, особенности функционирования институтов, в которых гендерные отношения играют значимую роль. Речь идёт о власти, разделении труда и катексисе (эмоциональной привязанности) [13, С. 127]. Первый элемент представляется системообразующим. В сущности, все вышеизложенные подходы, а также проанализированные элементы разных моделей являются производными феномена власти, вне которого невозможно ни одно социальное проявление человека, будь то выражение эмоций, или организация домохозяйства. Власть в социально-философском измерении подразумевает минимум два аспекта: дискурсивный (через контекст) и действенный (через категорию «воля»). Как социологический, так и философский анализ позволяют затронуть как макро-, так и микроуровни проблемы гендерных исследований: сосредоточиться на категориях «нация», «государство», обратиться к межличностным отношениям. Три элемента, вступая в разнообразные конфигурации и имея различные нюансы реализации, определяют паттерны, которые связываются в обществе с узнаваемой маскулинностью или фемининностью. Паттерн является следствием стандартизации жизни, которая

проявляется в индустриальных обществах и находит своё выражение уже в период ранней урбанизации [13, С. 214]. Примечательно, что этот процесс охватывает разные культуры, и важным способом реконфигурации гендерных отношений является экономический механизм, прежде всего, сфера разделения труда и появление наёмного труда.

Помимо государства важными контекстами для понимания специфики формирования гендерных порядков являются школа, семья, иные агенты социализации, которые могут находиться друг с другом в противоречивых отношениях. В частности, малоизученным контекстом является улица как одна из составляющих городского социокультурного пространства. Улица как институт, как часть городской или не городской культуры также строится на принятии определённых правил, которые будут вынуждать человека быть таким, а не иным. Улица представляет собой специфическое окружение, совокупность, в том числе, негласных правил, регулирующих социальные отношения. Это пространство не менее важное, чем любое другое, возможно в ряде случаев его роль значительнее, чем кажется, ведь оно включает в себя и сопутствующий социальный континуум: транспорт, супермаркет, развлекательные учреждения, множество повседневных феноменов и контекстов. Уличное пространство, среди прочего, — это и проявление силы, совокупность стрессовых ситуаций для мужчин, и для женщин. Самые драматичные ситуации, в том числе криминальные, разворачиваются на улице: драки, изнасилования, циркуляция обценной лексики и т. д.

Важно, что современные исследования, в том числе с серьёзной естественно-научной основой, направлены на анализ различий городской и сельской среды в контексте гендерной проблематики, в частности исследуется феномен культуры питания, его эволюция. Так, в майском номере журнала *Nature* (2019 г.) опубликовано исследование [10], посвящённое сравнительному анализу прироста массы тела у жителей сельской местности и города, полученные данные распределялись по гендерным и возрастным характеристикам. Таким образом, гендерные режимы, их специфика и возможность междисциплинарного изучения позволяют уточнить институциональные основы современного общества. Обозначенные подходы вовлекают в орбиту исследования достижения различных наук — социологии, философии, психологии, лингвистики. В целом, изучение гендерных режимов и порядков позволяет продвинуться в антропологических исследованиях в широком смысле слова, а также понять конкретно-историческое измерение социальных отношений, специфику взаимосвязей отдельных институтов.

Список литературы

1. Альтюссер Л. За Маркса / Пер. с франц. А. В. Денежкина. М.: Праксис, 2006. 392 С. (Серия «Новая наука политики»).
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова. Послесл. Ю. Н. Давыдова. Под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.

3. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Пер. Завена Баблюяна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. 2002. 168 С. (Серия «Гендерные исследования»).
4. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского. М.: Языки русской культуры, 2002. 799 с.
5. Бодрийяр Ж. Собрлазн. Перевод с французского Алексея Гараджи. М.: Издательство Ad Marginem, 2000. 319 с.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой. Перевод М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Издательство «Гнозис», 1994. 612 с.
7. Герген (Джерджен) К. Дж. Социальное конструирование и трансформация социальных наук (2005) // URL: <http://viaregina.ru/biblioteka/> (дата обращения 11.05.2019).
8. Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: Сб. статей / Пер. с англ. А. М. Корбута; под общ. ред. А. А. Полонникова. Мн.: БГУ, 2003. 232 С.
9. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995. 352 С. (История социологии в памятниках).
10. Жители сельской местности за последние 30 лет потолстели не меньше горожан // N + 1 URL: <https://nplus1.ru/news/2019/05/08/bmi-in-rural-areas> (дата обращения 12.05.2019).
11. Здравомыслова О. «Гендер и власть»: читая книгу Рейвин Коннелл в России // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 213—222.
12. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. Пер.с фр. и португ. / Общ.ред. и вступ.си. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. И.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. 416 с.
13. Коннелл Р. Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика; авториз. пер. с англ. Т. Барчуновой; науч. ред. перевода И. Тартаковская; подготовка русской. версии примечаний и библиографии О. Ечевской. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 432 С. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
14. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа / Семинары. Книга 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://yanko.lib.ru/books/psycho/lacan-seminaire-2.htm> (дата обращения 28.04.2020).
15. Милль Дж. Ст. О подчинении женщины. СПб.: Типографии А. Моригеровского, 1871. 304 с.
16. Райх В. Психология масс и фашизм. СПб — М.: «Университетская книга», АСТ, 1997. 380 с.
17. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
18. Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
19. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. — М., Касталь, 1996. 448 с.
20. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году / Пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
21. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 382 с.
22. Haraway D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. N.Y.: Routledge, 1991. P. 149—181.
23. Hartmann H. The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: towards a more progressive union // Capital & Class. 1979. N 8. P. 1—33
24. MacKinnon C. Feminism, Marxism, Method, and the State: An Agenda for Theory // Keohane N. (ed.) Feminist Theory. A Critique of Ideology. Chicago: The Harvest Press, 1982.
25. Young I. Justice and the Politics of Difference. Princeton: Princeton Univ. Press, 1990.

Авторская справка

ОЛЕШКОВА Анна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил, Россия. E-mail: oleshkova@bk.ru.

UDC 316.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.81

GENDER REGIME AND GENDER ORDER INSTITUTIONALIZED: A REVIEW OF PARADIGMS

A. M. Oleshkova

*Branch of Russian State Pedagogical University in Nizhny Tagil, Nizhny Tagil
(Russia)*

Introduction. Modern social studies have recently included gender in the vicinity of their range of subjects, which offers a new perspective on modernization, urbanization and migration. The article offers a review of approaches that enable us to approach the formations of gender orders, understand the causes of the established gender regimes, and single out the gender factor in social institutions, such as family, educational establishments, street culture, state).

Methods. Using historical-philosophical method enables us to apply contemporary philosophical theories to gender. Neo-freudian, structural-constructivist and liberal approaches are compared.

Results. Liberal and conservative discourses in Russian social philosophy tend to juxtapose east and west, whilst western approaches summarily focus on the social and the biological nature of conflict. In general, liberalism views moral as a secular category, while making equality and national identity its focal point of interest. Neo-Freudian studies of the Frankfurt School make use of the psychological theories of personality types. Calculating the personality types enables the scholars to empirically assess personal traits that fall on the spectrum, as well as take into account the correlations between a person and their environment. The correlation between structure and practice are analyzed in the structural-constructivist studies, where oppression is viewed as a derivative emerging from “structure” itself.

Conclusion. Put in the gender context, despite their diversity, Neo-Freudian, structural-constructivist, discursive and liberal paradigms tend to view the masculine state model as dominant. These methods are widely used in interdisciplinary gender studies, enabling to review the earlier neglected contexts in order to fully understand the genesis of gender dynamics, as well as view everyday culture (outdoor /supermarket/school behavior) as social continuum that constructs the institutionalized society.

Keywords: gender, power, masculinity, femininity, gender studies

References

1. Al'tjusser L. Za Marksa [Althusser L. Pour Marx] / Per. sfrants. A. V. Denezhkina. M.: Praksis, 2006. 392 s. (Seriya «Novaya nauka politiki»).
2. Arendt H. Istoki totalitarizma [Arendt H. The Origins of Totalitarianism] / Per. s angl. I. V. Borisovoj, Ju. A. Kimeleva, A. D. Kovaleva, Ju. B. Mishkenene, L. A. Sedova Poslesl. Ju. N. Davydova. Pod red. M. S. Kovalevoj, D. M. Nosova. M.: CentrKom, 1996. 672 s.
3. Batler Dzh. Psihika vlasti: teorij sub#ekcii. Per. Zavena Bablojana [Butler J. The psychic life of power: theories in subjection]. Har'kov: HCGI; SPb.: Aletejja. 2002. 168 s. (Seriya «Gendernye issledovanija»).
4. Bahtin M. M. Sobranie sochinenij. T. 6: Problemy pojetiki Dostoevskogo [Bakhtin M. M. Collected works. Vol. 6: Problems of Dostoevsky's poetics]. M.: Jazyki russoj kul'tury, 2002. 799 s.

5. Bodrijar Zh. Soblazn. Perevod s francuzskogo Alekseja Garadzhi [Baudrillard J. Temptation.]. M.: Izdatel'stvo Ad Marginem, 2000. 319 s.
6. Vitgenshtejn JI. Filosofskie raboty. Chast' I. Per. s nem. [Wittgenstein L. Philosophical works] / Sostavl., vstup. stat'ja, primech. M. S. Kozlovoj. Perevod M. S. Kozlovoj i Ju. A. Aseeva. M.: Izdatel'stvo «Gnozio», 1994. 612 s.
7. Dzherdzen K. Dzh. Social'noe konstruirovanie i transformacija social'nyh nauk (2005) [K. J. Gergen. Social construction and the transformation of the social sciences] // url: <http://viaregina.ru/biblioteka/> (data obrashhenija 11.05.2019).
8. Dzherdzen K. Dzh. Social'nyj konstrukcionizm: znanie i praktika: Sb. statej [K. J. Gergen. Social constructionism knowledge and practice] / Per. s angl. A. M. Korbuta; Pod obshh. red. A. A. Polonnikova. Mn.: BGU, 2003.232 s.
9. Djurkgejm Je. Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose] / Per. s fr., sostavlenie, posleslovie i primechanija A. B. Gofmana. — M.: Kanon, 1995. 352 s. (Istorija sociologii v pamjatnikah).
10. Zhiteli sel'skoj mestnosti za poslednie 30 let potolsteli ne men'she gorozhan [Rising ruralbody-mass index is the main driver of the global obesity epidemic in adults] // N + 1 URL: <https://nplus1.ru/news/2019/05/08/bmi-in-rural-areas> (data obrashhenija 12.05.2019).
11. Zdravomyslova O. «Gender i vlast'»: chitaja knigu Rejvin Konnell v Rossii [Gender and power: reading Raven Connell's book in Russia] // Sociologicheskoe obozrenie. 2016. T. 15. № 3. S. 213—222.
12. Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa. Per.s fr. i portug. [Quadrature of meaning: the French school of discourse analysis] / Obshh.red. i vstup.si. P. Serio; predisl. Ju.S. Stepanova. I.: OAO IG «Progress», 2002. 416 s.
13. Kohhel R. Gender i vlast': Obshhestvo, lichnost' i gendernaja politika [Connell R. Gender and power: Society, personality, and gender politics] avtoriz.per. s angl. T. Barchunovoj; nauch.red. perevoda I. Tartakovskaja; podgotovka russkoj versii primechanij i bibliografii O. Echevskoj. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 432 s. (Biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyj zapas»).
14. Lakan Zh. «Ja» v teorii Frejda i v tehnike psihoanaliza / Seminary. Kniga 2 [Lacan Zh. "I" in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis] // [Elektronnyj resurs]. URL: <http://yanko.lib.ru/books/psycho/lacan-seminaire-2.htm> (data obrashhenija 28.04.2020).
15. Mill' Dzh. St. O podchinenii zhenshhiny [J.S. Mill. The subjection of women]. SPb.: Tipografii A. Morigerovskago, 1871. 304 s.
16. Rajh V. Psihologija mass i fashizm [Reich W. The mass psychology of fascism]. SPb — M.: «Universitetskaja kniga», ACT, 1997. 380 s.
17. Skrebcova T. G. Kognitivnaja lingvistika: Kurs lekcij [Skrebtsova T. G. Cognitive linguistics: Course of lectures]. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2011. 256 s.
18. Fuko M. Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let [Foucault M. The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality: works of different years]. Per. s franc. — M., Kastal', 1996. 448 s.
19. Tjon A. van Dejk. Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii. Per. s angl. [Teun Adrianus Van Dijk. Discourse and power: Representation of dominance in language and communication] M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM », 2013. 344 s. Tjon A. van Dejk. Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii. Per. s angl. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. 344 s.
20. Fuko M. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1978 —1979 uchebnom godu [Foucault M. The Birth of biopolitics: lectures at the Collège de France, 1978—1979 (Lectures at the College de France)] / Per. s fr. A. V. D'jakov. SPb.: Nauka, 2010. 448 s.
21. Hartmann H. The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: towards a more progressive union // Capital & Class. 1979. N 8. P. 1—33
22. Habermas Ju. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie [Habermas J. Moral consciousness and communicative action]. SPb.: Nauka, 2001. 382s.
23. MacKinnon C. Feminism, Marxism, Method, and the State: An Agenda for Theory // Keohane N. (ed.) Feminist Theory. A Critique of Ideology. Chicago: The Harvest Press, 1982.

24. Haraway D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*. N.Y.: Routledge, 1991. P. 149—181.

25. Young I. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1990.

Author's Bio

OLESHKOVA Anna Mikhailovna, Candidate of History, Associate Professor, Branch of Russian State Pedagogical University in Nizhny Tagil, Nizhny Tagil, Russia. E-mail: oleshkova@bk.ru.

Библиографическая ссылка

Олешкова А. М. Институциональные основания гендерного режима и гендерного порядка: обзор подходов // *SocioTime / Социальное время*. — 2020. — № 3 (23). — С. 81—93. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.81

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО СПОРТА В РОССИИ: НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОГО СПОРТИВНОГО КЛУБА

А. З. Хураמיшина, И. И. Азлямов, Д. А. Винокуров

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, Казань (Россия)

Введение. Цель — представление нормативных правовых основ создания студенческого спортивного клуба как формы институционализации студенческого спорта. Становление социального института студенческого спорта в России привлекает внимание необходимостью осмысления для понимания дальнейших перспектив развития и значимости для современного российского общества. Интенсивное развитие студенческого спорта в России ведёт к возникновению новых организационных форм и тем самым подводит к завершающей стадии институционального становления студенческого спорта. Все большее распространение получает такая форма как студенческий спортивный клуб. Нормативно-правовое регулирование студенческих спортивных клубов рассматривается в статье как объединение двух последовательных этапов институционализации.

Методы. Теоретико-методологическая основа: теория социального института, социология физической культуры и спорта, правовое обоснование организационных форм, институциональный анализ, проектный подход (социально-экспериментальное проектирование). В качестве базы и примеров использованы проекты клубов в ФГБОУ ВО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма».

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Для организации спортивного клуба в образовательной организации наиболее подходящей формой является общественная организация (объединение), учредителями которой выступают обучающиеся. Анализ результатов деятельности одного из клубов свидетельствует о положительной тенденции развития в академии соответствующего вида спорта, проявляющейся в увеличении числа спортсменов, повышении их спортивного уровня, уровня достигаемых спортивных результатов и повышении других показателей.

Заключение. Представленные в статье примеры студенческих спортивных клубов подробно демонстрируют достаточную подготовленность нормативной правовой базы для создания такой формы организации студенческого спорта и возможность широкого применения практики создания спортивных клубов в вузах. Наличие такой организационной формы как студенческий спортивный клуб, имеющей широкое распространение, является одним из свидетельств завершающего этапа и, соответственно, высокого уровня институционализации студенческого спорта в России.

Ключевые слова: институционализация, студенческий спорт, студенческий спортивный клуб, социология физической культуры и спорта, нормативные правовые основы.

Введение. Социальные процессы становления социального института студенческого спорта в России привлекают к себе внимание необходимостью осмысления этих процессов для понимания дальнейших перспектив его развития, его значимости для современного российского общества.

Понимание процесса институционализации в современной социологии достаточно устойчиво. Согласно концепции социального института, процесс его становления состоит из ряда этапов: возникновение общей потребности, для удовлетворения которой необходима совместная деятельность; определение общих целей; формирование опытным путём в ходе социального взаимодействия социальных правил и норм; возникновение процедур, упорядочивающих использование

правил и норм; институционализация норм и правил, процедур; установление системы санкций для соблюдения правил и норм; создание системы статусов и ролей, охватывающих всех без исключения членов института, то есть организационное оформление. И. В. Лукашенок, анализируя социологические исследования процессов институционализации, отмечает, что под институционализацией принято понимать многоэтапный процесс, начинающийся с осознания определённой общественной потребности в качестве общесоциальной и завершающийся созданием системы статусов и ролей [4, с. 62]. Автор также обращается к анализу соотношения понятий «институт», «институция», «организация». Важным выводом является то, что «институциональная» организация превращается в социальный институт. Можно говорить о том, что формирование организаций, объединяющих отношения, систему статусов и ролей, типичных для определенной деятельности — это завершающий этап становления социального института.

Сферы физической культуры и спорта представляют собой вполне сформировавшиеся социальные институты [1, 11]. При этом продолжается их трансформация, становление более мелких институциональных элементов, в частности студенческого спорта. Интенсивное развитие студенческого спорта в России, вышедшее на новый уровень в связи с принятием изменений в закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в 2011 году [10], ведёт к возникновению новых организационных форм и тем самым подводит к завершающей стадии институционального становления студенческого спорта. Установление законного статуса явления студенческого спорта, проведение в России студенческих соревнований мирового уровня (летняя Универсиада 2013 года, зимняя Универсиада 2019 года) — это яркие проявления становления социального института студенческого спорта, доказательства объективности данного процесса.

Организационными формами, проявляющими институционализацию студенческого спорта в России, являются студенческие соревнования, вузовские спартакиады, дисциплины физической культуры в вузах, спортивные клубы, спортивные команды вузов, центры спортивной подготовки вузов и другие. Всё большее распространение получает такая форма как студенческий спортивный клуб [7]. Такие клубы создаются не только в профильных физкультурно-спортивных вузах и могут иметь различную организационно-правовую форму.

Методы. Теоретической основой исследования выступили теория социального института, социология физической культуры и спорта, правовое обоснование организационных форм, институциональный анализ. Для сбора эмпирической информации использован метод социального эксперимента: в ФГБОУ ВО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма» организованы студенческие спортивные клубы.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Нормативно-правовое регулирование студенческих спортивных клубов можно рассматривать как объединение двух последовательных этапов институализации — институализации норм и правил, процедур; установление системы санкций для поддержания норм и правил — предшествующие завершающему этапу этого процесса. В связи с этим, целью данной статьи стало представление нормативных

правовых основ создания студенческого спортивного клуба как формы институализации студенческого спорта. В качестве социально-экспериментальной базы использованы проекты спортивных клубов ФГБОУ ВО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма», разработанные и внедрённые в рамках магистерских диссертаций И. И. Аглямовым и Д. А. Винокуровым.

В соответствии с п. 3 ст. 28 № 329-ФЗ «О Физической культуре и спорте в Российской Федерации» [8] и Порядком осуществления деятельности школьных спортивных клубов и студенческих спортивных клубов [6], спортивный клуб может создаваться образовательными организациями в качестве их структурных подразделений, а также в виде общественных объединений, не являющихся юридическими лицами. В образовательных организациях сегодня может реализовываться одна из моделей спортивного клуба, либо несколько моделей одновременно. Модели представлены в работе З. П. Масимова. [5].

Создание студенческого спортивного клуба «Клуб любителей спортивного ориентирования» опиралось на ряд законодательных актов. Клуб осуществляет свою деятельность в соответствии с Конституцией РФ (статья 30) [3], Гражданским кодексом РФ (статьи 123.4—123.7) [2], Федеральным законом «Об общественных организациях» [9], Федеральным законом «О физической культуре и спорте в РФ» [8], другими нормативными правовыми актами Российской Федерации и Республики Татарстан, Уставом ФГБОУ ВО «Поволжская ГАФКСиТ» и уставом клуба.

На основе общности спортивных интересов может быть создана общественная организация в области спорта. Управление в общественной организации регламентируется статьёй 123.7 «Особенности управления в общественной организации» Гражданского кодекса РФ. Физкультурно-спортивные организации могут быть коммерческими организациями, некоммерческими и создаваться в различных организационно-правовых формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации для коммерческих и некоммерческих организаций. Создание, деятельность, реорганизация и ликвидация коммерческих и некоммерческих физкультурно-спортивных организаций осуществляются в соответствии с законодательством Российской Федерации, регулирующим порядок создания, деятельности, реорганизации и ликвидации коммерческих и некоммерческих организаций, а также в соответствии с учредительными документами физкультурно-спортивных организаций [8, ст.10].

При создании студенческого спортивного клуба по теннису, организатор особое внимание уделил изучению статьи 19 Федерального закона N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», согласно которой спортивные клубы являются юридическими лицами, осуществляющими тренировочную, соревновательную, физкультурную и воспитательную деятельность; создаются и осуществляют свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации; могут создаваться юридическими и физическими лицами в виде физкультурно-спортивных клубов по месту жительства, работы, школьных спортивных клубов, студенческих спортивных клубов, профессиональных спортивных клубов и иных спортивных клубов; осуществляют свою деятельность за счёт соб-

ственных средств и иных, не запрещённых законодательством Российской Федерации, источников. Пункт 6 статьи 19 Федерального закона № 329-ФЗ указывает на особый статус студенческих спортивных клубов. Статья 28 главы 3 определяет, что к обязательным занятиям относятся занятия физической культурой, порядок которых определяется действующими государственными образовательными стандартами. Так же во второй части данной статьи обозначены необходимость создания условий для формирования у обучающихся навыков физической культуры, содействие развитию и популяризации студенческого спорта и участия обучающихся в международных спортивных мероприятиях, в том числе во Всемирных универсиадах и официальных спортивных соревнованиях.

Часть третья рассматриваемой статьи гласит о следующем. В целях вовлечения обучающихся в занятия физической культурой и спортом, развития и популяризации школьного спорта, студенческого спорта образовательными организациями, реализующими образовательные программы начального общего, основного общего, среднего общего образования, среднего профессионального и высшего образования, и (или) обучающимися таких организаций, могут создаваться школьные спортивные клубы и студенческие спортивные клубы (в том числе в виде общественных объединений), не являющиеся юридическими лицами. Деятельность таких спортивных клубов осуществляется в порядке, установленном уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, и предусматривается уставами соответствующих образовательных организаций.

Изучение нормативной правовой базы привело проектантов рассматриваемых спортивных клубов к пониманию, что для организации спортивного клуба в образовательной организации наиболее подходящей формой является общественная организация (объединение), без регистрации юридического лица, учредителями которой выступают обучающиеся данной образовательной организации. Таким образом, нормативная правовая основа предполагает некую свободу в выборе организационно-правовых форм студенческого клуба. Наиболее целесообразной, соответствующей целям и задачам студенческого спорта является создание студенческого спортивного клуба при вузе. Это позволяет эффективно решать ряд задач:

- объединить усилия студентов-спортсменов;
- планомерно готовить студентов к участию в соревнованиях за вуз;
- формировать вузовские команды по видам спорта;
- обеспечивать преемственность занятий физической культурой и спортом между поколениями студентов;
- эффективно представлять вуз в межвузовских и другого уровня соревнованиях;
- привлечь студентов к занятиям определённым видом спорта и др.

Эти и другие задачи решались при создании и организации деятельности студенческих спортивных клубов по спортивному ориентированию и теннису в Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма.

Реализация проекта студенческого спортивного клуба И. И. Аглымовым привела к следующим результатам. За период активной деятельности клуба члены клуба активно участвовали в соревнованиях вузовского, городского и российского уровня, являлись их организаторами, судьями и волонтерами на них.

В сравнении с предыдущим периодом, после создания соответствующего клуба наблюдается положительная тенденция развития в академии вида спорта «спортивное ориентирование», проявляющаяся в увеличении числа спортсменов, занимающихся спортивным ориентированием, повышении их спортивного уровня, уровня достигаемых спортивных результатов и повышении других показателей (см. таблицу 1). В целом, следует отметить, что обозначенные задачи деятельности клуба реализуются, что свидетельствует об эффективности деятельности клуба.

Таблица 1.

Сравнительные данные результатов развития спортивного ориентирования до (2015—2016, 2016—2017 уч. гг.) и после (2017—2018 уч. г.) создания клуба по спортивному ориентированию.

Показатели развития вида спорта в академии	2015—2016 уч. г.	2016—2017 уч. г.	2017—2018 уч. г.
Количество соревнований (участников из Академии)	9 (17)	13 (30)	15 (42)
Количество соревнований с волонтерами из Академии (количество волонтеров)	0 (0)	0 (0)	6 (45)
Количество соревнований со студентами-судьями (количество студентов)	1 (6)	1 (6)	4 (16)
Количество соревнований, организованных студентами Академии	1	1	4
Количество членов сборной команды РТ (РФ), учащихся в Академии	4 (3)	10 (2)	17 (3)

Заключение. Представленные в статье примеры студенческих спортивных клубов не являются единичными для деятельности академии и в целом для системы высшего образования России. Они подробно демонстрируют достаточную подготовленность нормативной правовой базы для создания такой формы организации студенческого спорта и возможность широкого применения практики создания спортивных клубов в вузах. Наличие такой организационной формы как студенческий спортивный клуб, опирающейся на законодательную базу, имеющей широкое распространение, является одним из свидетельств завершающего этапа и, соответственно, высокого уровня институционализации студенческого спорта в России.

Список литературы

1. Андрианов А. В. Этапы институционализации физической культуры в современном обществе // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 104—106.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164072/> (свободный)

3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (свободный)
4. Лукашенок И. В. Социологические исследования процессов институционализации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2012. № 3. С. 62—66
5. Масимов З. П. Студенческий спортивный клуб как механизм реализации массовости спортивного студенческого движения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 36. С. 61—63. URL: <http://e-koncept.ru/2017/771216.htm>.
6. Приказ Министерства образования и науки РФ от 13 сентября 2013 г. N 1065 «Об утверждении порядка осуществления деятельности школьных спортивных клубов и студенческих спортивных клубов» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/70487996/b28b9c15cd50ef840fabbe84021ec292/#ixzz5YoOji6WO>
7. Трусова Л. А., Хачатурян А. Ю. Спортивный клуб и студенческий спорт как одна из форм привлечения молодежи к занятиям спортом // Физическое воспитание студенческий спорт глазами студентов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 85-летию КНИТУ-КАИ. 2016. С. 340-343.
8. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 N 329-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/
9. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 N 82-ФЗ [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (свободный)
10. Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. N 384-ФЗ г. Москва «О внесении изменений в Федеральный закон „О физической культуре и спорте в Российской Федерации“ и статью 16 Федерального закона „О высшем и послевузовском профессиональном образовании“» // Российская газета [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rg.ru/2011/12/06/sport-dok.html>
11. Хурамшина А. З. Социальные институты физической культуры и спорта // Перспективы развития современного студенческого спорта: на пути к Универсиаде-2013 в Казани: материалы Всероссийской научно-практической конференции (7-8 ноября 2012). Казань: Поволжская ГАФКСиТ, 2012. С. 336-338.

Авторская справка

ХУРАМШИНА Айгуль Зуфаровна, кандидат социологических наук, доцент, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, Казань, Россия. E-mail: aigulsuf@mail.ru.

АГЛЯМОВ Ильнур Ильгизович, магистр физической культуры, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, Казань, Россия. E-mail: ilnuraglyamov@gmail.com.

ВИНОКУРОВ Денис Александрович, магистр физической культуры, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, Казань, Россия. E-mail: denis_tut@mail.ru.

UDC 316.334: 796.01

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.94

***INSTITUTIONALIZATION OF STUDENT SPORTS IN RUSSIA:
REGULATORY LEGAL BASIS OF THE ORGANIZATION
OF STUDENT SPORTS CLUB***

A. Z. Khuramshina, I. I. Aglyamov, D. A. Vinokurov

*FSBEI of HE Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism,
Kazan (Russia)*

Introduction. The goal is to present the legal framework for creating a student sports club as a form of institutionalizing student sports. The formation of the social institute of student sports in Russia attracts attention with the need for comprehension in order to understand the future prospects for the development of sports and its significance for modern Russian society. The intensive development of university sports in Russia results in the emergence of new organizational forms and therefore, to the final stage of the institutional development of university sports. Such a form as a student sports club is becoming more widespread. The legal regulation of student sports clubs is considered in the article as the combination of two successive stages of institutionalization.

Methods. Theoretical and methodological basis: the theory of social institution, sociology of physical culture and sports, legal substantiation of organizational forms, institutional analysis, project approach. As a base and examples, the projects of clubs in FSBEI of HE Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism were used.

Results. To set up a sports club in an educational organization, the most appropriate form is a public organization (association) founded by the students. Analysis of the practice of one of the clubs shows a positive development trend in the academy of the corresponding sport, manifested in an increase in the number of athletes, an increase in their athletic level, a level of athletic performance achieved and an increase in other indicators.

Conclusion. The examples of student sports clubs presented in the article demonstrate in detail a sufficiently prepared regulatory framework for creating such a form of organization of university sports and the possibility of widespread use of the practice of establishing sports clubs in higher education institutions. The presence of such an organizational form as a student sports club, which is widespread, is one of the evidences of the final stage and, accordingly, the high level of institutionalization of university sports in Russia.

Keywords: institutionalization, student sports, student sports club, sociology of physical culture and sports, regulatory legal frameworks.

References

1. Andrianov A. V. Stages of institutionalization of physical culture in modern society. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2012. no.2. pp.104—106. (in Russian)
2. Civil Code of the Russian Federation on November 30, 1994 N 51-FZ. Available at: <http://base.garant.ru/10164072/> (free) (in Russian)
3. The Constitution of the Russian Federation. Available at: <http://www.constitution.ru/> (free) (in Russian)
4. Lukashonok I. V. Sociological studies of institutionalization processes. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki.* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2012. no.3. pp. 62—66 (in Russian)
5. Masimov Z. P. Student's sports club as a mechanism for the realization of mass sports student movement. *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept»* [Scientific and methodical electronic

magazine "Concept"], 2017. vol. 36. pp. 61—63. Available at: <http://e-koncept.ru/2017/771216.htm>. (in Russian)

6. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of September 13, 2013 N 1065 «On approval of the procedure for the implementation of the activities of school sports clubs and student sports clubs». Available at: <http://base.garant.ru/70487996/b28b9c15cd50ef840fabbe84021ec292/#ixzz5YoOji6WO> (in Russian)

7. Trusova L. A., Khachatryan A. Yu. Sports club and student sport as one of the forms of attracting young people to sports. Fizicheskoe vospitanie studencheskij sport glazami studentov: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 85-letiju KNITU-KAI [Physical education student sport through the eyes of students: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation dedicated to the 85th anniversary of KNRTU-KAI], 2016. pp. 340-343. (in Russian)

8. Federal Law «On Physical Culture and Sport in the Russian Federation» of 04.12.2007 N 329-ФЗ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (in Russian)

9. Federal Law «On Public Associations» of 19.05.1995 N 82-ФЗ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (in Russian)

10. Federal Law of December 3, 2011 N 384-ФЗ Moscow “On Amendments to the Federal Law “On Physical Culture and Sports in the Russian Federation” and Article 16 of the Federal Law “On Higher and Postgraduate Professional Education”. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. Available at: <https://rg.ru/2011/12/06/sport-dok.html> (in Russian)

11. Khuramshina A. Z. Social institutions of physical culture and sports. Perspektivy razvitiya sovremenogo studencheskogo sporta: na puti k Universiade-2013 v Kazani: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii (7-8 nojabrja 2012) [Prospects for the development of modern student sports: on the way to the Universiade 2013 in Kazan: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (November 7-8, 2012)]. Kazan? Volga Region GAFKSiT Publ, 2012. pp.336—338. (in Russian)

Author's Bio

KHURAMSHINA Aigyul Zufarovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism, Kazan, Russia. E-mail: aigulsuf@mail.ru.

AGLYAMOV Ilnur Ilgizovich, Master of Physical Culture, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism, Kazan, Russia. E-mail: ilnuraglyamov@gmail.com.

VINOKUROV Denis Alexandrovich, Master of Physical Culture, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism, Kazan, Russia. E-mail: denis_tut@mail.ru.

Библиографическая ссылка

А. З. Хурамшина, И. И. Аглымов, Д. А. Винокуров. Институционализация студенческого спорта в России: нормативные правовые основы организации студенческого спортивного клуба // SocioTime / Социальное время. — 2020. — № 3 (23). — С. 94—101. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.94

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).065 + 94(57)

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.102

РОССИЯ И ДЖУНГАРИЯ ПРИ ГАЛДАНЕ-ЦЭРЭНЕ: РУССКО-ДЖУНГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

М. А. Киндинов¹, Е. М. Чедурова²

¹Майминская СОШ № 1, Манжерок, Республика Алтай (Россия);

²Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Республика Алтай (Россия)

Введение. Цель исследования заключается в рассмотрении вопросов внешней политики России в азиатском направлении и русско-джунгарских отношениях второй четверти XVIII в.

Российское государство в конце XVII в. в результате продвижения и хозяйственного освоения Южной Сибири натолкнулось на агрессивную политику со стороны Джунгарского ханства. Особый интерес представляют взаимоотношения России и Джунгарии в период правления Галдан-Цэрэна. При исследовании данного исторического периода возникает необходимость выявления роли самого хунтайджи в формировании двусторонних отношений между государствами.

Методы. Статья подготовлена на основе анализа массива исторических документов и научной литературы, посвящённой изучаемой проблеме.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Первые годы правления Галдан-Цэрэн, с целью укрепления личной власти, проводил миролюбивую политику по отношению к Российской империи. Стремился наладить экономические и дипломатические связи с русским государством, так как существовала угроза со стороны Цинской империи. Страны достаточно регулярно обменивались дипломатическими миссиями. Но в начале 1740-х гг. хунтайджи изменил курс внешней политики и пошёл на обострение отношений с Россией, были предъявлены претензии на Южную Сибирь. В Центральной Азии возобновил борьбу с казахскими жузами, преследуя цель отделить их от России и подчинить влиянию ханства. В ответ российское правительство предприняло меры по укреплению Сибирской военной линии и дипломатическим путём отстаивало интересы в среднеазиатском регионе, проводя «мягкую» политику в отношении Джунгарии, при этом подкрепляя свои аргументы демонстрацией военной «силы».

Заключение. Изучение русско-джунгарских отношений второй четверти XVIII в. позволяет выявить закономерности политических процессов в Центральной Азии не только XVIII в., но и в последующие периоды, что в свою очередь дало возможность спрогнозировать ход международных отношений в данном регионе. Что способствовало формированию курса внешней политики страны и отношений с соседями.

Ключевые слова: Российская империя XVIII вв., Джунгарское ханство, Центральная Азия, Южная Сибирь, международные отношения, внешняя политика, Елизавета Петровна, Галдан-Цэрэн.

Введение. Середина 1720-х гг. принесла неожиданные и серьёзные изменения в политической жизни Российской империи и Джунгарского ханства. 8 февраля (по н. ст.) 1725 г. не стало императора Петра I Великого, с этого времени в истории страны начинается «эпоха дворцовых переворотов». В 1727 г. завершилась «эпоха» тридцатилетнего правления хунтайджи Цэвана-Рабдана (1697—1727 гг.), которого сменил его старший сын Галдан-Цэрэн (1727—1745 гг.). Обстановка в Центральной Азии с приходом молодого правителя изменилась в худшую сторону. Молодой, энергичный хунтайджи стал проводить враждебную политику в отношении к своим ближайшим соседям, нападая на казахские жузы, предъявил претензии цинскому Китаю в отношении Халки [12, С. 132].

Политическая история страны с давних пор вызывает интерес исследователей. Среди её актуальных проблем особое место в последние годы занимают вопросы внешней политики. Изучение исторического опыта международных отношений в России XVIII в. имеет не только важное научное, но и практическое значение — оно содействует в той или иной мере определению путей дальнейшего развития отношения между государствами, методов их переустройства на современном этапе. В данной связи, изучение политического, военно-стратегического, экономического развития России является важнейшей предпосылкой формирования современной концепции истории страны и выработки принципов и реализации приоритетных национальных проектов, особенно в области развития международных отношений в тихоокеанском регионе, что в свою очередь закономерно предопределяет научную значимость и актуальность исследовательского интереса к вопросам внешней политики. В связи с этим особый интерес представляет изучение русско-джунгарских отношений в правление Галдан-Цэрэна-хунтайджи. Период, когда Российская империя вступила в «эпоху дворцовых переворотов», а Джунгария достигла пика своего могущества, эпоха, когда Россия была вынуждена проводить активную внешнюю политику на западе, но при этом отстаивать свои интересы на востоке. Для того, чтобы изучить данную тему, стоит выявить особенности внешней политики России в отношении Джунгарии, Цинской империи и в Центральной Азии, обратить внимание на причины возникавших конфликтов и способы их разрешения между двумя странами.

Также, важно рассмотреть роль казахских жузов в русско-джунгарских отношениях и в целом дать анализ международной обстановки в данном регионе, сложившейся в середине XVIII в. Проблемам взаимоотношений государств Центральной Азии, по отдельным аспектам международных отношений посвящены труды исследователей И. Я. Златкина, В. Я. Моисеева, Л. П. Потапова, П. Е. Тадыева, Т. Дж. Барфилда. Статьи горно-алтайского историка Н. С. Модорова и монгольского историка Б. Батмунха рассматривают русско-джунгарские отношения первой половины XVIII в. Труд историка Б. П. Гуревича посвящён вопросам международных отношений стран центрально-азиатского региона.

Методы. Методологической основой настоящего исследования является системный подход. Применительно к двухсторонним дипломатическим отношениям, он может быть раскрыт так, что всякое государство ведёт свою внешнюю политику не изолированно, а в системе государств и международных отношений. Работа

базируется на принципах историзма (рассмотрение темы в ракурсе исторической обусловленности и развитии), объективности (всесторонний анализ исторических документов и беспристрастная оценка изучаемого), единства и взаимной связи общего и особенного. В работе были использованы и метод исторической антропологии, признающий ведущую роль личности в историческом процессе. Этот метод рассматривался нами через призму деятельности отдельных лиц, в частности Елизаветы Петровны, Галдана-Цэрэна и казахских султанов.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. *Международная обстановка в центральной Азии в конце 1720-х гг.* Внешнеполитическая обстановка в Центральной Азии к концу первой четверти XVIII в. стабилизировалась. Так в конце 1722 г. скончался цинский император Канси, правивший в течение пятидесяти лет (1661—1722 гг.), а также истощение сил обеих сторон, как Цинской империи, так и Джунгарского ханства. Сложившаяся ситуация вынудила прекратить войну и начать переговоры вступившего на престол Китая императора Юнчжэна, занятого борьбой с другими претендентами на трон, и Цэван-Рабдана [18, С. 38]. В 1723 г. завершилась вторая джунгаро-цинская война, начавшаяся Ещё в 1715 г. Смерть Цэвана-Рабдана в 1727 г. привела к междоусобной борьбе нового хунтайджи с его младшим братом Лоузан-Шоно, который в результате бежал к калмыкам на Волгу, т. к. был внуком Аюки-хана, сыном его дочери Сетерджаб. Смена правления и междоусобица ограничили внешнеполитические амбиции нового правителя.

В связи с этим в первые годы правления Галдан-Цэрэна русско-джунгарские отношения развивались достаточно спокойно, этому способствовала начавшаяся в 1729 г. третья джунгаро-цинская война. Первый обмен посольствами между Россией и Джунгарией состоялся в 1727 г., в результате миссии сержанта Д. Ильина, по вопросу о возвращении пленных. Д. Ильин 13 декабря 1727 г. сообщил в Тобольске о смерти Цэвана-Рабдана. Первое посольство от Галдана-Цэрэна во главе с джунгарским дипломатом Боджиром прибыло в Тобольск 13 декабря 1727 г. В Санкт-Петербурге 1 февраля 1728 г. состоялась аудиенция императора Петра II и Боджира. В 1729 г. переводчик М. Этыгеров посетил джунгарского хана. Новый правитель заверил посланника в своём желании сохранить традиционную дружбу с Россией. «Желаю, де против прежнего, — говорил хунтайджи М. Этыгерову, — как великий император и как мой отец жили в совете и любви... Указ между белым царем и между моим отцом в миру и совете жить, и я также желаю жить...» [8, С. 235—237; 249].

Отношения между Россией и Джунгарией вызывали настороженность со стороны цинского Китая. Вероятность войны между Джунгарией и Цинской империей, вынуждала Китай идти на сближение с Россией и тем самым способствовала международной изоляции Джунгарии. Как отметил Г. Ефимов «русско-китайские отношения после заключения Нерчинского договора улучшились. Военных столкновений, подобных борьбе за Албазин, не происходило; возникавшие пограничные недоразумения улаживались дипломатическим путём» [7, С. 24]. Вопрос о разграничении спорных территорий китайская сторона поднимала ещё в 1720 г. во время посольства в Пекин Л. В. Измайлова. При Петре Великом этот вопрос не был раз-

решён. По указу императрицы Екатерина I Алексеевны в Китай с посольской миссией был направлен дипломат С. Л. Владиславич-Рагузинский, который был уполномочен вести переговоры о разграничении спорных территорий между двумя империями. 20 августа 1727 г. был заключён предварительный Буринский договор. С одной стороны он был подписан С. Л. Владиславич-Рагузинским, с другой Цыренван, Ба Сыге и Тулишэн. Согласно договору, граница была определена от сопки Абагайту на р. Аргуни (где заканчивалась граница по Нерченскому договору 1689 г.) до перевала Шабин-Дабага. Россия уступила Китаю Урянхайский край и район озёр Далайнор и Косогол. Условия подписанного соглашения были подтверждены в заключённом 21 сентября 1727 г. Кяхтинском договоре, Буринский договор включён в него пунктом 3. [21, С. 57—58]. Впоследствии китайская сторона неоднократно ссылалась на Буринский трактат в споре за территории Горного Алтая, вошедшего в состав России в 1756 г., в результате падения Джунгарского ханства [10, С. 439—443]. В целом договор сыграл свою роль в урегулировании двусторонних отношений, постановив «вечный мир и дружескую пересылку с обеих сторон» [1, С. 292].

В 1728 г. между Россией и Китаем был подписан Кяхтинский договор, который сумел разрешить споры с Россией о территориях, и заложить основы для русско-китайских отношений, на последующие 100 лет. Была установлена линия монгольской границы, оказали содействие установлению дипломатических отношений между двумя империями и содействовали развитию регулярной торговли. Как и при заключении Нерчинского договора, к новому соглашению маньчжуров подтолкнуло желание изолировать джунгар [2, С. 230].

По мнению Златкина «конфликт между Джунгарским ханством и Цинской империей в это время оказывал заметное влияние на взаимоотношения последней с Россией, в частности на исход переговоров посла России С. Рагузинского с цинским правительством 1726—1727 гг. О глубине и остроте противоречий, разделявших джунгарское ханство и Цинскую империю, свидетельствует тот факт, что оба государства почти одновременно предложили царскому правительству союз для совместной борьбы против другой стороны» [8, С. 245]. Так, в частности, Россию посетили две китайские дипломатические миссии, которые побывали в Москве и Санкт-Петербурге, были приняты императрицей Анной Иоанновной. Стоит отметить, что это были первые китайские посольства, официально принятые в России [21, С. 58].

Несмотря на подобные предложения, отчасти можно отметить, что они были крайне выгодны для России и способствовали продвижению её вглубь Центральной Азии и Дальнего Востока — смотря, чью сторону поддержать, но российское правительство выбрало путь нейтралитета. Российская империя продолжала поддерживать дипломатические отношения со всеми участниками международных отношений данного региона. «Едва ли будет преувеличением сказать, — отмечал Златкин, — что позиция России спасала Джунгарское ханство от разгрома» [8, С. 247]. Подобная политика империи на Востоке основывалась на необходимости поддержания равновесия военно-политических сил в регионе. Об этом неоднократно указывали российские политики и дипломаты. В частности, Л. В. Влади-

славич-Рагузинский, писал императору Петру II в апреле 1728 г. о том, что необходимо установить дружественные отношения с Галданом-Цэрэном. Дипломат аргументировал своё мнение тем, что «понеже контайша в соседстве счастливого вашего империя зело нужен и от китайцов не токмо оборона, но по случаю против их полезнейший союзник». Об этом же говорилось в инструкции Иркутскому вице-губернатору А. Бибикову в 1733 г. Коллегия иностранных дел обращала его внимание на то, что по отношению к Галдан-Цэрэну «главнейший интерес российской состоит в том, чтоб оного каким способом склонять к подданству Российской империи... Ежели б с китайцы у России случилась иногда война, в такое время он, контойша, к союзу с Россиею зело полезен» [20, С. 33].

Россия и Джунгария в 1730—1740 гг.: обмен дипломатическими миссиями и торговые отношения. В июне 1731 г. в Ургу от имени императрицы Анны Иоанновны с дипломатической миссией был отправлен майор Леонтий Дмитриевич Угримов, цель которого заключалась в «разобрании и разводу в произошедших между нашими подданными и владения вашего людьями ссорах и обидах...». С ним же в Джунгарию были отправлены «нашего жалованья несколько разных вещей и птиц, тако ж де по прошению посланцев ваших послан для пользования вашего от глазной болезни и лекарь с лекарствами» [16, С. 282—283]. Миссия Угримова не добилась результатов, склонить Галдан-Цэрэна к заключению торгового соглашения не удалось. В своём донесении от 1 декабря 1732 г. Сибирскому губернатору А. Л. Плещееву Угримов сообщал: «Однако же, милостивой государь, и оне, калмыки, крепко стоят о своих претензиях, а паче о землях и хотя пленников ныне и отпустят, токмо казне и прочему надеются возврату по их ответам не будет, также и коммерции согласится на таких кондициях, как в указе ко мне от в. в. написано, не хотят, но поручают оную комиссию своему посланцу, которого ныне со мною отправляют паки в Москву...» [16, С. 287—289].

В 1733 г. Галдан-Цэрэн просил Л.Д. Угримова взять с собой двух послов, которые «будут просить царицу Анну, прислать для обучения ко мне (Галдану-Цэрэну — прим. авт.), на время, артиллерийских мастеров, которые умели б пушки и мортиры делать и научили б делать наших людей из оных стрелять... а также фабричных мастеров, которые могли бы делать всякие материи... посылаю я двух человек для обучения железному делу... которые б могли во всем железном мастерстве силу познать». По сведениям сержанта М. Котовщикова, посетившего Тарбагатай в 1748 г., там был расположен завод «серебряной и медной руды», на котором работали русский мастер с подмастерьями и русский толмач. Подобные сведения содержатся и в сообщении купца А. Бахмуратова [4, С. 18].

В 1734 г. в Санкт-Петербург прибыло джунгарское посольство во главе с Зундуй-Замсу, принятое императрицей Анной Иоанновной. Поднятый вопрос о двоеданцах и сборе ясака сибирской администрацией не был разрешён, т. к. коллегия иностранных дел признавала статус двоеданцев как временного состояния [8, С. 252]. На протяжении 1730-х гг. двусторонние русско-джунгарские отношения носили мирный, отчасти дружественный характер. Россия и Джунгария развивали торговые отношения, и вопрос об алтайских двоеданцах не поднимался, также как и противоречия Джунгарии и казахских жузов. Галдан-Цэрэн нуждался в нейтра-

литете России, избегал конфликтов, т. к. продолжалась с переменным успехом третья джунгаро-цинская война, тяжёлая и разорительная для него. Но к концу десятилетия международная обстановка в регионе изменилась. В 1739 г. после кровопролитного противостояния завершилась третья джунгаро-цинская война, и Галдан-Цэрэн сумел сконцентрировать своё внимание на других проблемах. В свою очередь, по мнению А. Ходжоева, «заключив мирное соглашение с Джунгарским ханством, Цины лишь ненадолго прекратили открытую вооружённую борьбу против него, выжидая подходящего момента для нового наступления» [25, С. 161].

Россия, занятая на европейском направлении войной за Польское наследство (1733—1735 гг.) и русско-турецкой войной (1735—1739 гг.), занимала выжидательную позицию, позицию наблюдателя, не вмешиваясь в происходившие процессы. При этом российское правительство внимательно следило за ситуацией в Центральной Азии. Иллюзий о миролюбии Галдана-Цэрэна в Санкт-Петербурге не видели. Более того, положение дел в Джунгарии и её отношения с Цинской империей в России оценивали достаточно реалистично. В сентябре 1735 г. Коллегия иностранных дел (КИД) в Указе Плещееву отметила, что «а понеже, по полученным у вас ведомостям у владельца их с китайцы о мире пересылки давно начались, и может быть ныне и действительно примирение между ими не воспоследовало и тако сей сосед свободные руки не возымел бы, в котором случае наипаче от него опасаться надлежит» [8, С. 248].

Опасения, высказанные, КИД имели под собой серьёзные основания. Весной 1735 г. сибирским властям сообщал, о желании Галдана-Цэрэна направить 20-ти тысячный отряд против Среднего жуза, Букенбай-батыр. На протяжении 1737—1738 гг. поступали сведения о сосредоточении джунгарских войск на границе со Средним жузом и вдоль Иртышской военной линии. 3 июля 1738 г. новый сибирский губернатор В. Бутурлин сообщал в столицу о том, что в Горном Алтае на р. Кан появился восьмитысячный джунгарский отряд. Командир отряда дал приказ алтайцам быть к весне вооружёнными и с лошадьми [19, С. 113].

Казахские жузы и обострение русско-джунгарских отношений в первой половине 1740-х гг. Вскоре после завершения в 1739 г. джунгаро-китайской войны, Галдан-Цэрэн изменил своё отношение к России и казахским жузам, из которых Младший в 1730 г. принял российское подданство. Указ о принятии Старшего жуза императрица Анна Иоанновна подписала на имя хана Жулбарса 19 сентября 1738 г. [9, С. 129]. В 1741 г. в подданство России вступила значительная часть родов и племён Среднего жуза во главе с ханом Абулмамбетом и султаном Аблаем [3, С. 149].

Военные приготовления джунгары начали в 1739 г., предназначенные для похода на казахские жузы. Галдан-Цэрэн выдвинул войска на р. Иртыш с намерением выступить в трёх направлениях: 1. от Зайсан-нора на р. Ишим, в глубь Центральной Азии, 2. в район Ташкента, вниз по р. Сырдарье, создавая угрозу Младшему казахскому жузу, 3. в Барабинские степи [4, С. 19]. Джунгарскими войсками командовал дядя хана Цэрэн-Дондоб. Нойон Септень командовал войсками, сосредоточенными вдоль Иртышской линии, отряды которого грабили земли Среднего жуза. Компания 1739—1740 гг. не принесла желаемого результата и джунга-

ры в связи со сложными природными условиями, отсутствием достаточного количества лошадей, из-за неизвестности намерений российского правительства, вывели свои войска из Среднего жуза, расположив их вдоль Иртыша.

В январе 1741 г. для переговоров к губернатору П. Бутурлину прибыло джунгарское посольство во главе с Ламой-Даши и Науруз-Казы. Представители хунтайджи заверили губернатора в том, что казахов, принявших подданство России, джунгары не тронут, «а которые де орды живёт на степях и под высочайшею Всероссийской державою не в подданстве, то они, Галдан-Чиринское войско, тех воевать будут и в том им от российских верноподданных какого препятствия чинено не было». В феврале 1741 г. тридцатитысячная джунгарская армия во главе с нойоном Мептеном и старшим сыном Галдана-Цэрэна Лама-Доржи вновь вторглась в земли Среднего жуза. Для казахов ситуация сложилась удручающая. Весной в урочищах Шилигу и Чюдурту был разбит и попал в плен султан Аблай [19, С. 114—120]. Сложившаяся ситуация вынудила Абулхаир-хана просить российское правительство о постройке на р. Сырдарье новой крепости для защиты от персов и джунгар. О строительстве города просил и Абулмамбет-хан императрицу Елизавету Петровну в 1742 г. [9, С. 184—186].

В период с 1741 по 1744 гг. Галдан-Цэрэн изменил дипломатическую тактику в отношении казахских жузов, поняв бесперспективность военного давления на них. Причина изменения его позиции заключалась в том, чтобы воспрепятствовать дальнейшему сближению казахских ханств с Россией. В связи с этим, как отметил В. А. Моисеев, «Галдан-Цэрэн начал применять в отношении казахских владельцев Младшего и Среднего жузов более гибкую тактику». В частности, в 1742 г. были облегчены условия содержания пленённого султана Аблая, а в 1743 г. султан с сыном и другие знатные заложники были отпущены. «Галдан-Чирин тот отпуск в такой образ учинил, — сообщал из Оренбурга в КИД И. И. Неплюев, — чтоб показать с какой умеренностью и льготою хочет казахов в своей протекции содержать, которую своею политикою, больше нежелъ посылкою войск оной лехкомысленный народ поколебать и привлечь к себе возможет». Политика хунтайджи дала свои результаты. В 1744 г. отношения между Средним и Младшим жузами с одной стороны и Джунгарским ханством с другой, нормализовались: развивалась торговля, происходили довольно частые политические контакты, обмен пленными, мирно обсуждались вопросы о приграничных кочевьях. Тесные связи с Галдан-Цэрэном поддерживал султан Среднего жуза Аблай [19, С. 126—136]. Рассматривая изменения во взаимоотношениях Джунгарии и Казахских жузов, В. А. Моисеев пришёл к выводу, что «военно-дипломатические акции России сыграли едва ли не решающую роль в прекращении военных вторжений ойратов в Казахстан, заставили их перейти к мирным политическим формам давления на казахов и в то же время поставили Россию и Джунгарию на грань вооружённого конфликта» [20, С. 36].

В отношениях с Россией джунгарский хан придерживался иной тактики. Галдан-Цэрэн стал требовать от русских прекращения дальнейшей колонизации Южной Сибири, более того, он потребовал «сносения» сибирских городов Томска, Кузнецка, Красноярска, «крепостей по Иртышу», а также медеплавильных заводов

Демидова на Алтае. В случае отказа данных требований, джунгары грозились применить силу [1, С. 294; 15, С. 122]. В ответ на это начальник Оренбургской комиссии И. И. Неплюев получил разрешение на военную поддержку казахов в случае джунгарской угрозы. По его указу командующие Оренбургской и Яицкой военных линий должны были в случае нападения джунгар на казахские улусы, пропускать последних под защиту крепостей, а казахских владельцев содержать в самих крепостях. А в случае необходимости вывести необходимое число регулярных и нерегулярных войск с несколькими пушками в улусы и тем самым прикрыть их, а самим казахам разрешить переходить на правый берег р. Яик [19, С. 145—146]. Для укрепления боеспособности Оренбургской военной линии под начальство И. И. Неплюева были определены Казанский, Уфимский и Шешминский драгунские полки, которые следовало «по усмотрению своему и по-тамошним обстоятельствам, так употребить...», а также Неплюеву предписывалось «с зюнгорским владельцем корреспонденцию иметь...» [9, С. 200].

Для устранения противоречий, накопившихся за многие годы между двумя странами, по просьбе И. И. Неплюева вступить в переговоры с хунтайджи, КИД дала указ 8 августа 1742 г. направить к джунгарскому хунтайджи «искусственного офицера». Выбор начальника Оренбургской комиссии выпал на Карла Миллера, майора Пензенского гарнизонного полка, имевшего опыт дипломатических контактов с правителями Средней Азии. В состав миссии вошли: прапорщик Пазухин, переводчик Иван Ерофеев, геодезист Тохтаров, капрал Тихон Дмитриев и шесть казаков. 3 сентября 1742 г. из Орска миссия Миллера отправилась в Ургу в сопровождении конвоя казахов Младшего жуза под командованием султана Ералы, а также с ними отправились джунгарские послы Кашка и Барангом, возвращавшиеся из Оренбурга [19, С. 146—147]. В пространной инструкции, данной Миллеру, указывался целый спектр проблем, которые стоило обсудить с Галданом-Цэрэном. В частности, майору предписывалось объявить, что он направлен от главы Оренбургской комиссии тайного советника и кавалера Неплюева, а также обсудить положение Среднего и Младшего казахских жузов, принявших российское подданство, «что б он их не беспокоивал и ничем от них не интересовался», «о делах, до Сибирской губернии принадлежащих, то Вам, ни в какие о том дальние разговоры» не вступать. Помимо этого, Миллер должен был поднять вопрос об освобождении из плена султана Аблая «яко в том интерес Ее Императорского Величества состоит» [9, С. 222—227].

16 ноября 1742 г. отряд майора Миллера прибыл на Джунгарскую границу и был направлен в улус зайсана Деджита, в течение ноября он так и не сумел встретиться с влиятельным нойоном Сары Манджи. Затем его миссия была переведена в улус зайсана Хара Кобена. Только в конце января 1743 г. Миллер смог встретиться с Сары Манджи. Переговоры с нойоном результата не дали. Встретиться с самим Галдан-Цэрэном К. Миллеру не удалось. По мнению И. И. Неплюева «то, ево майора Миллера к Галдан-Череню недопущение, воспоследовало ни для чего иного, токмо для того чтоб о всем нынешнем зенгорскаго владельца неблагополучном состоянии здесь никакого известия не было, ибо кроме того, что в колмыцких улусах множество людей оспою померло, завязан он зенгорской владелец, несча-

стливаю войною... под городами Дабдакаримом и под Бадакшаном». Историк Моисеев учитывая высказанную позицию, сделал уточнение, что «Галдан-Цэрэн рассчитывал таким путём поднять свой авторитет в глазах казахских владетелей, кигизких и кокандских феодалов» [19, С. 148—150].

На обратном пути К. Миллер возвращался через Туркестан, где был принят Сеит-ханом, братом правителя Среднего жуза Абулмамбет-хана, который обратился с письмом к императрице Елизавете Петровне о принятии его в подданство России. 14 мая 1743 г. миссия К. Миллера вернулась в Орск. Джунгарское войско вторглось в казахские земли, а подвластные им племена совершали нападения на русские пограничные заводы и поселения Кольвано-Кузнецкой линии. Джунгары также напали на русские поселения в районе Тары, Кольвано-Воскресенский завод и Чакырский рудник. В большей степени их интересовали «лопаты, кирки, молотки и молоты», а также люди, знавшие «горное дело» [4, С. 19]. Также телеутский зайсан Омбо, кочевавший в Канской волости, один из самых влиятельных зайсанов Алтая, и калмыки Келиш и Чадыр, 5 сентября 1743 г. совершили нападение и разграбили Чагырский рудник и «на Чарыше реке убили русских людей 3 человека». В том же году калмык Качай с его людьми убили 6 русских купцов на Иртыше, шедших для торговли в Ургу. Помимо этого, калмыки во главе с Малжаком на р. Еланге убили 3 человек, а калмык Дота «с товарищи» угнали 12 лошадей. В связи с этими событиями Сибирский губернатор Алексей Михайлович Сухарев в своём письме от 5 октября 1744 г. к хунтайджи потребовал «отдать посланным к Вам (Галдан-Цэрэну — прим. авт.) с сим листом прапорщику Подзорову и при нем будущим неудержно. И о том, тако ж и в убийстве русских людей, как о том выше сего показано, произвестъ следствие и за то вора́м указ учинить и впредь того чинить запретить» [23, С. 26—27].

Ответные меры России: укрепление сибирской военной линии (1740—1745 гг.). Положение Российской империи на рубеже 1730—40-х гг. было сложным. Несмотря на завершение русско-турецкой войны в 1739 г. и подписанием Белградского мира, внешнеполитическая ситуация осложнялась проблемами внутри страны. В 1740 г. не стало императрицы Анны Иоанновны и вновь начинается чехарда на русском троне, постоянные перестановки при дворе. Короткое царствование малолетнего Иоанна Антоновна, при регентстве правительницы Анны Леопольдовны, осложнялось началом русско-шведской войны 1741—1743 гг. Более того, 24 ноября 1741 г. произошёл очередной дворцовый переворот и восшествием на трон императрицы Елизаветы Петровны, младшей дочери Петра I Великого. Положение страны осложнялось иностранным вмешательством в дела страны [11, С. 59—63]. Все эти проблемы отвлекали внимание правительства от решения проблем на востоке и вынуждали принимать «мягкие» меры.

В 1743 г. завершилась подписанным в Або миром русско-шведская война (1741—1743 гг.), что позволяло высвободить финансовые, материальные средства, а также людские ресурсы для адекватного отражения возможной агрессии со стороны джунгарского хунтайджи. Императрица Елизавета Петровна распорядилась заняться вопросом укрепления обороны от джунгар. Решением Сената от 29 сентября 1744 г. в Сибирь были переброшены 3 драгунских полка: Ревельский, Тро-

ицкий и Московский, в каждом по одной пушке, из команды Оренбургского губернатора тайного советника Неплюева, два пехотных полка с двойной артиллерией, выведенных из Персии, а также тысяча яицких казаков. Во главе собранных сих присланных и уже имевшихся в Сибири был поставлен генерал-майор Христиан Христианович Киндерман, успевший отличиться в русско-шведской войне, стал первым командующим на Сибирских линиях с 1744 по 1752 г. Заместителем его был определен бригадир Юрлов [16, С. 320—321]. Новый командующий активно принялся за выполнение полученного задания и укрепление военной линии, лично посетив крепости и укрепления, а также занимался расквартированием прибывших в Сибирь новых полков. Летом 1745 г. все прибывшие полки были расположены лагерем возле Железенской крепости, комендантом которой был полковник Ширванского полка Хосе де Гаррига. Согласно его рапорту от 23 августа в лагере были представители пяти армейских полков и яицких казаков. Вологодский, Олонецкий и Ширванский полки стояли в полном составе, а от Луцкого и Нашебургского в Железенском лагере имелось по роте. Функции комендантов иртышских крепостей в этот период выполняли штаб-офицеры, возглавлявшие один из расквартированных там полков. Генерал-майор Х. Киндерман, вернувшись из поездки по Иртышу, расположился в Таре, а затем уехал в Тобольск, где проживал «даже по смерть свою» в 1752 г. [13, С. 54].

Помимо переброски войск было принято решение о строительстве новых укреплений на Колывано-Кузнецкой линии. На совещании в г. Шадринске 17 марта 1743 г. начальника Оренбургской комиссии и Сибирского губернатора А. Сухорева рассматривались вопросы о мерах военно-политического противодействия Джунгарии, в том числе и укрепление сибирских и яицких крепостных линий. В частности, было решено строительство новой укрепленной линии от Семиполатинска до Телецкого озера, построить новые крепости от слободы Чернолуцкой до Семиполатинска, а также перебросить десятитысячный корпус регулярных войск [19, С. 153]. С этой целью, выполняя поручение прибывшего генерал-майора Киндермана, премьер-майор Сташкеев обследовал линию от Тобола до Ишима и Иртыша, подыскивая удобные места для новых укреплений [23, С. 79—80]. Губернатор Неплюев в своём письме от 16 января 1746 г. рассуждал об устройстве новой линии укреплений: «провести линию от Звериной Головы прямо к назначенному на ландкарте Сташкеева редуту под № 11, при Камышинском озере, а от него через Ишим на редуты под № 9 и 10, при Песчаном и Травяном озёрах, а отсюда прямо на Омск. При учреждении новой линии старые форпосты содержать будет излишне, а строить по предложению Сташкеева земляную линию, ... затруднительно; Оренбургская линия форпостов и редутов достаточна против степных народов. О содержании предположенной линии ... положено было вывести на неё служилых людей внутренних острогов и форпостов; Новоучреждённый драгунский полк расположить между Иртышом и Ишимом, а между Тоболом и Ишимом старый Сибирский драгунский полк. ... Около Звериной Головы можно построить крепость и 2 редута, и в оные перевести гарнизон из крепостей Байканской и Куртамышской, куда можно поселить крестьян. Оренбургская линия состоит из крепостей, состоящих одна от другой на 40 вёрст. Между ними редуты» [23, С. 82—83].

Стоит согласиться с выводами А. В. Контева об их значении в истории Сибири, что «построенные в 1740-е гг. форпосты и редуты сформировали оборонительную линию, позволив начать заселение приграничной полосы российским крестьянством» [13, С. 54].

В 1744—1745 гг. произошло резкое ухудшение русско-джунгарских отношений, военно-политическая ситуация в Средней Азии обострилась. Галдан-Цэрэн сосредоточил на границе с казахскими жузами и Сибири крупные отряды, цель которых была нападение на русские крепости и города близ границы. 10 января 1745 г. в Усть-Каменогорской крепости прибывшие урянхайцы сообщали, что хунтайджи «имеет намерение собрать войско и послать осенним временем, как на р. Иртыш лёд станет, на Усть-Каменогорскую, Семиполатинскую, Ямышевскую крепости и Кольвано-Воскресенские заводы с войною». В верховьях Иртыша появилось тысячной джунгарское войско. Зимой 1744—1745 гг. джунгары сожгли один из алтайских рудников [19, С. 157].

В это самое время в России находилось джунгарское посольство во главе с Ламой-Даши. Одной из обсуждаемых тем была проблема казахских жузов, правительство требовало от Джунгарии не нападать на Малый и Средний жуз. Кроме того, через дипломата Науруз-Хазы, члена дипломатической миссии Ламы-Даши, Галдану-Цэрэну было передано, что Россия ни с кем не ведёт войн, поэтому способна направить против Джунгарии большую армию. Кроме того, джунгарам напомнили, что Россия спасла Джунгарию от разгрома в годы третьей джунгаро-цинской войны [19, С. 155—158]. Для продолжения переговоров с джунгарским хунтайджи в Ургу российское правительство подготовило к отправке дипломатическую миссию во главе с подполковником Л. Д. Угримовым. В это время ситуация в Центрально-Азиатском регионе резко изменилась. В сентябре 1745 г. скончался Джунгарский хунтайджи Галдан-Цэрэн. Это событие привело к «разрядке» и снижению военно-политической напряжённости в регионе, а также помогло избежать назревавшего военного конфликта между Россией и Джунгарией. Как отметил Л. П. Потапов «серьёзных столкновений с Джунгарией не произошло... только по тому, что Джунгария в это время была занята внутренними междоусобными делами» [22, С. 179]. «Ханство вступило в полосу упадка, — характеризовал состояние государства в тот период времён советский историк И. Я. Златкин, — что проявилось, прежде всего, в подрыве единства ойратского государства, в крушении авторитета и силы центральной власти» [8, С. 282]. На джунгарском троне началась чехарда из постоянно меняющихся правителей, междоусобные войны между претендентами и расправа над соперниками.

Заключение. Галдану-Цэрэну наследовал его средний сын Цэван-Доржи-Аджа-Намжил, именовавшийся Аджа-ханом. Но в 1749 г. был совершён дворцовый переворот в пользу побочного сына Галдан-Цэрэна — Лама-Доржи, в результате которого Аджа-хан был свергнут и убит. В 1753 г. Лама-Доржи (Эрдени-Лама-Батур-Хунтайджи) в свою очередь был свергнут своим троюродным братом чоросским князем Дебачи (Давацзы) и нойоном Амурсаной. Но между вчерашними союзниками возникли разногласия при разделе ханства. В 1754 г. Амурсана, потерпев поражение от войск Дебачи, бежал в Китай и обратился за помощью к

богдыхану. Император Цяньлун воспользовался столь удобным поводом для вмешательства в междоусобицу своего соперника для нанесения последнего удара. Умурсана получил поддержку богдыхана и разгромил Дебачи летом 1755 г., заняв трон с помощью цинских войск. Но уже в сентябре того же года он поднял антицинское восстание в Джунгарии. За измену и гибель войска Цяньлун заочно приговорил Амурсану к смертной казни [24, С. 19—20]. Амурсана летом 1756 г. бежал к султану Среднего казахского жуза Аблаю. В конце года он вернулся обратно, весной-летом 1757 г. разгромил и вырезал цинский гарнизон в г. Баркуле, провёл ряд успешных операций в горах Тарбагатай и в долине р. Или [17, С. 35].

В середине июля 1757 г. Амурсана потерпел сокрушительное поражение в долине р. Боротола и был вынужден отступить на север. 28 июля он вышел к российской границе у Семипалатинской крепости и попросил убежища. 21 сентября 1757 г. Амурсана скончался в г. Тобольске [8, С. 301—302]. Оценок деятельности Амурсаны достаточно много. «Народная память сохранила лишь немногие черты истинного Амурсаны, — писал академик Б. Я. Владимирцов. — Ему простили многое: его вероломство, нетвёрдость и непостоянство во взглядах и симпатиях, его честолюбие; народная память остановилась на одном моменте его бурной жизни: на борьбе с маньчжуро-китайцами...» [14, С. 167—168].

Борьба Амурсаны с Дебачи-ханом, пленение последнего и привели к падению Джунгарского ханства. Положение образно описано в работе «Рабство в Сибири» С. Шашкова: «Монголо-китайцы истребляли все, что ни встречалось живого, — убивали мужчин, насиловали и замучивали женщин, а детям разбивали головы о камень или стену, сжигали жилища, резали скот; они перебили до 1000000 калмыков... Джунгария была буквально усеяна трупами, её воды покраснели от пролитой человеческой крови, а воздух был полон дымом от горевших улусов, лесов и трав... Все, что имело ноги и могло двигаться, бросилось в Сибирь...» [22, С. 179]. Политика Галдана-Цэрэна направленная на укрепление могущества Джунгарии, без достойных преемников была обречена на провал. Попытка противостоять России в Южной Сибири и Средней Азии дала противоположный результат. С одной стороны, Казахские жузы были вынуждены пойти на сближение с Джунгарией, с другой правители среднеазиатских государств отчётливо осознали необходимость покровительства со стороны Российской империи, важной для самосохранения как самостоятельных народов, самостоятельных наций. События в Джунгарии, последовавшие после смерти Галдана-Цэрэна, однозначно подтвердили усиливающееся могущество и укрепление позиций России в азиатском и дальневосточном направлениях.

Список литературы

1. Архив князя Воронцова в 40 тт. / Т. 25. М.: В университетской типографии (М. Катков) на Страстном бульваре, 1882. 513 с.
2. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.) / Пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. Санкт-Петербург, 2009. 488 с.
3. Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. / Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1971. 275 С.

4. Батмунх Б., Модоров Н. С. Русско-джунгарские отношения в 1717—1745 гг. // Мир Евразии. 2008. № 2 (2). С. 18—21.
5. Батмунх Б., Модоров Н. С. Русско-джунгарские отношения в 1717—1745 гг. // Мир Евразии. 2012. № 2-4 (17—19). С. 34—37.
6. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX в. М.: Издательство Наука, 1983. 310 с.
7. Ефимов Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М.: Государственной издательство политической литературы, 1951. 584 с.
8. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства 1635—1758 гг. М.: Издательство Наука, 1983. 335 с.
9. Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата.: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1961. 732 с.
10. Киндинов М. А. Между двумя империями. Вхождение Горного Алтая в состав России, в контексте двусторонних отношений России и Китая в первой половине XVIII в. // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции с международным участием, посвящённой 105-ой годовщине со дня рождения доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова и 90-летию его ученика, доктора исторических наук, профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина (Иркутск, 25 апреля 2018 г.). Иркутск: Изд-во Отгиск, 2018. С. 439—443.
11. Киндинов М. А. Иностранное вмешательство во внутреннюю политику России на примере дворцового переворота 24 ноября 1741 г. // Социально-политические кризисы в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Шадр. гос. пед. ун-т; под ред. проф. В. Д. Пузанова, доц. Н. Ф. Чипиновой. Шадринск: ШГПУ, 2018. С. 59—63.
12. Киндинов М. А., Чедурова Е. М. Политика России в южной Сибири: освоение земель Алтая в XVII — первой четверти XVIII вв. // SocioTime / Социальное время. 2019. № 2 (18). С. 125—133. DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.125
13. Контев А. В. Формирование вооружённых сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х годов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 51—56. DOI: 10.21603/20788975-2016-4-51-56
14. Кузнецов В. С. Амурсана. Новосибирск: Наука, 1980. 175 с.
15. Малахова-Полякова О. В., Модоров Н. С. Закрепление Русского государства в верхнем приобье в XVII— первой половине XVIII века // Мир Евразии. 2012. № 2—4 (17—19). С. 116—126.
16. Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. Книга 1—2. М. Наука. 1989. 340 с.
17. Модоров Н. С. Несколько штрихов к портрету Амырсаны // Мир Евразии. 2013. № 4 (23). С. 31—37.
18. Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М.: Издательство Наука, 1983. 148 с.
19. Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи в XVII—XVIII вв. Алма-Ата.: Гылым, 1991. 237 с.
20. Моисеев В. А. Джунгаро-казахские отношения в XVII—XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 22—43.
21. Мясников В. С., Шепелева Н. В. Империя Цин и Россия в XVII — начале XX вв. // Китай и его соседи в новое и новейшее время. М.: Издательство Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. С. 34—89.
22. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1953. 443 с.
23. Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г. Н. Потанина) / сост.: Н. М. Дмитриенко, Т. В. Родионова; [науч. ред. Э. И. Черняк]. Томск. Томский университет. 2013. 312 с.
24. Тадьев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая / Великая дружба: 200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России. Горно-Алтайск, 1956. С. 5—43.
25. Ходжаев А. Захват цинским Китаем Джунгарии и Восточного Туркестана. Борьба против завоевателей // Китай и его соседи в новое и новейшее время. М.: Издательство Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. С. 153—202.

Авторская справка

КИНДИНОВ Михаил Александрович, учитель истории и обществознания, Майминская СОШ № 1, Республика Алтай, С. Манжерок, Россия. E-mail: shikotus@mail.ru.

ЧЕДУРОВА Елизавета Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Республика Алтай, Россия. E-mail: chedurova@mail.ru.

UDC 94(47).065 + 94(57)

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.102

***RUSSIA AND DZUNGARIA UNDER GOLDAN-TSEREN:
RUSSIAN-DZUNGARIAN RELATIONS IN THE SECOND QUARTER
OF THE XVIII CENTURY***

M. A. Kindinov¹, E. M. Chedurova²

¹Maiminsk Secondary School No. 1, Manzherok, Altai Republic (Russia);

²Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Altai Republic (Russia)

Introduction. The purpose of the study is to consider issues of Russian foreign policy in the Asian direction and Russian-Dzungarian relations of the second quarter of the XVIII century.

The Russian state at the end of the XVII century, as a result of promotion and economic development of South Siberia, I came across an aggressive policy on the part of the Dzungarian Khanate. Of particular interest are the relations between Russia and Dzungaria during the reign of Galdan-Tseren. In the study of this historical period, there is a need to identify the role of the Hunting itself in the formation of bilateral relations between states.

Methods. The article was prepared on the basis of an analysis of an array of historical documents and scientific literature on the problem being studied.

Results. The first years of the reign of Galdan-Ceren in order to strengthen personal power, pursued a peace-loving policy towards the Russian Empire. He sought to establish economic and diplomatic ties with the Russian state, since there was a threat from the Qing empires. Countries regularly exchanged diplomatic missions. But in the early 1740s. the huntaji changed the course of foreign policy and went on to aggravate relations with Russia; claims were made against South Siberia. In Central Asia, he resumed the struggle with the Kazakh zhuzes, with the aim of separating them from Russia and subordinating them to the influence of the khanate. In response, the Russian government took measures to strengthen the Siberian military line and diplomatically defended interests in the Central Asian region, pursuing a “soft” policy towards Dzungaria, while reinforcing its arguments with a demonstration of military “strength”.

Conclusion. The study of Russian-Dzungarian relations of the second quarter of the XVIII century, allows us to identify the patterns of political processes in Central Asia not only in the 18th century, but also in subsequent periods, which in turn made it possible to predict the course of international relations in this region. What contributed to the formation of the country's foreign policy and relations with neighbors.

Keywords: Russian Empire of the 18th centuries, the Dzungarian Khanate, Central Asia, South Siberia, international relations, foreign policy, Elizaveta Petrovna, Galdan-Tseren.

References

1. Arhiv knjzja Voroncova [Archive of Prince Vorontsov] / Vol. 25. Moscow, V universitetskoj tipografii (M. Katkov) na Strastnom bul'vare, 1882, 513 p.
2. Barfield T. Dzh. Opasnaja granica: kochevye imperii i Kitaj (221 g. do n. je. — 1757 g. n. je.) [The perilous frontier. Nomadic Empires and China 221 BC to AD 1757] / Ed. D.V. Ruhljadeva. Saint Petersburg, 2009. 488 p.
3. Basin V. Ja. Rossiija i kazahskie hanstva v XVI—XVIII vv. [Russia and the Kazakh khanates in

the XVI—XVIII centuries] / In: *Istorii, arheologii i jetnografii im. Ch.Ch. Valihanova Akademija nauk Kazahskoj SSR*. Alma-Ata, 1971, 275 p.

4. Batmuh B, Modorov N. S. Russko-dzhungarskie otnoshenija v 1717—1745 gg. [The Russian-Dzungarian relations in 1717—1745] // *Mir Evrazii*. 2008. no. 2(2). pp. 18—21.

5. Batmuh B, Modorov N. S. Russko-dzhungarskie otnoshenija v 1717—1745 gg. [The Russian-Dzungarian relations in 1717—1745] // *Mir Evrazii*. 2012. no. 2—4 (17—19). pp. 34—37.

6. Gurevich B. P. Mezhdunarodnye otnoshenija v Central'noj Azii v XVII — pervoj polovine XIX v. [The international relations in Central Asia in XVII — the first half of the 19th century]. Moscow, Izdatel'stvo Nauka, 1983. 310 p.

7. Efimov G. V. Ocherki po novoj i novejshej istorii Kitaja [Essays on the new and modern history of China]. Moscow, Gosudarstvennoj izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951. 584 p.

8. Zlatkin I. Ja. Istorija Dzhungarskogo hanstva 1635—1758 gg. [History of the Dzungarian khanate of 1635—1758]. Moscow, Izdatel'stvo Nauka, 1983. 335 p.

9. Kazahsko-russkie otnoshenija v XVI—XVIII vekah [Kazakh-Russian relations in the XVI—XVIII centuries]. Alma-Ata, Izdatel'stvo Akademii nauk Kazahskoj SSR, 1961. 732 p.

10. Kindinov M. A. Mezhdumja imperijami. Vhozhenie Gornogo Altaja v sostav Rossii, v kontekste dvustoronnih otnoshenij Rossii i Kitaja v pervoj polovine XVIII v. [Between the two empires. The entry of Gorny Altai into Russia, in the context of bilateral relations between Russia and China in the first half of the XVIII century] // *Sibir' v izmenjajushhemsja mire. Istorija i sovremennost': materialy Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 105-oi godovshhine so dnja rozhdenija doktora istoricheskikh nauk, professora Vsevoloda Ivanovicha Dulova i 90-letiju ego uchenika, doktora istoricheskikh nauk, professora Viktora Grigor'evicha Tjukavkina* (Irkutsk, 25 aprelya 2018 g.). Irkutsk, Izdatel'stvo Otkissk, 2018, pp. 439—443.

11. Kindinov M. A. Inostrannoe vmeshatel'stvo vo vnutrennjuju politiku Rossii na primere dvorcovogo perevorota 24 nojabrja 1741 g. [Foreign interference in Russia's internal politics on the example of the Palace coup of 24 November 1741] // *Social'no-politicheskie krizisy v istorii Rossii: materialy Vserossijskoj nauch. konf. s mezhdunar. Uchastiem* / Ed. prof. V. D. Puzanova, doc. N. F. Chipinovoj. Shadrinsk State Pedagogical University, 2018, pp. 59—63.

12. Kindinov M. A., Chedurova E. M. Politika Rossii v juzhnoj Sibiri: osvoenie zemel' Altaja v XVII — pervoj chetverti XVIII vv. [Russia's policy in south Siberia: the development of lands of Altai in the XVII-first quarter of the XVIII-th centuries] // *Socio Time / Social'noe vremja*. 2019. no. 2 (18). pp. 125-133. DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.125

13. Kontev A. V. Formirovanie voozruzhennyh sil na Irtyshskoj pograničnoj linii v seredine 1740-h godov [Formation of military forces on the irtys boundary line in the middle 1740s] // *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016. no. 4, pp. 51-56. DOI: 10.21603/20788975-2016-4-51-56

14. Kuznecov V. S. Amursana [Amursana]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 175 p.

15. Malahova-Poljakova O. V., Modorov N. S. Zakreplenie Russkogo gosudarstva v verhnem priob'e v XVII — pervoj polovine XVIII veka [Consolidation of the Russian state in the upper Ob region in the XVII — first half of the XVIII century] // *Mir Evrazii*. 2012, no. 2—4 (17—19), pp. 116—126.

16. Mezhdunarodnye otnoshenija v Central'noj Azii. XVII—XVIII vv. Dokumenty i materialy [International relations in Central Asia. XVII—XVIII centuries. Documents and materials]. Book 1—2. Moscow, Nauka, 1989, 340 p.

17. Modorov N. S. Neskol'ko shtrihov k portretu Amursany [A few strokes to the portrait of Amursana] // *Mir Evrazii*. 2013, no. 4 (23), pp. 31—37.

18. Moiseev V. A. Cinskaja imperija i narody Sajano-Altaja v XVIII v. [The Qing Empire and the peoples of Sayan-Altai in the XVIII century] Moscow, Izdatel'stvo Nauka, 1983, 148 p.

19. Moiseev V. A. Dzhungarskoe hanstvo i kazahi v XVII—XVIII vv. [Dzungarian khanate and Kazakhs in the XVII—XVIII centuries]. Alma-Ata, Gylym, 1991, 237 p.

20. Moiseev V. A. Dzhungaro-kazahskie otnoshenija v XVII—XVIII vekah i politika Rossii [Dzungarian-Kazakh relations in the XVII—XVIII centuries and Russian politics] // *Vestnik Evrazii*, 2000, no. 2, pp. 22—43.

21. Mjasnikov V. S., Shepeleva N. V. Imperija Cin i Rossija v XVII — nachale XX vv. [The Qing Empire and Russia in the 17th and early 20th centuries] // *Kitaj i ego sosedi v novoe i novejshee vremja*. Moscow, Izdatel'stvo Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1982, pp. 34—89.

22. Potapov L. P. Ocherki po istorii altajcev [Essays on the history of the Altaians]. Moscow-

Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953, 443 p.

23. *Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoi retrospektive XVIII v. (po dokumental'nykh publikatsiiam G. N. Potanina)* [Space of Northern Kazakhstan and Siberia in a historical retrospective of the XVIII (according to documentary publications of G. N. Potanin)]. Tomsk, 2013. 312 p.

24. Tadyev P. E. Povorotnyj punkt v istorii Gornogo Altaja [A turning point in the history of Gorny Altai] / *Velikaja družba: 200 let dobrovol'nogo vhozhdenija altajcev v sostav Rossii*. Gorno-Altajsk, 1956, pp. 5—43.

25. Hodzhaev A. Zahvat cinskim Kitaem Dzhungarii i Vostochnogo Turkestana. Bor'ba protiv zavoevatelej [Qing China's capture of Dzungaria and East Turkestan. Fighting against the conquerors] // *Kitaj i ego sosedi v novoe i novejshee vremja*. Moscow, Izdatel'stvo Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1982, pp. 153—202.

Author's Bio

KINDINOV Mikhail Alexandrovich, a teacher of history and social studies of the Maiminsk Secondary School No. 1., v. Manzherok, Republic, Russia. E-mail: shikotus@mail.ru.

CHEDUROVA Elizaveta Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of Gorno-Altai State University, Gorno-Altaysk, Altai Republic, Russia. E-mail: chedurova@mail.ru.

Библиографическая ссылка

М. А. Киндинов, Е. М. Чедурова. Россия и Джунгария при Галдане-Цэрэне: русско-джунгарские отношения во второй четверти XVIII в. // *SocioTime / Социальное время*. — 2020. — № 3 (23). — С. 102—117. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.102

УДК 140.8

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.118

ОСОБЕННОСТИ МОБИЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ МУСУЛЬМАН В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Р. А. Набиев¹, Р. А. Фатхуллин^{1,2}

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия);

²Болгарская исламская академия, Болгар (Россия)

Введение. Актуальность исследования связана с методами воздействия на религиозное сознание верующего с целью его использования в качестве ресурса в достижении поставленных целей на примере российских мусульман и методов воздействия на их религиозное сознание для достижения победы в Великой Отечественной войне. Целевые установки воздействия на религиозное сознание могут быть ориентированы на получение позитивного результата как в случае отражения нашествия фашистской Германии, так и на достижение сугубо меркантильных или узкополитических интересов. Проблема манипулирования религиозным сознанием не теряет своей актуальности ввиду постоянных попыток различных деструктивных течений использовать религиозный фактор в своих интересах. Цель заключается в том, чтобы понять, как воздействие на религиозное сознание с учётом этноконфессионального фактора и сложившихся реалий влияет на мотивацию, лояльность и эмпатию верующих, что может способствовать при формировании общероссийского духовного единства.

Методы. Метод единства исторического и логического использовался в статье для изучения эмпатии религиозного сознания при создании благоприятных условий на примере комплекса мер СССР для достижения победы, а также рассмотрения политики нацистской Германии, направленной на использование человеческих ресурсов на основе манипулирования религиозно-национальным сознанием народов советского союза.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Показано, что комплексное воздействие на религиозное сознание, с использованием религиозных символов, авторитетов, соответствующей интерпретации религиозных источников в связке с реальной обстановкой, является эффективным средством для достижения поставленных целей. Но при этом показана тесная взаимосвязь религиозной и национальной самоидентификации индивидов, что играет ключевую роль при равных методах воздействия на религиозное сознание.

Заключение. Выяснено, что религиозное сознание является действенным фактором привлечения верующих для реализации поставленных целей, эффективность которого зависит так же от национальной и государственной самоидентификации. Религиозные разногласия отходят на второй план при появлении общей угрозы представителям данных конфессий.

Ключевые слова: сознание, религия, конфессия, ислам, СССР, Германия, христианство, победа, война, патриотизм.

Введение. Религиозное сознание, возникнув в определенный период времени и в определённом социально-историческом контексте, зависит от неразрывного комплекса как внешних, так и внутренних факторов. К основным внешним факторам можно отнести геополитические, социально-экономические факторы, а к внутренним факторам психофизиологическое состояние человека [7, с. 59—62]. Религиозный фактор всегда являлся эффективным инструментом манипулирования религиозным сознанием населения в достижении политических и экономических целей. Россия не стала исключением из этого правила и примером служит политика Петра I, который использовал религиозные институты российских конфессий для управления народом и удержания своей власти. Продолжила его политику и Екатерина Великая, которая издала в 1773 г. указ о веротерпимости. Он был

рассчитан не только для улучшения взаимоотношений с мусульманским населением империи, но и для успешного обеспечения борьбы за человеческие ресурсы и преодоления последствий восстания под руководством Е. И. Пугачёва. Данное решение было принято и в силу внешних причин — первый раздел Речи Посполитой в 1772 г. и Русско-турецкая война 1768—1774 гг. [1, с. 25—27]. При этом уже начиная с XV в. встречаются упоминания наличия мусульманских формирований в войсках Российского государства, которые в тяжёлые для России времена вставали на защиту Отечества. Значительный вклад внесли Кавказские туземные конные дивизии в годы Первой мировой войны. [17, с. 26—27].

Как отмечает В. Ф. Ершов, совместное участие в боевых действиях представителей различных конфессий воспитывало взаимное уважение и терпимое отношение к религиозным и культурно-бытовым традициям сослуживцев [11, с. 27]. Для религиозного сознания мусульман основными источниками, формирующими религиозное сознание, являются Священный Коран и Пророческая Сунна, которые приобрели окончательный вид в первые века формирования ислама. Специфика ареалов традиционного распространения ислама и формирования религиозного сознания народов в российском пространстве складывалась не только с учётом мазхабов суннитского толка (ханафизм в Поволжье и Приуралье, шафиизм на Северном Кавказе), но и историко-культурными традициями и сложными процессами складывания государственно-конфессиональных отношений. Для нас представляет интерес случай, описанный в исламской истории, когда в 5 году от начала проповедей Мухаммада, группа мусульман для сохранения своих жизней и религии совершила переселение в христианскую Эфиопию. Правитель Эфиопии предоставил им политическое убежище и свободу вероисповедания, что стало одной из причин принятия участия мусульманами в сражении на его стороне против мятежников [13, с. 104—107, 253, 254].

Методы. В статье использован метод единства исторического и логического, ставший основой изучения эмпатии религиозного сознания при создании благоприятных условий на примере комплекса мер СССР для достижения победы, а также рассмотрения политики нацистской Германии, направленной на использование человеческих ресурсов на основе манипулирования религиозно-национальным сознанием народов советского союза.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Описанная во введении ситуация схожа с той, в которой оказались российские мусульмане в годы Великой отечественной войны, смягчение религиозной политики СССР плюс общая многовековая история народов, проживающих на территории СССР, сыграло важную роль в деле объединения советского (на тот период) народа в деле защиты общей Родины. При этом в деле защиты религии, несмотря на серьёзные догматические различия, представители религий объединялись против антирелигиозной «кавалерийской» атаки атеистической настроенной власти. Пример этому случай, когда в 1918 году Советская власть попыталась арестовать митрополита Уфимского Андрея и изъять церкви для своих целей, но не смогли осуществить задуманное из-за энергичного протеста татар-мусульман, которые заявили, что они не выдадут его врагам Бога, как не позволят оскорблять «православные

мечети». Еще пример: когда разоряли храмы, некий комиссар постановил закрыть церковь, и его помощники вынесли из храма алтарь, чтобы использовать его в качестве застолья. Пришли возмущённые соседи-мусульмане разогнали пьяных, занесли алтарь обратно в храм. Они не были христианами, но было чувство веры в бога и недопущения поругания святынь [14]. Из современной жизни периода религиозного возрождения достаточно много примеров, когда представители разных конфессии были едины в частности в вопросах возвращения культовых зданий.

Методы воздействия партийно-советской системы на религиозное сознание народов Советского Союза. Что касается периода Великой Отечественной войны, то существует большое количество работ, раскрывающих религиозную политику руководства Советского Союза в отношении своего населения. Ввиду нависшей опасности со стороны фашистской Германии, её продуманной пропагандистской работы, руководству Советского Союза пришлось пойти на различные послабления в религиозной жизни: свободу исполнения религиозных обрядов, были выпущены на свободу религиозные деятели, вновь открыты некоторые культовые сооружения [15, с. 40]. Эти действия были ответом на активные попытки немецкого командования использовать национально-религиозный фактор, подкреплённый политическими и экономическими мерами, используя ошибки советской власти для привлечения новых человеческих ресурсов [20, с. 222]. Ряд авторов раскрывает вклад представителей каждой конфессии в победу, несмотря на религиозные гонения и убийства верующих [23, с. 117], показывают, как патриотизм духовенства и верующих конфессий стал одним из факторов создания центральных религиозных организаций в нашей стране [28, с. 61]. Часть авторов подробно разбирают недостатки советской пропаганды в СССР [18, с. 131].

Вклад представителей различных конфессий в общую победу в Великой Отечественной войне отражён во многих исследованиях: многие авторы описывают обращение религиозных лидеров СССР к своим последователям в первые дни войны, причём первым был местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей 22 июня 1941 г., а 8 июля 1941 г. уфимский муфтий Расулев Г. З., а за ними и представители остальных конфессий [19, с. 100]. Рассматривается вклад военного духовенства различных конфессий [6, с. 35], отдельно раскрывается вклад мусульман в победу, для активизации которых муфтий ЦДУМ Габдрахман хазрат Расулев, сын известного в мусульманском мире суфия Зайнуллы Расулева, объявил священную войну — джихад против общего врага — фашистских поработителей народов нашей страны. В своём выступлении он апеллировал в первую очередь к религиозному сознанию мусульман, к тем глубинным, многовековым религиозным понятиям, которые являются действенными акторами, способными всколыхнуть сознание мусульман, побудить их к активным действиям. И одним из таких акторов является джихад — не только вооружённая борьба за свою жизнь, религию, Родину, но и жертвование своего имущества, труда в тылу, агитационной работы как единый вклад в общее дело — защиты Родины [23, с. 129—130]. Советское руководство для поднятия боевого духа армии ввело в оборот понятие «традиции русского офицерства», отражавшее преемственность русских воинских традиций, побед, проявление мужества, любви к Родине и героизма [16, с. 39—40].

Сталин И. В. начал использовать религиозную терминологию с первых дней войны, обращаясь к народу словами «братья и сёстры» [3, с. 40—42].

При этом Советская власть активно использовало исламский фактор во внешней политике: пример этого организация хаджа 1944 г., которая послужила для создания благоприятного имиджа Советскому Союзу и налаживанию контактов с мусульманским миром. За авторством религиозных деятелей, при непосредственном участии властей, выходили статьи, призванные поднять патриотический дух народа и популяризации политики советского правительства, культовые сооружения использовались в политических мероприятиях, как например Московская Соборная мечеть после 1950-х годов стала площадкой для встреч советского руководства и лидеров мусульманских стран [21, с. 81—83]. Православный фактор руководство СССР использовало также в противодействии Ватикану и оказания влияния на русскую миграцию. В результате с 1945 г. по 1948 г. часть эмигрантских приходов перешла под контроль РПЦ, а в 1949 г. Уния вошла в состав РПЦ, ослабив тем самым влияние Ватикана [5, с. 11—12]. Религиозным лидерам в СССР приходилось принимать в этой игре активное участие, в противном случае последствия были предсказуемы, при этом о духовной работе с населением речи и не шло. Религиозный фактор так же активно использовался и во внутренней политике и одним из примеров этого служит рекомендация советского руководства муфтиям об обращении к мусульманам о соблюдении трудовой дисциплины в дни ежегодного мусульманского поста, чтобы не допустить срыва полевых работ [2, с. 30].

Создание в годы войны духовных центров помимо действующего в Уфе дополнительно трёх муфтиятов (Ташкент, 1943; Буйнакск, 1944; Баку, 1944) имело не только международное, но и внутреннее позитивное значение. Можно здесь усмотреть желание властей не допускать консолидацию мусульман в общесоюзном масштабе [30, с. 67]. Вместе с тем следует отметить, что: во-первых, оно не противоречило каноническим традициям ислама, а также желанию мусульман регионов и его элиты, во-вторых, раскрывало мобилизационные ресурсы мусульман регионов и, в-третьих, облегчало управляемость при учёте специфики мусульманской жизни в этих образованных округах. Они помимо идейно-моральной поддержки активно помогали в сборе финансовых и материальных ресурсов для нужд фронта. Советское руководство приносило значение религиозного фактора, приписывая победу исключительно руководству страны, но при этом сотни тысяч верующих были награждены орденами и медалями [22, с. 278]. В последние годы войны антирелигиозная пропаганда стала маскироваться под «научно-просветительскую» работу с населением. Религиозная политика СССР складывалась из четырех факторов: а) требование союзников Англии и США для получения материально-технической помощи; б) продуманная политика нацистской Германии на оккупированных территориях; в) стабилизация обстановки внутри страны и объединение усилий советских граждан в борьбе с фашизмом; г) внешнеполитическая стратегия, направленная на улучшение имиджа СССР [26, с. 88—89].

Методы воздействия нацистской Германии на религиозное сознание верующих советского союза. Немецкое командование пыталось использовать исламский фактор уже в Первой Мировой войне, привлекая исламские лозунги и символы,

привлечь военнопленных мусульман к борьбе против стран Антанты. Причём это при непосредственном участии Османской империи, которая в 1914 г. объявила священную войну (джихад) в защиту халифата от нападения христиан (стран Антанты), однако должного отклика это не принесло [8, с. 110].

Для воздействия на мусульман в 1933 г. нацисты установили тесные контакты с Великим Иерусалимским муфтием Амином аль-Хуссейни, который неоднократно посещал лагеря подготовки легионеров-мусульман и призывал их к священной войне против «неверных», нацисты поддерживали тесные контакты с эмигрантами-мусульманами из СССР. На оккупированных территориях открывались закрытые культовые сооружения, объявлялась свобода вероисповедания, повсеместно расклеивались плакаты с исламской символикой и призывом свержения советской власти, даже Гитлер изображался в чалме и распространялись слухи о его принятии ислама. Германия всячески пыталась вовлечь Турцию, Иран и другие исламские страны в борьбу с СССР. Создавались отдельные мусульманские воинские части, которые имели возможность выполнять религиозные обряды, кроме паломничества в Мекку, учитывались особенности питания мусульман, справлялись мусульманские праздники, даже был издан миниатюрный Коран для солдат, в каждой роте были введены должности муллы, не только для исполнения религиозных обрядов, но и для контроля настроений солдат-мусульман. Нацисты выступали, как борцы за веру против атеистического СССР, при этом проводя политику по разделению наций и конфессий [4, с. 128—133].

На оккупированных территориях часть немцев выдавали себя за мусульман, показательно выполняя культовые обряды. Муллы должны были оправдывать карательные операции нацистов и оказывать содействие нацистской администрации. Для пропагандистских целей нацисты использовали радио и газеты на языках местного населения. Так же активно продвигали идею национального суверенитета так, что многие кавказские народы считали сотрудничество с немцами продолжением борьбы за независимость. Вопрос перехода пленных на сторону нацистов, следует рассматривать не столько с идеологической точки зрения, сколько с позиции прагматики, чтобы выжить. В дальнейшем общеизвестно немало примеров героического сопротивления пленных в лагерях, например, группы татарского поэта М. Джалиля и провал фашистского проекта «Идел-Урал» в связи с переходом легионеров в сторону партизан Белоруссии, и это понятно, поскольку они не были по-настоящему врагами, многие пошли в легион только с одной целью: переждать, сохранить свою жизнь [9]. Для привлечения населения использовалась «национальная стилизация». В частности, для привлечения горцев немцы ссылались на имама Шамиля, как на борца с российской экспансией, обыгрывалось сходство гербовых символов — кавказского орла и орла Рейха. В 1944 г. в Берлине издавалась газета «Газават», рассказывающая о борьбе горцев в рядах нацистов. Подверглись активным нападкам и религиозные деятели СССР, которые обвинялись в псевдорелигиозной политике и религиозной некомпетентности [29, с. 48—51].

В отношении православных проводилась аналогичная политика: было запрещено работать в дни церковных праздников, соблюдающим предписания религии предоставлялись привилегии. Выпускалась религиозная литература, в школьную

программу было включено изучение Библии, священники на оккупированных территориях проводили службы во имя победы гитлеровской Германии, за упокой немецких солдат и борцов с советской властью, шёл сбор средств для нужд вермахта [19, с. 101—103]. Отличительной особенностью конфессиональной политики фашистов на оккупированных территориях (в частности, на Северном Кавказе) было то, что они не преследовали обновленцев в отличие от советского правительства, которое признало часть из них антиобщественными, за отказ нести военную службу по религиозным убеждениям [24, с. 93—96]. При этом попытки использовать религиозный и национальный фактор использовались нацистами и в Албании, при создании боснийской дивизии СС «Ханджар» и албанской «Скандербег», названная в честь национального героя, что так же указывает на смену прежней расовой и культурно-религиозной политики гитлеровской Германии [27, с. 119].

Выводы. Если для советского руководства религия была лишь способом консолидации народа и достижения победы, то для рядовых советских граждан, особенно для тех, кто сражался, вера подчас была единственным способом пережить ужасы войны [19, с. 106]. Тем более известно, что в экстремальных условиях религиозность части населения намного усиливается. При этом нередко религиозные нормы претерпевали трансформацию — женщины-муллы в Поволжье, что объяснялось нехваткой имамов-мужчин, либо вера приобретала формы проявления язычества, в виде различных суеверий и мистицизма [10, с. 69—70]. Для верующего человека религия является сердцевинной его жизни, неразрывно связанной с его существованием, по этой причине зачастую борьба верующих за ту или иную сторону конфликта продиктована не сиюминутной политической или экономической выгодой, а более возвышенными целями. Одним из примеров этого наличие в белогвардейских рядах мусульманского и православного духовенства, объединившихся в борьбе с атеистами-большевиками [12, с. 77]. Черчилль в своё время подметил, что: «Советский Союз сумел выиграть войну только тогда, когда речь шла о защите Родины и веры, а не власти коммунистов» [21, с. 79]. Непростая была ситуация на оккупированных территориях для священнослужителей, они оказались меж двух огней с одной стороны нацисты, с другой — партизаны. За сотрудничество с одной из сторон другая сторона применяла карательные меры [25, с. 22].

Заключение. Великая Отечественная война — это великая народная трагедия, сломавшая жизнь миллионов людей, и проявление невиданного народного героизма в защите своей свободы и родной земли. Советский народ наряду с советско-коммунистической идеологией во многом ещё сохранивший разные религиозно-мировоззренческие ориентиры показал новый уровень межэтнической и межконфессиональной консолидации, что явилось неоспоримым вкладом в победу. При этом мусульмане СССР, как и представители других традиционных конфессий, на практике продемонстрировали, что, сохраняя верность своей вере, они патриоты своей Родины, и их патриотизм, направляемый государством, стал одним из факторов Победы. Одной из причин патриотизма верующих стала надежда на смягчение государственной конфессиональной политики СССР и выстраивание конструктивных отношений, в том числе с носителями исламского мироощущения. В силу доктринальных идейно-мировоззренческих установок социального проекта

партии коммунистов это не могло осуществиться. Многоконфессиональный народ нашей страны, несмотря на различные политические, экономические и социальные условия всегда защищал свою Родину, связующим фактором выступала историческая, культурная и территориальная общность, что даёт надежду и на дальнейшее укрепление межконфессиональных и межнациональных связей народов России.

Список литературы

1. Арапов Д. Ю. Исламская политика Екатерины Великой // Вестник Московского университета. Серия 8: история. 2014. № 5. С. 25—37.
2. Арзамаскин Ю. Н. Государственно-мусульманские отношения в СССР в 1944—1949 гг. // Ислам в современном мире. 2017. Том 13. № 4. С. 25—36.
3. Ахмадуллин В. А. Деятельность партийно-государственного аппарата СССР и центрального духовного управления мусульман по сплочению населения и организации помощи фронту в первом периоде Великой Отечественной войны (июнь 1941 — ноябрь 1942 гг.) // Военный академический журнал. 2015. № 2 (6). С. 38—46.
4. Ахмадуллин В. А. Попытки нацистов германии использовать ислам и мусульман в войне против Советского Союза // Вестник ВЭГУ. 2007. № 31—32. С. 127—144.
5. Ахмедов Р. М. Особенности государственно-конфессиональной политики Советского государства в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (1941—1950 гг.) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 5. С. 9—13.
6. Баймов А. Г. Актуальные исследования о мусульманском военном духовенстве в России: историографический обзор // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12-1 (39). С. 35—40. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11839.
7. Гаврилова Ю. В. Диалектика естественных и социальных факторов формирования религиозного сознания // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 6. С. 59—62.
8. Гатауллина Л. Р. Из истории создания военных формирований татарских джихадистов в Германии (1915—1916 гг.) (по материалам архива Министерства иностранных дел Германии) // Учёные записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 2. С. 109—115.
9. Гилязов И. А. Драма легиона «Идель-Урал». URL: <https://www.svoboda.org/a/27689788.html> (дата обращения 16.05.2020).
10. Гусева Ю. Н. Метаморфозы религиозной идентичности «советских» мусульман в годы войны (на примере Поволжья) // Проблемы изучения военной истории. Сборник статей Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2015. С. 68—71.
11. Ершов В. Ф. Черкесы и чеченцы на службе в российской императорской армии в XIX — начале XX в.: традиции боевого братства и толерантности // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. № 1 (44). С. 24—31. DOI: 10.25744/vestnik.2019.44.1.003.
12. Зайнутдинов Д. Р. Тюрко-татарское мусульманское духовенство в антибольшевистском движении в период гражданской войны в 1918 году // Исламоведение. 2015. № 4. С. 15—26.
13. Ибрагим Т. К., Ефремова Н. В. Сира: Жизнеописание пророка Мухаммада (углублённое изучение истории и культуры ислама). Казань: Магариф, 2008. Т. 1. 319 с.
14. Ислам: происхождение, особенности вероучения и культура. URL: https://studwood.ru/529374/religiovedenie/islam_proishozhdenie_osobennosti_veroucheniya_kulta (дата обращения 26.03.2020).
15. Какагасанов Г. И. Взаимоотношения власти и религии в Дагестане в годы великой отечественной войны (1941—1945 гг.) // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 2. С. 40—45.

16. Карев П. В. Антропологические факторы победы в Великой Отечественной войне // Российский электронный научный журнал. 2014. № 2. С. 36—43.
17. Карев М. Н. Мусульманские части в российской армии // Защита и безопасность. 2015. № 1 (72). С. 26—29.
18. Красовицкая Т. Ю., Водопьянова З. К. «Наша пропаганда в Средней Азии большой политической вопрос оставила в тени». Документы РГАЛИ о недостатках советской пропаганды в среднеазиатских республиках СССР. Декабрь 1941 г. // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 135—152.
19. Кринко Е. Ф. Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (13). С. 98—112.
20. Мельков С. А., Рязяпов Н. Л. А кто в России не патриот? // Власть. 2016. № 06. С. 221—224.
21. Нуриманов И. А. Государственно-исламские отношения в СССР до, во время и после Великой Отечественной войны: на примере возобновления хаджа и создания духовных управлений // Ислам в современном мире. 2017. № 1 (13). С. 71—87. DOI: 10.22311/2074-1529-2017-13-1-71-88
22. Рольский А. И. Политика религиозной лояльности советского государства в отношении ислама в период Великой Отечественной войны. К историографической постановке вопроса // Омские научные чтения — 2018. Материалы Второй Всероссийской научной конференции. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2018. С. 277—279.
23. Палеолог М. В. Религиозные конфессии СССР в годы великой отечественной войны // Постсоветский материк. 2015. № 2 (6). С. 117—136.
24. Письменная Т. Г., Рябиков А. Н., Гречишко Д. Н. Особенности конфессиональной политики на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9 № 5/2. С. 92—99. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-92-99
25. Торосян В. Г., Тедеева Т. Т. Религия и церковь в годы Великой Отечественной войны // Культура и время перемен. 2018. № 1(20). С. 17—28.
26. Трегубенко В. В. Взаимодействие Совета по делам религиозных культов с неправославными религиозными объединениями на Ставрополье и Кубани на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944—1945 гг.) // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». 2011. № 7. С. 88—93.
27. Фролов Д. И. «Мусульманский эксперимент» г. Гимлера: боснийская дивизия войск СС «Ханджар» // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3 (10). С. 119—134.
28. Халидова О. Б. Религия, духовенство и государство в годы Великой Отечественной войны в Северо-Кавказском регионе // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 3. С. 58—65.
29. Хорольская М. В. Нацистская пропагандистская работа среди населения Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 2. С. 45—55.
30. Юнусова А. Б. Деятельность муфтия ЦДУМ России Р. Фахретдинова по сохранению исламского вероучения в большевистской России // Проблемы востоковедения. 2009. № 2 (44). С. 63—72.

Авторская справка

НАБИЕВ Ринат Ахматгалиевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия.

E-mail: professor.nabiev@yandex.ru.

ФАТХУЛЛИН Рамис Альбертович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. Научный сотрудник Центра межрелигиозного диалога, Болгарская исламская академия, Болгар, Россия. E-mail: ramismuslim@mail.ru.

UDC 140.8

DOI 10.25686/2410-0773.2020.3.118

FEATURES OF THE MOBILIZATION OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS OF MUSLIMS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

R. A. Nabiev¹, R. A. Fatkhullin^{1,2}

¹Kazan (Volga region) Federal University, Kazan (Russia);

²Bolgar Islamic Academy, Bolgar (Russia)

Introduction. The relevance of the study is associated with methods of influencing the religious consciousness of a believer with the aim of using it as a resource in achieving the goals set by the example of Russian Muslims and methods of influencing their religious consciousness to achieve victory in the Great Patriotic War. Target settings for influencing religious consciousness can be oriented towards obtaining a positive result both in the case of repelling an invasion of fascist Germany and achieving purely mercantile or narrow political interests. The problem of manipulating religious consciousness does not lose its relevance in view of the constant attempts of various destructive movements to use the religious factor in their interests. The goal is to understand how the impact on religious consciousness, taking into account the ethno-confessional factor, affects their loyalty and empathy, which contribute to the formation of an all-Russian spiritual unity.

Methods. The method of historical and logical unity was used in the article to study the empathy of religious consciousness while creating favorable conditions for implementation, using the example of a set of measures of the USSR and Nazi Germany, aimed at using human resources to achieve victory.

Results. It is shown that the correct impact on religious consciousness, using religious symbols, authorities, an appropriate interpretation of religious sources, is an effective means to achieve their goals. But at the same time, the close relationship between the religious and national self-identification of individuals is shown, which plays a key role with equal methods of influencing religious consciousness.

Conclusion. It turned out that religious consciousness is an effective factor in attracting believers to achieve their goals, the effectiveness of which also depends on national and state self-identification. Religious disagreements fade into the background when there is a common threat to representatives of these faiths.

Keywords: consciousness, religion, faith, Islam, USSR, Germany, Christianity, victory, war, patriotism.

References

1. Arapov D. Yu. Islamskaya politika Ekateriny Velikoy [Islamic politics of Catherine the Great], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: istoriya [The Bulletin of Moscow University. Series 8: The History], 2014, No. 5, pp. 25—37.
2. Arzamaskin Yu. N. Gosudarstvenno-musul'manskie otnosheniya v SSSR v 1944—1949 gg. [Muslim-State Relations in the USSR in 1944—1949], Islam v sovremennom mire [Islam in the modern world], 2017, Vol. 13, No. 4, pp. 25—36
3. Akhmadullin V. A. Deyatel'nost' partiyno-gosudarstvennogo apparata SSSR i tsentral'nogo dukhovnogo upravleniya musul'man po splocheniyu naseleniya i organizatsii pomoshchi frontu v pervom periode Velikoy Otechestvennoy voyny (iyun' 1941 — noyabr' 1942 gg.) [The activities of the party-state apparatus of the USSR and the central spiritual administration of Muslims to rally the population and organize assistance to the front in the first period of World War II (June 1941 - November 1942)] Voennyi akademicheskii zhurnal [Military Academic Journal], 2015, No. 2 (6), pp. 38—46.
4. Akhmadullin V. A. Popytki natsistov germanii ispol'zovat' islam i musul'man v voyne protiv Sovetskogo Soyuza [German Nazi attempts to use Islam and Muslims in the war against the Soviet Union], Vestnik VEGU, 2007, No. 31-32, pp. 127—144
5. Akhmedov R. M. Osobennostigosudarstvenno-konfessional'noypolitikiSovetskogogosudarstvavperiodVelikoyOtechestvennoyvoynyivpervyeposlevoennyeg ody (1941—1950 gg.) [Features of the state-confessional policy of the Soviet state during the Great Patriotic War and in the first post-war years (1941—1950)] Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD

Rossii [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2010, No. 5, pp. 9—13.

6. Baimov A. G. Aktual'nye issledovaniya o musul'manskom voennom dukhovenstve v Rossii: istoriograficheskiy obzor [Actual research on the Muslim military clergy in Russia: a historiographic review] *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2019, No.12-1 (39), pp. 35—40. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11839

7. Gavrilova Ju. V. Dialektika estestvennykh i social'nykh faktorov formirovaniya religioznogo soznaniya [Dialectics of natural and social factors in the formation of religious consciousness], *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2011, No. 6, pp. 59—62.

8. Gataullina L. R. Iz istorii sozdaniya voennykh formirovaniy tatarskikh dzhikhadistov v Germanii (1915-1916 gg.) (po materialam arkhiva Ministerstva inostrannykh del Germanii) [From the history of the creation of military formations of the Tatar jihadists in Germany (1915—1916) (based on materials from the archive of the German Ministry of Foreign Affairs)], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki* [Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki], 2010, Vol. 152, b. 3, ch. 2, pp. 109—115.

9. Gilyazov I. A. Drama legiona «Idel'-Ural» [Drama of the Legion “Idel-Ural”]. Available at: URL: <https://www.svoboda.org/a/27689788.html> (accessed 20 May 2020).

10. Guseva Yu. N. Metamorfozy religioznoy identichnosti «sovetskikh» musul'man v gody voyny (na primere Povolzh'ya) [Metamorphoses of the religious identity of “Soviet” Muslims during the war (on the example of the Volga region)] *Problemy izucheniya voennoy istorii* [Problems of studying military history], collection of articles of the Third All-Russian Scientific Conference with international participation, 2015, pp. 68—71.

11. Ershov V. F. Cherkesy i chechentsy na sluzhbe v rossiyskoy imperatorskoy armii v XIX — nachale XX v.: traditsii boevogo bratstva i tolerantnosti [Circassians and Chechens in the service of the Russian imperial army in the 19th — early 20th centuries: traditions of combat fraternity and tolerance], *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic], 2019. No. 1 (44), pp. 24—31. DOI: 10.25744/vestnik.2019.44.1.003

12. Zaynutdinov D. R. Tyurko-tatarskoe musul'manskoe dukhovenstvo v antibol'shevistskom dvizhenii v period grazhdanskoy voyny v 1918 godu [Turkic-Tatar Muslim clergy in the anti-Bolshevik movement during the civil war in 1918], *Islamovedenie* [Islamic Studies], 2015, No. 4, pp. 15—26.

13. Ibragim T. K., Efremova N. V. Sira: Zhizneopisanie proroka Muhammada (uglublennoe izuchenie istorii i kul'tury islama) [Syrah: Biography of the Prophet Muhammad (in-depth study of the history and culture of Islam)], Kazan: Magarif, 2008, Vol. 1, 319 p.

14. Islam: proishozhdenie, osobennosti veroucheniya i kul'ta [Islam: origin, features of dogma and worship]. Available at: URL: https://studwood.ru/529374/religiovedenie/islam_proishozhdenie_osobennosti_veroucheniya_kulta (accessed 20 March 2020).

15. Kakagasanov G. I. Vzaimootnosheniya vlasti i religii v Dagestane v gody velikoy otechestvennoy voyny (1941—1945 gg.) [The relationship of power and religion in Dagestan during the Great Patriotic War (1941—1945)] *Vestnik Instituta IAE* [Bulletin of the IAE Institute], 2011, No. 2, pp. 40—45.

16. Karev P. V. Antropologicheskie faktory pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne [Anthropological factors of victory in the Great Patriotic War], *Rossiyskiy elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Russian Electronic Scientific Journal], 2014, No 2, pp. 36—43.

17. Karev M. N. Musul'manske chasti v rossiyskoy armii [Muslim units in the Russian army], *Zashchita i bezopasnost'* [Protection and Security], 2015, No. 1 (72), pp. 26—29.

18. Krasovitskaya T. Yu., Vodop'yanova Z. K. «Nasha propaganda v Sredney Azii bol'shoy politicheskiy vopros ostavila v teni». Dokumenty RGALI o nedostatkakh sovetskoy propagandy v sredneaziatskikh respublikakh SSSR. Dekabr' 1941 g. [“Our propaganda in Central Asia has left a big political issue in the background.” Documents RGALI on the shortcomings of Soviet propaganda in the Central Asian republics of the USSR. December 1941] *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the archivist], 2016, No. 3, pp. 135—152.

19. Krinko E. F. Religioznaya zhizn' v tylu i na fronte v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Religious life in the rear and at the front during the Great Patriotic War] *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University], 2015, No.1 (13), pp. 98—112.

20. Mel'kov S. A., Ryazhapov N. L. A kto v Rossii ne patriot? [And who is not a patriot in Russia?], *Vlast'* [Power], 2016, No.06, pp.221—224.

21. Nurimanov I. A. Gosudarstvenno-islamskie otnosheniya v SSSR do, vovremya i posle Velikoy Otechestvennoy voyny: na primere vozobnovleniya khadzha i sozdaniya dukhovnykh upravleniy [State-Islamic relations in the USSR before, during, and after World War II: the example of the resumption of the Hajj and the creation of spiritual administrations] *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world], 2017, No. 1 (13), pp. 71—87. DOI: 10.22311/2074-1529-2017-13-1-71-88
22. Rol'skiy A. I. Politika religioznoy loyali'nosti sovetskogo gosudarstva v otnoshenii islama v period Velikoy Otechestvennoy voyny. K istoriograficheskoy postanovke voprosa [The policy of religious loyalty of the Soviet state in relation to Islam during the Great Patriotic War. On the historiographic formulation of the question] *Omskie nauchnye chteniya* — 2018. Materialy Vtoroy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet im. F.M. Dostoevskogo [Omsk Scientific Readings - 2018. Materials of the Second All-Russian Scientific Conference. Omsk: Omsk State University. F.M. Dostoevsky], 2018, pp. 277—279.
23. Paleolog M. V. Religioznye konfessii SSSR v gody velikoy otechestvennoy voyny [Religious denominations of the USSR during the great Patriotic war] *Postsovetskiiy materik* [Post-Soviet mainland], 2015, No. 2 (6), pp. 117—136.
24. Pis'mennaya T. G., Ryabikov A. N., Grechishko D. N. Osobennosti konfessional'noy politiki na Severnom Kavkaze v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Features of confessional policy in the North Caucasus during the Great Patriotic War] *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 2017, Vol. 9, No. 5/2, pp. 92—99. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-92-99
25. Torosyan V. G., Tedeeva T. T. Religiya i tserkov' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Religion and the Church during the Great Patriotic War] *Kul'tura i vremya peremen* [Culture and Time for Change], 2018, No. 1(20), pp. 17—28.
26. Tregubenko V. V. Vzaimodeystvie Soveta po delam religioznykh kul'tov s nepravoslavnymi religioznymi ob'edineniyami na Stavropol'e i Kubani na zavershayushchem etape Velikoy Otechestvennoy voyny (1944—1945 gg.) [Interaction of the Council for Religious Cults with non-Orthodox religious associations in the Stavropol and Kuban regions at the final stage of the Great Patriotic War (1944—1945)] *Nauchno-teoreticheskiy zhurnal «Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy»* [Scientific and theoretical journal “Scientific problems of humanitarian research”], 2011, No. 7, pp. 88—93.
27. Frolov D. I. "Musul'manskiy eksperiment" g. Gimmlera: bosniyskaya diviziya voysk SS «Khandzhar» [Himmler's Muslim Experiment: Bosnian SS Khanjar Division] *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy* [Journal of Russian and East European Historical Studies], 2017, No. 3 (10), pp. 119—134.
28. Halidova O. B. Religija, duhovenstvo i gosudarstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny v Severo-Kavkazskom regione [Religion, clergy and the state during the Great Patriotic War in the North Caucasus region], *Vestnik Instituta IAJe* [Bulletin of the IAE Institute], 2016, No 3, pp. 58—65.
29. Horol'skaja M. V. Nacistskaya propagandistskaya rabota sredi naselenija Severnogo Kavkaza v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Nazi propaganda work among the population of the North Caucasus during the Great Patriotic War] *LOKUS: ljudi, obshhestvo, kul'tury, smysly* [LOCUS: people, society, culture, meanings], 2018, No 2, pp. 45—55.
30. Yunusova A. B. Deyatel'nost' muftiya TsDUM Rossii R. Fakhretdinova po sokhraneniyu islamskogo veroucheniya v bol'shevistskoy Rossii [The activity of the mufti of the Central House of Artists of Russia R. Fakhretdinov on the preservation of Islamic faith in Bolshevik Russia], *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies], 2009, No.2 (44), pp. 63—72.

Author's Bio

NABIEV Rinat Akhmatgalievich, Doctor of History, Professor of the Department of History of Tatarstan, Archeology and Ethnology, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: professor.nabiev@yandex.ru.

FATKHULIN Ramis Albertovich, graduate student, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia. Researcher, Center for Interreligious Dialogue, Bulgarian Islamic Academy, Bolgar, Russia.

E-mail: ramismuslim@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Р. А. Набиев, Р. А. Фатхуллин. Особенности мобилизации религиозного сознания мусульман в ходе великой отечественной войны // SocioTime / Социальное время. — 2020. — № 3 (23). — С. 118—128. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.118

УДК 903.25

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.129

ДРЕВНЕМАРИЙСКИЕ БРАСЛЕТЫ С «ГОЛОВКАМИ»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СЕМАНТИКА

А. Н. Павлова

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)

Введение. Неотъемлемым элементом древнемарийского костюма были браслеты, в декоре которых нередко использовался образ змеи. Целью настоящей статьи является исследование происхождения и семантики браслетов «с головками». Образ змеи, нашедший воплощение в этих украшениях, позволит раскрыть одну из граней семантики древнемарийского костюма.

Методы. Объектом настоящего исследования являются браслеты «с головками», найденные в ходе раскопок древнемарийских могильников рубежа I—II тыс. н. э., которые рассматриваются на основе междисциплинарного подхода с использованием методов семиотики, структурного и функционального анализа, с точки зрения их происхождения и символического значения.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Браслеты «с головками», имеющие параллели в культуре балтских и восточнославянских этносов, органично вошли в систему древнемарийского костюма начала II тыс. н. э. Семантически они были близки другим подобным украшениям, отражая комплекс представлений, связанных с образом змеи, имеющих параллели в культуре индоевропейских этносов. В марийской мифологии, змея воспринималась и как космический персонаж и как существо, охраняющее семейное благополучие, что определило его место в системе космологических представлений, нашедших отражение в костюме.

Заключение. Распространение браслетов «с головками» у древнемарийских племён обусловлено семантикой образа змеи, сложившейся в ходе контактов финно-угорского и индоевропейского культурных миров и отражавшей глубинные архетипические представления.

Ключевые слова: древние марийцы, балты, браслеты «с головками», семантика, образ змеи.

Введение. Одним из излюбленных украшений финно-угров Поволжья, включая древнемарийские племена, были браслеты, входившие как в мужской, так и в женский костюм. На рубеже I—II тыс. н. э. у древнемарийского населения получили распространение различные типы этих украшений: шести- и восьмигранные, плоские и плетёные с разным оформлением концов. Многие из них, судя по форме и орнаментации, воспроизводили образ змеи, один из наиболее распространённых в декоре браслетов разных исторических эпох. Обращение к этому образу диктовала форма предмета кольцо или спираль, а также роль змеи в системах религиозно-мифологических представлений различных этносов [27, с. 387—389].

У древнемарийских племён, как и других групп финно-угорского населения Поволжья, на рубеже I—II тыс. н. э. образ змеи вошёл в число основных зооморфных образов, уступая по популярности лишь коню и водоплавающей птице. Для его воплощения в браслетах использовались разные приёмы: спиралевидная форма, «змеиная» орнаментация (ёлочка или зигзаг [4, С. 17]), оформление концов браслета в форме змеиных головок с разной степенью проработки деталей. Поэтому среди всего многообразия «змеиных» браслетов древнемарийских племён нами будут выбраны в качестве объекта исследования браслеты с объёмным изображением змеиной головки или, как определила их Т. Б. Никитина «ушастоконечные» браслеты [13, С. 65]. Предполагается проследить географию их распространения,

историю развития и семантику образа змеи в искусстве финно-угорского населения региона.

Методы. Исследование истории и семантики данного украшения предполагает использование междисциплинарного подхода, исходящего из его значения как художественного символа, возникшего в рамках мифологического сознания финно-угорского населения Поволжья, которое не может рассматриваться отдельно от мифологического бытия [26, С. 53]. Основным в данном случае будет являться системный подход, а также структурно-функциональный, предполагается использование семиотического подхода. Основными методами исследования являются: сравнительно-исторический, исторической и гипотетической реконструкции, систематизации и типологизации и другие.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Исследованию зооморфных украшений финно-угорского населения Поволжья, имеющих большое значение для определения хронологии и этнической принадлежности памятников и отдельных комплексов, посвящён ряд исследований археологов. К их числу можно отнести работы Л. А. Голубевой «Зооморфные украшения финно-угров» [6] и Е. А. Рябининой «Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв.» [20], где рассматриваются украшения, в декоре которых использованы такие центральные для финно-угорского искусства образы как конь, водоплавающая птица. Как часть этнического костюма браслеты рассматривались в работах А. Е. Алиховой, Р. Ф. Ворониной, Е. И. Горюновой, М. Ф. Жиганова, А. А. Спицына и других. Т. Б. Никитина отметила, что большое число браслетов — отличительная черта костюма финно-угров Поволжья, используя их как важный датирующий признак [13, С. 86]. Однако украшения с изображением змеи не были проанализированы в рамках данных исследований.

Число браслетов с профилированными змеиными головками сравнительно невелико. На фоне общего количества украшений такого рода: у древнемарийских племён было принято носить по несколько браслетов на каждой руке. Они встречаются на трёх древнемарийских могильниках Веселовском, Дубовском и Нижней Стрелке. Т. Б. Никитина определила хронологию ряда погребений Веселовского могильника и могильника Нижняя Стрелка, где были обнаружены браслеты со «змеиными» головками, датировав их периодом XI — начала XII, точнее второй половиной XI — началом XII вв. [13, С. 64—65, 68—69].

Браслеты со «змеиными» головкам из древнемарийских могильников имеют прямоугольное (квадратное) сечение, исключение составляет браслет из погр. 29 Веселовского могильника полуовальный в сечении по основной длине, но с квадратными концами [13, С. 180, рис. 74, 3].

На древнемарийских могильниках подобные украшения единичны, проследить их связь с мужским или женским костюмом сложно. Возможно, существовали какие-то местные особенности ношения этих украшений. Например, на Веселовском могильнике они найдены в двух женских захоронениях (погр. 22 и 25), двух — мужских (погр. 2, 29) и одном, принадлежавшем подростку (погр. 28), а также в составе ритуального комплекса. На Дубовском могильнике браслеты с головками найдены в двух женских захоронениях (40, 41) и одном мужском (31). На

могильнике Нижняя стрелка почти все из рассматриваемых браслетов обнаружены в составе кенотафов или жертвенно-ритуальных комплексов, за исключением украшения из погребения 5, принадлежавшего женщине.

Браслеты «с головками» получили достаточно широкое распространение среди населения региона. Подобные украшения, которые правильнее было бы назвать браслеты с «личинами», встречаются в рязано-окских могильниках, например, могильник Борки [25, табл. XL, 12]. В оформлении концов данных браслетов можно увидеть и человеческие лица, и морды фантастических или реальных животных. Для браслетов из древнемарийских могильников характерны хорошо проработанные выступы глаз пресмыкающегося, указывающие на змею. Сходное украшение было обнаружено в погр. 19 Максимовского могильника [21, табл. XXVII, 9], а также у древней мордвы [24, рис. 1]. Наиболее близким аналогом подобных украшений являются браслеты с головками из Верхневолжских славянских курганов [22, рис. 3, 15], а также могильников селов, куршей и латгалов [25, табл. СХІІІ, 2; табл. СХІV, 28; табл. СХХV, 13]. Латгальские браслеты со звериными головками, датируемые X—XIII вв. отличаются большим разнообразием как в плане формы (витые, с ребром и пр.), так и нанесённых рисунков, для них можно проследить изменение способа оформления самой головки в плане тщательности проработки деталей [18, С. 105, рис. 7, 14]

На первый взгляд орнаментация древнемарийских браслетов «с головками» проще, чем у латгальских. Однако присутствуют сходные мотивы, например, из треугольников, направленных вершинами в противоположные стороны, погр. 21 и 29 Веселовского могильника [13, рис. 58, 4; рис. 74, 3] и A2331 Виесиенас Тропелес [18, С. 88; рис. 14, 3]. Браслет из погр. 29 Веселовского могильника, как и латгальский, являлся мужским. Также встречен орнамент из треугольников, направленных вершинами друг к другу: погр. 41 Дубовского могильника [13, рис. 45, 2] и Звиргзденес Иснауда (A 7735: 15) [18, С. 88; рис. 14, 5], и мотив кружка с точкой. Латгальские браслеты отличаются более пышной орнаментацией, где присутствует соединение указанных мотивов, тогда как для древнемарийских браслетов характерно использование одного мотива, а также его упрощение, или вообще отсутствие орнамента. Указанные орнаментальные мотивы получили дальнейшее развитие в декоре древнемарийских браслетов, например, мотив кружка с точкой прослеживается на браслетах III Выжумского и Починковского могильников, также имитирующих змею [2, рис. 2, 12—23].

Время появления браслетов с головками у латгалов А. Радиньш определяет как начало XI в., но распространены в регионе они были и в XII—XIII вв., являясь как женским, так и мужским украшением [18, С. 90]. Можно заключить, что в Среднем Поволжье рассматриваемые варианты браслетов «с головками» появились в результате контактов с балтами, время их бытования было непродолжительным, наряду с ними существовали и другие формы подобных украшений со сходной семантикой. Одной из особенностей ношения браслетов у древних мари, как и ряда других этнических групп финно-угров Поволжья, было их симметричное расположение в женском костюме и асимметричное в мужском, т. е. у женщин браслетами были украшены обе руки, тогда как у мужчин браслеты могли быть на

одной руке [16, С. 186]. Браслеты с головками могли носить по несколько экземпляров, располагая их на одной руке, что, например, прослеживается в мужском погребении 2 Веселовского могильника, где на левой руке погребённого было три браслета, два из них с головками. В женских захоронениях подобные браслеты входили в общий комплекс украшений рук, их необязательно носили попарно.

У латгалов: в женских захоронениях браслеты встречались на обеих руках, однотипные по рисунку и в одинаковом количестве. Это позволило предположить, что браслеты изготавливались парами [18, С. 89]. В мужских захоронениях латгалов раннего периода браслеты располагались асимметрично, браслеты «с головками» иногда носили по несколько штук на одной руке, [18, С. 104—105]. Таким образом, расположение браслетов «с головками» в мужском костюме древних маришцев имеет параллели с балтским, в данном случае латгальским, тогда как в женском костюме они являлись одной из разновидностей подобных украшений. Использование браслетов в мужском костюме Восточной Европы рубежа IX—XI вв. может быть связано с традициями воинской культуры, носившей интернациональный характер, несмотря на то, что особые воинские браслеты у финно-угров Поволжья выделить не удаётся.

В отличие от мужского женский костюм в любой культуре сохранял больше этнических элементов, т.н. «символов для своих» [1, С. 17]. У древнемаришских племён женщины изготавливали некоторые украшения [14, С. 17], играя важную роль в сохранении и трансляции семантической системы костюма. Браслеты «с головками» стали частью этой семантической системы, поскольку образ змеи использовался в декоре подобных украшений начиная с ананьинской эпохи.

Контакты финно-угорского населения Поволжья с индоевропейским миром, нашедшие отражение в религиозно-мифологических представлениях и произведениях искусства, прослеживаются со II тыс. до н. э. В период VII—VI вв. до н. э. финно-угорское население Маришского Поволжья использует в декоре украшения с образом змеи. Оно появляется как в сложных композициях, например, бляха из погр. 704 Старшего Ахмыловского могильника, семантика которых уходит не только в финно-угорскую, но и индоиранскую мифологию, так и в сравнительно простых предметах браслетах, булавах [17, рис. 16—18].

В маришском фольклоре змея предстаёт существом, обладающим как положительными, так и отрицательными качествами. Согласно маришским заговорным текстам змеи обитают на дне болот, озёр, морей, в нижнем подводно-подземном мире [12, С. 111—112]. О связи змеи с водой и злым водным существом Сюэтер говорится и в «Калевале» [11, Р. 15]. При этом змея, рождённая в воде и связанная с землёй, была подательницей плодородия [7, С. 51; 8, С. 146], обладала способностью воскресать в этих средах [12, С. 111, 115].

В маришском фольклоре упоминаются также домовые змеи, «сұрт кишке», покровительствующие дому и домашнему скоту, выступавшие в роли первопретка. Поэтому при трудных родах женщине давали пить воду, в которую предварительно обмакивали змеиные рожки [12, С. 113, 116—117]. Змей как первопреток мог считаться супругом всех женщин, и их покровителем. Браслеты со змеиной

символикой должны были защитить здоровье женщины, её фертильные качества, а также дать богатство и благополучие её дому.

Сходные представления были связаны со змеёй и в индоевропейской, в том числе балтской мифологии. Литовский Айтварас (латышский Пуке) — огненный змей, обитавший в хозяйственных постройках и приносящий своему хозяину богатство, в дохристианский период предположительно был божеством достатка и взаимоотношений между людьми [28, С. 19.]. Славянский аналог Айтвараса — Огненный Змей, способный внушать страсть женщинам, согласно заговорным текстам, кроме того был воплощением стихии огня [9, С. 409]. Эротическую силу, приписываемую змею, можно объяснить его связью с древним богом преисподней, также имевшим вид огненной птицы или огненного змея [5, с. 103].

Об архаичности образа Огненного Змея в индоевропейской мифологии свидетельствует образ ведического бога Агни, златоглавого, светлопламенного змея [3, С. 1; 19, I, 79, 1]. При этом в Ригведе упоминается и демон Вритра, имеющий змеиный облик, способный запирает воды, похититель солнца. С Вритрой ассоциируется в своих истоках и «змей глубин» Ахи Будхнья, про которого в Айтарея-брахмана говорится, он — незримое, то, чем Агни является воочию [23, С. 75]. Гадюкой назван и Варуна, в ведической мифологии устроитель мира и владыка космических вод, давший движение солнцу [24, С. 134]. Древнемарийские браслеты «с головками» в ряде случаев имели орнамент в виде кружка с точкой, представлявшего собой универсальный солярный символ, который обычно трактуют как глаз неба, а в ведических гимнах глаз Варуны [10, С. 455].

Заключение. Древние архетипы, восходящие к эпохе тесных контактов финно-угорского и индоевропейского миров, получили воплощение в браслетах «с головками», которые соответствовали мифологическим представлениям как древнемарийского, так и балтского, и славянского населения начала II тыс. н. э. В мифологии этих этносов змей связан с двумя стихиями — огнём и водой, воплощающими важнейшую бинарную оппозицию. Как отмечал М. Элиаде: «Двуединство божества отвечает фундаментальной потребности человеческой природы — реинтеграции человека в Космос через абсолютное единение с ним, когда исчезают крайности и сливаются противоположности» [27, С. 291, 303].

Многогранность образа змеи в финно-угорской (марийской) и прибалтийско-славянской мифологии предполагала его восприятие не только как космического существа, но и как символа плодородия, достатка, домашнего благополучия, что объясняет его распространение в декоре украшений. К числу последних относятся браслеты «со змеиными головками», которые, возникнув, вероятно, в среде балтского населения получили распространение среди соседних этносов, став органичным элементом древнемарийского костюма.

Список литературы

1. Албакова Ф. Ю. Роль символов в национально-этническом сознании: дис..... доктора философских наук: 09.00.11; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2000. 358 С.
2. Архипов Г. А. Починковский могильник//Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 110—118.
3. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1994. 788 с.

4. Буткевич Л. М. История орнамента. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2008. 267 с.
5. Голан А. Миф и символ. М., 1991. 371 с.
6. Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров / Свод археологических источников Е1—59. М., 1979. 112 с.
7. Евсюков В. В. Мифы о мироздании. М., 1986. 112 с.
8. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. 342 С.
9. Иванов В. В., Топоров В. Н. Огненный Змей // Мифологический словарь. М., 1991. С. 409.
10. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963. 500 с.
11. Калевала. Пер. Л. П. Бельского. М.; Л., 1933. 574 с.
12. Калиев Ю. А. Некоторые особенности культа змеи в верованиях марийцев // Археология и этнография Марийского края. Вып. 22. Йошкар-Ола, 1994. С. 107—120.
13. Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX—XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Серия «Археология Евразийских степей». Выпуск 14. Казань, 2012. 408 с.
14. Никитина Т., Ефремова Д. Особенности погребений с орудиями литья на марийских могильниках IX—XII вв. // Финно-угроведение. 2011, № 2. С. 12—24.
15. Отчёт о раскопках Кельгининского могильника Торбеевского района Мордовской АССР: отчёт о НИР / Институт археологии РАН; рук. Р. Ф. Воронина. № 3155. Саранск, 1964. 124 с.
16. Павлова А. Н. Семиотика костюма волжских финнов I — начала II тыс. н. э. Йошкар-Ола, 2004. 492 с.
17. Патрушев В. С. Древнее искусство финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. 80 С.
18. Радиньш А. Погребальный обряд и инвентарь латгалских захоронений 10—13 веков // Archaeologia Lituana 2. Vilnius, 2001, P. 65—118.
19. Ригведа. Избранные гимны. Пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1972. 418 с.
20. Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. / Свод археологических источников У-1-60. Л., 1981. 123 с.
21. Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. Вып. 1. СПб., 1901. 120 с.
22. Степанова Ю. В. Хронология древнерусских погребальных комплексов Верхневолжья // Краткие сообщения института археологии РАН. Вып. 224. М, 2010. С. 285—296.
23. Топоров В. Н. Ахи Будхнья // Мифологический словарь. М., 1991. С. 75.
24. Топоров В. Н. Варуна // Мифологический словарь. М., 1991. С. 134.
25. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1987. 510 с.
26. Шалаева А. В. Пространство мифа: о возможности топологического анализа мифологического мышления (часть 2) // SocioTime / Социальное время. 2015. № 4. С. 50—59.
27. Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1998. 664 с.
28. Vane Theresa. Encyklopedia of Beasts and Monsters in Myth, Legend and Folklore. MCFarlands, 2016. 428 p.

Авторская справка

ПАВЛОВА Анжелика Николаевна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и психологии, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия. E-mail: PavlovaAN@volgatech.net.

UDC 903.25

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.129

ANCIENT MARI BRACELETS WITH “HEADS”: ORIGIN AND SEMANTICS

A. N. Pavlova

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. Bracelets were an integral part of the ancient Mari costume, in the decoration of which the image of a snake was often used. The purpose of this article is to study the origin and semantics of the bracelets “with heads”. The image of a snake, which is embodied in these decorations, will allow you to reveal one of the faces of the semantics of the ancient Mari costume.

Methods. The object of this study is bracelets “with heads”, found during the excavations of ancient Mari cemeteries of the line I—II millennium AD, which are considered on the basis of an interdisciplinary approach using methods of semiotics, structural and functional analysis, in terms of their origin and symbolic values.

Results. Bracelets «with heads», having parallels in the culture of the Baltic and East Slavic ethnic groups, organically entered in the system of the ancient Mari costume of the beginning of the 2nd millennium AD. Semantically, they were close to other similar decorations, reflecting a complex of representations related to the image of a snake. In Mari mythology, the snake was perceived both as a cosmic character and as a creature protecting family well-being, which determined its place in the system of cosmological representations, reflected in the costume.

Conclusion. The distribution of bracelets “with heads” among the ancient Mari tribes is due to the semantics of the snake image that developed during the contacts of the Finno-Ugric and Indo-European cultural worlds and reflecting deep archetypical ideas.

Keywords: ancient Mari, Balts, bracelets «with heads», semantics, the image of a snake.

References

1. Albakova F. Iu. Rol' simvolov v natsional'no-etnicheskom soznanii [The role of symbols in national-ethnic consciousness]: dis..... doktora filosofskikh nauk: 09.00.11; MGU im. M. V. Lomonosova. Moscow, 2000, 358 p.
2. Arkhipov G. A. Pochinkovskii mogil'nik [Pochinkovsky burial ground] // *Drevnosti Volgo-Kam'ia* [Antiquities Volga-Kama], Kazan', 1977, pp. 110—118.
3. Afanans'ev A. N. Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu [Poetic views of the Slavs on nature]. Vol. 2, Moscow, 1994, 788 p.
4. Butkevich L. M. Istoriia ornamenta [Yistory of ornament], Moscow: Gumanitar. izd. tsentr VLADOS, 2008, 267 p.
5. Golan A. Mifi simbol [Myth and symbol], Moscow, 1991, 371 p.
6. Golubeva L. A. Zoomorfnye ukrasheniia finno-ugrov [Zoomorphic Finno-Ugric jewelry] // *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Arch of archaeological sources] E1-59, Moscow, 1979, 112 p.
7. Evsiukov V. V. Mify o mirozdanii. [The myth of the universe]. Moscow, 1986, 112 p.
8. Ivanov V. V., Toporov V. N. Issledovaniia v oblasti slavianskikh drevnostei [Research in Slavic Antiquities], Moscow, 1974. 342 p.
9. Ivanov V. V., Toporov V. N. Ognennyi Zmei [Fire serpent] // *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary], Moscow, 1991, pp. 409.
10. Ivanov S. V. Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik [Ornament of the peoples of Siberia as a historical source], Moscow; Leningrad, 1963, 500 p.
11. Kalevala. *Per. L. P. Bel'skogo* [L. Belsky translation], Moscow; Leningrad, 1933. 574 p.

12. Kaliev Iu.A. Nekotorye osobennosti kul'ta zmei v verovaniikh mariitsev [Some features of the cult of the snake in the beliefs of the Mari] // *Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia* [Archeology and Ethnography of the Mari Territory]. Vyp. 22, Ioshkar-Ola, 1994, pp. 107—120.
13. Nikitina T. B. Pogrebal'nye pamiatniki IX-XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia [Funeral monuments of the 9th-11th centuries Vetluzhsko-Vyatka interfluves]. *Seriia «Arkheologiya Evraziiskikh stepei»* [Series: Archeology of the European steppes]. Vypusk 14, Kazan', 2012' 408 p.
14. Nikitina T., Efremova D. Osobennosti pogrebenii s orudiiami lit'ia na mariiskikh mogil'nikakh IX-XII vv. [Features of burials with casting tools at the Mari burial grounds of the 9th-12th centuries] // *Finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric Studies], 2011, No. 2, pp. 12—24.
15. Otchet o rabotakh raskopkakh Kel'gininskogo mogil'nika Torbeevskogo raiona Mordovskoi ASSR: otchet o NIR [Report on the excavation of the Kelgininsky burial ground in the Torbeevsky district of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic: report on research work] / Institut arkheologii RAN; ruk. R. F. Voronina. No. 3155, Saransk, 1964, 124 p.
16. Pavlova A. N. Semiotika kostiuma volzhskikh finnov I — nachala II tys. n.e. [Semiotics of the costume of the Volga Finns I - beginning of II millennium BC], Ioshkar-Ola, 2004, 492 p.
17. Patrushev V. S. Drevnee iskusstvo finno-ugrov Povolzh'ia [The ancient art of the Finno-Ugric Volga region], Ioshkar-Ola, 1994. 80 p.
18. Radin'sh A. Pogrebal'nyi obriad inventar' latgalskikh zakhorononii 10—13 vekov [Funeral rite and inventory of Latgale burials of 10—13 centuries] // *Archaeologia Lituana* [Archeology of Latvia] 2. Vilnius, 2001, pp. 65—118.
19. Rigveda. Izbrannye gimny [Rigveda. Selected Anthems]. *Per. T. Ia. Elizarenkovo* [T. Elizarenkova translation]. Vol. I, Moscow, 1972, 418 p.
20. Riabinin E. A. Zoomorfnye ukrasheniia Drevnei Rusi X—XIV vv. [Zoomorphic decorations of Ancient Russia of the X-XIV centuries] / *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Archaeological sources] U-1-60, Leningrad., 1981, 123 p.
21. Spitsyn A. A. Drevnosti basseinov rek Oki i Kamy [Antiquities of the Oka and Kama River Basins] // *Materialy po arkheologii Rossii* [Materials on archeology of Russia] Vol. 1, St. Petersburg, 1901, 120 p.
22. Stepanova Iu.V. Khronologiya drevnerusskikh pogrebal'nykh kompleksov Verkhnevolzha [Chronology of the Old Russian funeral complexes of the Upper Volga] // *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii RAN* [Brief Communications from the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 224. Moscow, 2010, pp. 285—296.
23. Toporov V. N. Akhi Budkhn'ia [Ahi Bundhya] // *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary], Moscow, 1991, pp. 75.
24. Toporov V. N. Varuna // *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary], Moscow, 1991, pp. 134.
25. Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ia [Finno-Ugric peoples and Balts in the Middle Ages]. Pod red. B. A. Rybakova, Moscow: Nauka, 1987, 510 p.
26. Shalaeva A.V. Prostranstvo mifa: o vozmozhnosti topologicheskogo analiza mifologicheskogo myshleniia (chast' 2) [The space of myth: on the possibility of a topological analysis of mythological thinking (part 2)] // *Socio Time / Sotsial'noe vremya*, 2015, No.4, pp. 50—59.
27. Eliade M. Aziatskaia alkhimiia [Asian Alchemy], Moscow, 1998, 664 p.
28. Bane Theresa. Encyclopedia of Beasts and Monsters in Myth, Legend and Folklore, MCFarlands, 2016, 428 p.

Author's Bio

PAVLOVA Angelika Nikolaevna, Doctor of History, associate professor, the head of department of History and Psychology, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia. E-mail: PavlovaAN@volgatech.net.

Библиографическая ссылка

Павлова А. Н. Древнемарийские браслеты с «головками»: происхождение и семантика // *SocioTime / Социальное время*. — 2020. — № 3 (23). — С. 129—136. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.129

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «SocioTime / Социальное время» — это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи-практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200—250 слов), ключевые слова (5—10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4—1,0 авторского листа (16—40 тысяч знаков, включая пробелы), оформляется в редакторе Word (шрифт Times NewRoman, кегль 11, одинарный интервал) в формате A4. Подписуемые надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегль 9) помещается в конце текста и оформляется по мере изложения ссылок в тексте статьи;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегль 8,5): Ф. И. О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, E-mail.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация— краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;
- *Заключение (Conclusions)*.

Ключевые слова— основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение:* цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т. д.;
- *Методы исследования:* методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение*: изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение*: теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5—2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10—30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников — 3—5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. **Список материалов**, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;

- текст статьи;

- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);

- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**);

4. **Порядок рассмотрения рукописи**. Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1—3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлекцией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала SocioTime / Социальное время: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net.

Телефон редакции (главного редактора): 8-8362-686040.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

«SocioTime / Social Time» is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. **General information**. The journal «SocioTime / Social Time» publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);

- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);

- Abstracts of articles in Russian and English (200-250 words, justification page, font size 9);

- Key words (no more than 5-10, font size 9);

- The manuscript 7-16 pages (16-40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;

- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in order of references in the text of the article;
- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;
- Information about the authors in Russian and English (font size 8,5): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and e-mail.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200—250 words) - summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;
- Methods: methods and approaches used by the author in the study;
- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);
- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5-10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;
- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;
- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;
- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5—2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10-30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3-5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. **Materials shall be sent:**

- The author's statement addressed to the editor;
- The manuscript;
- Recommendation of the supervisor (for students);
- Certificate on checking the article in the "Antiplagiat" system (articles with original text of **at least 80%** are allowed to be published);

4. **The review process and publication decision.** The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1-3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net. Tel. (Editor in Chief): 8-8362-686040.

Подписка на журнал осуществляется по «Объединённому каталогу. Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс **94236**)